

БОРИС КЛИМЫЧЕВ

МЕСТЬ РОДОГУНЫ (с)

1. ЩУКА РАЗМЕРОМ С КИТА

Переезд в Щучинск был трудным. Радио передавало о нашей победе под Сталинградом. Это радовало. Плохо было то, что на пересадке в Петропавловске Глебик с матерью три дня не могли сесть на поезд. Как не берегли захваченную из Томска горбушку хлеба, отщипывая три раза в день по крохе, хлеб кончился. И лишь на четвертый день втиснулись в вагон-теплушку.

При посадке Глебик зачем-то поднял руку, она так и осталась. Живые тиски давили, в переполненном вагоне нельзя было даже вздохнуть.

- Мочевой лопнет! - канючил гнусавый женский голос.

Бас посоветовал делать в штаны, а через минуту сам же посетовал: обмочили ногу.

Глебика страшило это пленение его тела. Живому существу надо двигаться!

Он почему-то вспомнил, что в сквере при Петропавловском вокзале гипсовые пионеры остались вечно трубить в свои гипсовые горны. Там еще был выцветший плакат: "Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!" И слова эти в ухо Глебику, словно невидимый репродуктор вещал.

И тут - мужик, прижатый толпой к матери, расстегивает её пальто:

- Удовольствие сделаю!

А в подкладке пальто - деньги, а матери как помочь? Никто и сдвинуться места в давке не может!

Глебик в свои тринадцать отлично понимал, чего добивается в давке этот звероподобный. Отец погиб на фронте. Кругом чужие, несчастные люди. Как может помочь матери худосочный, заморенный Глебик, сжатый со всех сторон костлявыми, жесткими телами, словно в стальные тиски попавший?

- Уйди, подонок! - крикнула мать.

А мужик, наглый, с наколотой на руку перчаткой лез, расстегивал, срывал, рычал.

Глебик горячечно, пронзительно завопил что-то о погибшем отце, о мифическом дяде-полковнике, который ждет их на станции и задаст фиксатому. Как жаль, что Глебик не борец Поддубный, которого он видел в Томском цирке. Эх! Если бы под полой у Глебика был автомат. Да откуда? И Поддубным Глебику не быть, и автомат - пустая мечта!

Чем-то из нутра воняющий, смрадный, не отставал от матери, все было мерзостно, слезы бессилия выжались у Глебика.

Глебик пытался вырваться из страшных клещей. Мысли были о чуде. Бывает, раз в сто лет вдруг случается что-то совершенно необычайное. Бога, конечно, нет, это всё ясно растолковали в школе. Но раз в сто лет чудо случается само-собой, по теории вероятности.

И тут поезд замедлил ход, остановился. Дверь откатили два старика с винтовками:

-Слезай по одному, билеты и документы!

Фиксатый скакнул во тьму, шарахнул выстрел. Один из стариков сказал:

-Пуля - быстрее!

Уркана ранило в ногу, он матерился и стонал. Его подхватили под руку и увели куда-то.

Из вагона вынесли человека, посветили в лицо фонарем - зеленое! Деревенская тетка ругалась:

- Сухари сожрал, ворюга, притиснулся к моему мешку, дырку проковырял!

Медичка пояснила:

- Заворот кишок, запивать-то было нечем, - натошак, всухомятку. Помрет, поди.

Зеленый оправдывался:

- Извините, оголодал. Не вор я, учитель из Ленинграда,

И вновь закрылась дверь, свистнул паровоз. Глебик присел на корточки у стены вагона, задумался под стук колес. Это чудо их спасло, или просто поезд вовремя прибыл на станцию, где состоялась проверка? Видимо, все же - чудо, но какое-то неполноценное.

Приснился Томск, где Глебик родился в ночь с первого на второе июня, в родильном доме имени легендарного наркома Семашко. Много позже он узнал, что в самый его момент рождения раздался грохот. Шла борьба с религией, и в эту ночь рядом с родомом взорвали Благовещенский собор. Новорожденный, скорее всего, воспринял прозвучавший грохот, как одно из неудобств этого нового для него мира.

Проснулся Глебик от холода на полу вагона, глянул в дверную щель, увидел тянувшиеся вдали караваны сопков - подъезжали к Щучинску.

Когда до войны Глебычевы гостили здесь, врач Сафронов, обритый наголо и в тюбетейке, по утрам заставлял всех делать пробежку по бору до громадного и прекрасного озера Щучье. Говорили, что в этом озере жила щука триста лет и была она два метра длиной. Многие рыбаки её видели, а поймать никто не мог.

И была прозрачная вода озера, громадные камни скатились с сопков, и лежали в воде. На них можно было загорать, нежиться.

Сафронова в начале войны отправили на фронт, и старшая материна сестра, тетя Шура, поехала с ним. Он был убит во время арналета. Тетю списали домой. Вернулась - седая. И вскоре вышла замуж за какого-то врача-пенсионера со страной фамилией - Злодеев, и уехала с ним на Урал.

Поднявшись в гору, Глебик и мать увидели знакомый дом, увидели и Марию Сергеевну на крыльце. Глебик обрадовался. Бабушка! А она всучила ему полутораведерную корзину и велела набрать в бору шишек на растопку. Он пальцы ободрал о замерзшие кочки и корни деревьев.

Не прожили они у Марии Сергеевны и недели, как из - Сталинграда, где находился младший материн брат - Леня, пришла на него похоронка. Бабушка вынесла свое горе на улицу. Рвала волосы:

- Бог, ты видишь?

Младший материн брат - Леня окончил школу с золотой медалью. И уж точно стал бы врачом, как Сафронов, так нет - погиб! Глебик, увы, учился слабо, особенно с тех пор, как грянула война и не стало отца.

А ведь жизнь начиналась так хорошо! Радио передавало о хороших людях челюскинцах, о Чкалове. И о нехорошем человеке Гитлере. О героях-испанцах, которые оборонялись от фашистов. Глебику тогда купили шапочку-испанку. В театре Глебик был рад видеть на сцене давно прочитанную им сказку. Северный олень косил огненным глазом, маленькая разбойница сочувствовала Герде. Кай сидел в царстве Снежной королевы и пытался сложить из льдин забытое им слово. В красивых креслах в зале сидели особенные люди, не ругались, не шумели. И пахли духами.

Просто спектакли были шестилетнему Глебику понятны. Но, впервые попав на оперу, он шепнул отцу:

- Зачем петь? Просто говорили бы, было бы понятнее.

Отец умел объяснять кратко:

- Ты поешь - "У самовара моя Маша!" мог бы не петь, говорил бы!

Глебик подрастал. Ворошиловские стрелки палили в тирах, граждане и гражданки Томска прыгали с парашютных вышек и получали значки БГТО и ГТО. Оказалось, что ГТО - старше, важнее, потому, что первый значок только призывает быть готовым к труду и обороне, а второй дается тем, кто уже к ним готов.

Глебику до этих значков было еще далеко. Октябрятский значок он сменил на пионерский, мечтал о - комсомольском. В какой-то момент между мечтой о значке и Глебиком встали чекисты, забравшие старшего Глебычева ночной порой.

Отца все же выпустили. Но началась война, он ринулся в военкомат, чтобы укрыться от нового ареста на фронте. И он, действительно, надежно укрылся под безвестным холмиком в Подмосковье.

Глебик нередко мысленно вызывал его образ, но с каждым днем образ этот тускнел и расплывался. Но многое оставалось с Глебиком. Город, который отец ему рассказал весь, до

последней избы на окраине. Был образ кладбища, на котором лежал дедушка Николай Федорович. Отчаянный человек, народоволец, который хитроумно укрылся от ареста в Сибири, в местах ссылки.

Дед был приказчиком. Потом имел и свою лавчонку. Восемь детей, растил один, без супруги, отравившейся по дороге в Сибирь. И однажды дед вдруг ушел от сытной жизни. Стал актером в театре "Интимный". И как раз начались революции, люди стали делиться на белых и красных. И в этом потрясенном мире дед играл на сцене маленького театра Казанову, человека, которого почему-то любили женщины.

А на улице из сугробов торчали ноги в обмотках и австрийских ботинках. Людей косил тиф, а к голодному городу приближались армии, измотанные боями, несли с собой злобу, чуму и прочую заразу. Но деду было горя мало. Играл. Потом дед простудился на охоте и помер. И теперь он лежал в Томске, под землей. И отец лежал неизвестно где, а Глебик переехал из Томска в Казахстан. Опять - случайность. Они с матерью могли бы откочевать к отцову брату на север Красноярского края. Сделали пакетики, бросили в шапку, Глебик тянул жребий. Вытянул - Казахстан. А стало быть и вагон этот вшивый, и негодяя, который пристал к матери.

Почему не остались жить в Томске? Тоже - сплошные случайности. Эники-беники... и так далее.

Матрена Ивановна став в начале войны техноруком промысловой артели, называлась уже Марией Ивановной. А после каких-то непонятных Глебику производственных неудач, она перевелась работать в ресторан, заместителем директора и стала зваться совсем уж диковинно - Модессой Ивановной. Кто-то хотел её погубить. И почему-то милиция " села на хвост". Тогда стали тянуть жребий и вытянули Щучинск.

Бабушка после гибели дяди Лени, молчала два месяца.

И совсем уж нелогично, вскоре после похоронки, бабушке принесли бумажку о выселении из сафоновского дома, так как он для нее велик. В горсовете она кинула в начальника чернильницу, грозила написать Сталину, сказали: дальше почты не уйдет. А вскоре бабушка переселилась в саманную полуземлянку.

Мама-Модесса вскоре устроилась в вокзальный буфет-ресторан, и подыскала себе землянку на улице возле вокзала: после ночной смены через весь город в избушку к Марии Сергеевне не пойдешь. Глебика она пристроила учеником к часовщику дяде Ване Беркутову, бывшему красному партизану. Оказалось, что дядя Ваня бывал в Томске. Он так рассказывал:

- В Томском назначения ждал. Бригаду, где был командиром отряда, расформировали. Сижу в ресторане. Двое кудрявых, в коже, пустили слюни: мы, комиссары! Шлёпнул одного. Скрутили. Очнулся в подвале. На верхней наре - поп в меховой шубе. "Ах, опиум!" Стащил его с нар вместе с шубой. Третья ночь: "Беркутов - на выход!" Иду в поповой шубе, будут кончать, "маслилки"1 запутаются, сбегу.

Ночь - допрос. А наутро - толк. Повезло. Беркутов, ты бывшего эсера кокнул. Корячилась тебе по делу вышка. Но, учитывая тупость, глупость и невоспитанность, посылаем на курсы бухгалтеров... А я и так знаю, что дважды два - пять с половиной. С курсов убег, часы мастырить научился...

Глебику нравилось в мастерской. Мастер такой смешной: клиентка говорит, мол, дорого за ремонт взял, а он:

- Гражданка, а спички ноне в магазине почем? А, гражданка?

В слове "гражданка" ударение на первом слоге, а в слове "магазин"- на втором. Смешно.

Глебик стал бывать у дяди Вани дома, а там еще интереснее. Чеченцы приходили, казахи, немец. Бывал даже человек из Аргентины. В начале войны его выслали из Москвы в Щучинск. Он стал тут сапожником. И показывал всем ответ на его просьбу о возвращении на родину. "Ждите конца войны". Он заболел тут туберкулезом и боялся не дожидаться конца войны. Думалось: почему все боятся быть зарытыми в чужой земле? Не все ли равно, - в каком боку земного шара?

Однажды в доме у Беркутова Глебик столкнулся с тем самым мерзавцем, который в давке "Пятьсот-веселого" расстегивал материно пальто. Он оскалил фиксы:

- Попался, сявка? Ну, где твой дядя полковник? Из-за твоего хая на бану меня менты плевали. Порвать бы тебе хавальник!2

Дядя Ваня сказал:

- Остынь! Пацан свой... Понял? Познакомьтесь: это Сашка Цымбас, а это - Глебик.

Цымбас Глебику не подал руки, лишь проворчал:

- Ладно, дыши пока ...

Щучинск заполонили цыгане. Бежали от Гитлера, а вагоны у них были только до Щучинска.

Явились к попу кучерявые цыганки с младенцем в пеленках:

- Мы не цыгане, мы сербияне, окрести девочку, хорошо дадим. - И показали червонцы.

Поп открыл церковь, а там мать подняла младенца, да и трахнула им попо по голове. Это полено было в пеленках. А поп очухался, кинулся на колокольню, ударил в набат. Цыганки, задирая подола до голов, стали сигать через плетни. И были это цыгане, во все женское переодетые. Маскарад!

Когда через день Глебик зашел в мастерскую к Беркутову, там сидел цыган лет пятидесяти с роскошными чуть седыми кудрями, жгучими глазами и бровями-дугами, словно нарисованными. Беркутов представил Глебика:

- Чистодел из Томскова, брус шпановый, чечетку бьет, на гитаре шарит. А это Михай Шаркози. Хоть стирь ковать, хоть мульку лепить, - смеялся дядя Ваня голубыми дерзкими глазами из-под белой челки.

- Стирь - лошади? - спросил Глебик.

- Ковать стирь, значит, делать крап на картах. Теперь Михай на базаре фраеров крутит. Помоги ему, купи талон за сотнягу. Выиграешь лису и принесешь мне, усек?

Глебик вышел вслед за Михаем. Тот выложил на прилавок пару чернобурок, взятые у Беркутова напрокат часы, да еще пестрые платки и шали. Поставил стакан с карандашами:

- Любите черно-бурых лис, выигрывайте первый приз!

Купишь талон, и Шаркози даст тянуть карандаш из оклеенного цветной бумагой стакана. Невидимый нижний конец карандаша стесан, там - цифра. Глебик вытянул карандаш-семерку. Михай завопил на весь базар:

- Святое число, мальцу повезло!

Шумок по базару - пацан лису выиграл! Талоны шли нарасхват, но за день лишь одна тетка выиграла ситцевый платок.

В конце дня Шаркози считал деньги в мастерской у Беркутова. Забрал лису и ушел, Беркутов сказал:

- У Шаркози пять тысяч цыган. Проказят, Щучинску их не прокормить. Казаки их бить собираются. Нынче в "железке" банкет, приходи. Шаркози начальству на лапу дал, чтоб их отсюда поскорее отправили.

Ресторан был заперт. Начальник станции, начальник депо, предрик.

Мария-Модесса украсила стол живыми цветами, сияла посуда, пиво пенилось по своей природе, а не по причине запущенной в него тайком пищевой соды, как это обычно здесь бывало.

Ударили гитары, запели скрипки. Михай неожиданно вскочил на стол. Вот музыканты оборвали мелодию, и был слышен лишь удивительно четкий перестук лакированных сапог, с кисточками на голенищах. Сверкающие их носки мелькали среди бутылок и налитых рюмок, но вино не выплескивалось и бутылки не падали.

"Джа!" - крикнул Михай, и скрипач ловко кинул ему табуретку. Михай установил её на столе и вспрыгнул на неё. Ритм дошел до предела, казалось, Михай весь рассыплется в дробях. "Джа!" - крикнул он, табуретка сдвинулась, и две ножки её повисли в воздухе. Михай плясал, как-то находя точку, позволяющую удержать равновесие. "Джа!" - крикнул он, выбивая умопомрачительную последнюю дробь, скрутил сальто на пол, став на колено, прижал руку к сердцу.

Публика взревела. Начальники обещали дать вагон до Караганды.

А Глебик думал о том, что сам-то он, оказывается, не пляшет, а утаптывает дерьмо. Никогда ему не научиться, так, как Михай. Чтобы так плясать, надо родиться цыганом. Они пляшут не только красиво, но как бы презрительно, взгляд такой. Как бы месть за тысячелетнее изгойство. Сам - здесь, но его тут нет.

Наутро цыгане из Щучинска исчезли, зато приехала к Беркутову дочка Нина. Когда-то у Беркутова была в городе Караганде интрижка. Забыл давно, да пришло письмо: " Мама умерла, я ваша дочь, хочу вас видеть".

Это было чудо. Глебик непонятно почему в последнее время стал мечтать о дружбе с девушкой. А тут все вышло само. Он пришел к Беркутову, играл на гитаре, пел, Нина смотрела восторженно, хотя ей было шестнадцать, и она была на три года старше Глебика.

В воскресенье он вызвался показывать ей сопки. Выветрившиеся горные породы образовали причудливые пирамиды. Там и тут мерещились лики. Были тут Спящий рыцарь, Белуха, Синюха, Верблюды, Слон, Медведь, Кабан.

Молодые ноги быстро донесли их до танцующей рощи. Березы там были перекручены противоположными ветрами в кольца и даже в восьмерки. Не дай бог такие танцы, это были инвалиды, но - красивые. Кора была ослепительно белой, может, от особенно чистой озерной воды.

Глебик упал в траву. Нина положила голову ему на грудь и быстро уснула. Он боялся, что её разбудит биение его сердца. Припухлые губы были рядом, но не поцеловал. Темный волос, сросшиеся брови, малороссиянка со старой картины. А ему вспомнилась Джоанна Друриком из книжки. Её любовь. Он так мечтал о своей Джоанне! Она! Знал - встретит! Встретил.

После в озере учил Нину плавать, поддерживал упругое тело, касался груди. Мерещилось тайное сокровенное укрытие. Сумрачное. Бредовое. И трепетал. Терзался. Заметит? Это были невидимые волны. Их излучало её тело.

Ему всегда мешала чувствительность. С восторгом принимал теплые волны отца и матери. Благодарно принимал лучи добрых людей. А от некоторых встречных шло такое, что вызывало страх и омерзение. И он спешил отойти в сторону.

Теперь он чувствовал прекрасное.

А в следующее воскресенье пьяненький Беркутов не пустил его даже в калитку:

- Нинку кадришь? Как - нет? Я тебе не зип ломовой. Фрайер задрипанный!

- Старый дурак!

- Зарублю! - завопил - Беркутов, кинулся в дом. Глебик пустился наутек: и зарубит! Эсера в Томске застрелил?

Встретил потом Нину на базаре, а она:

- На озеро больше не пойду, отец нервничает, да и вообще... отпуск кончается, все равно уезжаю. А ты еще найдешь себе девушку...

Уехала. Глебик все чаще ходил один к озеру. Оно равнодушно шумело, берег был пустынен. Щучинцам было не до прогулок...

Однажды в часовую мастерскую пришел скелетоподобный человек. С ним была дочь, точно похожая на него и такая же худая.

- Мне нельзя в санатории без часов, кокетливо говорила девчушка, процедуры все по расписанию...

Отец закашлялся, вынул из кармана баночку, деловито отвинтил крышку, сплюнул и вновь завинтил.

После ухода туберкулезников, дядя Ваня сказал, что знает эту пару, знакомый врач сообщал, что жить отцу с дочкой осталось с полгода... Глебик думал: а смог бы поцеловать ее? Бледно-прекрасная, почти бесплотная. Юное, зачахшее деревце. А всё - война. Ни хлеба, ни картохи. Только таким удальцам, как Соколов и Шаркози, всё нипочем. Делают деньги из воздуха, берут с потолка. Нет, Глебика вовек так не научиться, А молодость проходит, навсегда, не вернуть!

2. ВИННЫЙ КАМЕНЬ

В буфете железнодорожного ресторанчика Матрена-Мария-Модесса качала пиво ручным насосом. Бочки закатывал казак-снабженец, могучий, глазастый, лет за пятьдесят. На фронт не взяли из-за язвы желудка и чего-то там еще.

Для крепости в водку тайком добавляли красноватый камень, так что Иван и Матрена взбадривали себя время от времени стопкой водки, не опасаясь недостачи. Трезвому клиенту наливали неразбавленную водку, "неженатое" пиво. Клиент "хорошел", терял бдительность.

И лишь изредка с тревогой в голосе они говорили про ревизора со спиртомером. И было ясно, что спиртомер этот - страшнее пистолета.

Пили в ресторашке чаще всего местные железнодорожники. Они, в отличие от многих других щучинцев, живших лишь натуральным хозяйством, получали приличное жалованье.

"Железные" от материного пива страдали расстройством желудка и после каждой выпивки подолгу сидели в станционном сортире.

В предновогодний вечер Глебик прошел мимо гор угля, лежавшего возле путей, к депо, где была единственная в городе душевая. Щучинцы имели примитивные домашние баньки, куда надо было долго и нудно таскать воду из далекого колодца. Многие хотели испытать прелесть цивилизации, постоять под душем. Но "железные" всех отвадили, подключив к "подсолнуху" электропроводок.

Вы включали душ, и вас охватывал "щупальцами" гигантский спрут из книжки Жюль-Верна. Простачки думали, что в душе поселился черт. Глебик приноровился отводить проводок деревянной шваброй.

Помывшись, Глебик прошел в буфет, ибо мать обещала ему праздничный ужин. Посреди зала стояла маленькая елочка, воткнутая в бочонок из-под пива. Старый казах в лисьем треухе хрипло спрашивал:

- Абссанка! Кушай можна?

- Закрываем, закрываем!

Возле буфета на коленях стоял единственный щучинский еврей, Абрам Канцельсон, обращаясь к Марии-Модессе:

- Цветок душистый прерий! Стопочку в долг! Завтра в новом году буду стричь, и брить, сшибу левака и рассчитаюсь! Видишь, как дрожат мои благородные пальцы?

Зал заполняли "железные" высшая каста. Глебик за - буфетной стойкой. Поел пшенной каши с печеночным подливом, которого не пожалел повар Атаев. Принялся качать пиво, сетуя, что так туго идет ручка насоса.

В какой-то момент в ресторане возникла драка. Дрались все. Били того, кто под руку подворачивался. Карусель!

Повар Атаев стоял в дверях кухни, зажав в могучем кулаке гирьку. Кого мог достать - ударял по голове, выключая из драки.

В этот момент в ресторан вошли дядя Ваня с чеченцем Ахмедом, и аргентинцем Саней. Санчо был глуховат, не понял дела, и получил вилкой в зад.

- За что его? - крикнула Матрена-Модесса, оборонявшая буфет со скалкой в руке. - Он же не наш подданный!

- Вот за то, что - не наш и получил!

Беркутов пнул кого-то промеж ног, подхватил аргентинца под руку, кликнул с собой Глебика и Ахмеда. Пошли в бурную ночь.

- Как же его теперь лечить? - спросил Глебик, - заднее место ведь не забинтуешь?

- Проспиртовать его надо! - сказал дядя Ваня.

Пошли к Соколову. И пили. За Кавказ, за Аргентину, за Щучинск. Глебик пел под гитару:

- Дядя Ваня - хороший и пригожий,

Дядя Ваня - всех юношей моложе!..

- Закуска кончилась! - сказал Ахмед.

- Сейчас будет! - ответил Беркутов, - схватил со стены саблю и вбежал в теплые сени, где у него был курятник. Выпустил кур, пытался отрубить им головы, но иногда перерубал их пополам. Куры орали и летели перья. Тогда выскочил чеченец с ружьем. Ему это ружье выдали для охраны базы, но и после смены он носил его с собой. Он чесанул по курам дробью.

Стали жарить кур на плите, но они пригорели. Пахло паленым. Аргентинец рыдал. Ему дали жареную курицу и отправили домой.

Глебик вспомнил, что мать ему велела быть в эту ночь дома, чтобы кто-нибудь не залез в избу, и тоже засобирался.

- Куда? - сказал Беркутов, - ночуй. Поздно.

Но Глебик не боялся. Вино в молодой голове заискрилось, и заборы казались по колена, и вьюга была всего лишь шелковой занавеской на божьем окошке.

Он добрел до пустынной в эту пору базарной площади, когда увидел двоих, шагавших странно и мотливо.

Глебик инстинктивно шагнул в сторону, но услышал знакомый с хрипотцой голос:

-Помоги, сявка! Скот нажрался водяры, тащить его нет сил, бери под руку!

Глебик узнал Цымбаса. Подошел, взял под руку отяжелевшего человека. Они направлялись к железнодорожным путям, к безмолвному составу.

- Помоги-ка, его на платформу взвалить! - прохрипел Цымбас. - Тяжелый, сука!

В неверном отблеске станционного фонаря Глебик заметил, что Цымбас сорвал с шеи пьяного что-то круглое на цепочке. Глянул на свои руки, они были красны от крови.

В мгновение сработала мысль. Мужик мертвый. Пальто знакомое. Длинные волосы. Санчо! Да! У дяди Вани Санчо не раз показывал золотой медальон с изображением златокудрой красавицы, его жены, которая ждёт его в далекой Аргентине. Единственная ценная вещь. За неё аргентинец и получил в новогодней ночи удар цымбасовского ножа.

Они взвалили Санчо на платформу. А теперь Цымбас зарежет Глебика, чтобы не было свидетелей. Его-то он закинет на платформу легко, в Глебике и веса-то почти нет. И уедут они с Санчо еще до рассвета в неизвестные края. На какой-нибудь дальней станции их скинут с поезда. И похоронят, как неопознанных.

Глянул на Цымбаса: у того усики - точь в точь, как у Гитлера, на плакатах ТАСС. Руку сунул за пазуху, нож достает.

Глебик юркнул под платформу, вихрем пронесся по путям в пристанционные закоулки. Вьюга укрыла, помогла, топот позади отстал. Видно, Цымбас потерял его из вида.

Заплутался, но ближе к утру вышел все же к своей избе. Эта самануха³ была на отшибе, в сенцах лежала куча угля. Набрав угля в ведро, Глебик пописал в него, уголь - пыль одна, так лучше спечется.

Выкрутив язычок керосиновой лампы, Глебик читал Жюль-Верна. В избе стало теплее, и можно было себе представить саванну и баобаб... Вдруг грохнуло. Вылетело стекло с рамой, керосин вспыхнул на столе и на полу. Сразу грохнуло и в другом окошке.

Глебик увернулся от кирпича. Попытался обуться, но пимы почему-то не обувались. Возле саманухи прозвучал топот, изба была единым целым с промерзшей землей, хорошо принимала звук.

Было две подушки, заткнул ими оконные проемы, дрожа от страха и холода, укрылся пропахшим керосином одеялом... Очнулся, когда постучала Мария-Модесса, показал ей обломки кирпича. Она коротко сказала:

- Разберусь.

Легла рядом и моментально уснула.

После этого случая, Глебик старался чаще ночевать у бабушки, в махонькой полуземлянке, там две лежанки жались возле стен. Пол подметали полынным веником.

Стены отсыревали, вдруг сороконожка залезет в ухо? Бабушка говорила, мол, нальешь тогда в ухо воды, она и выскочит.

Однажды он разглядел в чашке с супом мокрицу. Бабушка яростно доказывала, что это луковая пережаринка.

- Пригаринка от горшка, четыре ножки, два рожка! - съязвил Глебик.

- Поди вон! - гневно сказала Мария Сергеевна, - будут тут выдрючиваться! - Своих вырастила, у тебя мать есть, к ней и иди!

Не было ему уютно на земле! Пришел к матери в буфет, уговорил переехать на другую квартиру.

Там же, на Станционной улице переехали в деревянный дом Анисьи Захаровны. Её сын заведовал клубом. Была во дворе лохматая собака, и ночевать здесь было не так страшно.

Сын-завклуб дал Глебику право бесплатно смотреть фильмы. И тот смотрел по три сеанса подряд! А когда снег был съеден подобревшим солнцем, в доме объявился профессор Бюль-Бюль. В переводе - соловей!

Перед концертом у профессора началась ангина. Он полоскал горло раствором соли и соды, но из горла вырывался лишь хрип. Певец был в ужасе.

Концерт не отменили. Как Бюль-Бюль вывернется? Глебик был в первом ряду.

Сын-завклуб долго рассказывал о творчестве Соловья. Ставили на патефон пластинки с песнями Бюль-Бюля.

Потом, вытянув руки по швам, захлебываясь от торжественности, сын Анисьи Захаровны:

- Заслуженный... республики... профессор Бюль-Бюль!

Пианист заиграл нечто бравурное и на сцене появился красавец! Глебик подумал даже, что профессора подменили каким-то другим артистом. Лицо накрашено, напудрено, Губы, брови подведены, кудри завиты. Пиджак - ласточка!

Профессор запел и Глебик понял: да, Соловей! Глебику так не спеть никогда. Таланта нет, на базаре не купишь!

Щучинск зимой был таким заброшенным, унылым. И Нина где-то в загадочной Караганде.

Как-то так получается, что красота или недоступна, или проходит мимо, либо тебя так сжимают, как в том вагоне поезда "Пятьсот-веселый". И думай, - как бы в живых остаться!

Мария-Модесса рассказала: у Талыгина обнаружилась недостача, и он сбежал в город Караганду. Укрылся не только от милиции, но и от жены. Не понимала его, подсылала сыновей, чтобы били у Марии-Модессы окна.

Надо самим из Щучинска в Караганду перебраться. Недостачу нашли и у неё. Трудовую книжку не отдадут. Пусть! Талыгин поможет устроиться...

Глебик решил: да, хорошо! Уехать от Цымбаса, который может зарезать его в любую минуту, от жизни однообразной, неинтересной. На юг, в Караганду, там, на два градуса теплее, а может, на все четыре! В ту сторону уехал на платформе мертвый аргентинец. Но ему теперь ни тепло, ни холодно. А в кармане у него была бумага, что после войны сможет вернуться домой. Не вернется.

3. КАРА ЗНАЧИТ - ЧЕРНЫЙ

Первую ночь в Караганде провели, забившись в кусты, в парке. Мать сказала, что там безопасней, чем на улице, маскировка.

Потом нашли в Большой Михайловке кизячную⁴ избушку. Хозяин её, древний аксакал, сказал:

- Со мной один малай, дженьчин - хороши, дженьчин моет, стирает. Деньги не берем.

Изба была сложена из кирпичей коровьего и верблюжьего помета. Мария-Модесса сказала, мол, закапываемся в дерьмо.

В сенях лежали тюки спрессованного сена, была привязана к колышку коза. Справа - дверь в келью старика, который целыми днями пропадал на базаре, а вечером втискивался в келью, как в гроб. Там размещался лишь топчан, не было никакого отопления. Дед размачивал корочку хлеба, жевал, укрывался собачьей дохой до утра.

Слева был ход в избушку, там поместились Глебик с матерью и хозяйский внук. Он был не выше Глебика, но шире в плечах, с большими узловатыми руками. Звали его - Витькой, а по-татарски - Зинатуллой.

- Если - Зинатулла, то по-русски тебя надо звать Зиновием - сказал Глебик.

- Витькой в гараже придумали называть, так короче и лучше, я привыкнул.

Коричневатые кизячины с соломинами проглядывали сквозь штукатурку. Цикориевый чай без сахара и хлеба. Глеб уверял Витьку: в ведре воды содержится пять граммов жира.

- Чтобы толстеть, надо столько воды пить, что ссать замучаешься! - задумчиво сказал Витька-Зинатулла.

После чая Витька пошел в автопарк, мать и Глебик пошли искать посильную работу.

Трижды в день Глебик приходил к обувной фабрике. Фамилии - Нины он не знал, а вахтеры сказали, что на фабрике не меньше ста чернявых Нин!

Марие-Модессе Талыгина найти не удалось, а без трудовой книжки и без знакомств она смогла устроиться только кастеляншей в роддом. Иностранное слово таило в себе стирку, глажу больничного белья.

Глебик в Караганде смог устроиться охранять картошку на путях. Пошли бураны, а ботинки его просили каши, подошвы прикручивал проволокой. В таком виде он боялся встретить Нину, хоть и очень хотелось.

Рядом с избушкой в саду был дом отдыха " Шахтер". Там - танцы. Глебик вечерами в избушке учил Витьку танцевать. На глинобитном полу начертил мелом крест и - раз-два-три! "Брызги шампанского", "Розамунда" и "Рио-Рита".

Через месяц Витька уже неплохо кружился в вальсе, мог и танго изобразить. И как раз - май, теплынь, празднование Победы. Толпы людей плачут. И хлеб впервые за пять лет без талонов, без карточек, - хотя и очень дорогой.

Победа. А отца не вернуть. И Глебик думал о том, как бы повернулась жизнь, если бы не война. Теперь бы он уже в университете или в консерватории учился. В костюме хорошем ходил бы. Может, отец бы ему купил бы аккордеон или баян. Тысяча кнопок, и в каждой - звук.

Вспоминалось, как слушали в Томске хор Пятницкого. Былинная мощь мелодий России. В них и березы шумят, и реки журчат, и вся страна от Балтики до Тихого океана открывается. И мерещились ему театры, веселые, красивые, умные юноши и девушки, и он среди них, равный. А теперь - что?

Молодость свое берет. Глебик сказал:

- На танцы бы нам, Витька, да брючишки у нас не те, обувка не та.

- А какие надо штаны? - спросил Витька.

- Шевиет!

- Шеви... чего?

- Ше-ви-ет!

- И-ди-ет! - сказал Витка, - где деньга брать?

Однажды Витькин дед вернулся с базара в сопровождении четырех милиционеров. Они уверенно разобрали в сенах тюки с сеном. Под тюками, в яме - швейные машинки "Зингер", каракуль, отрезы, деньги. Ата держался за сердце. Забирать не стали, куда он убежит, столетний?

Вечером Ата, как всегда, улегся в своей келье, утром - не вышел. Витька заглянул в каморку, сказал:

- Кутарды!5

Матрену-Марию-Модессу и Витьку вызывали в милицию. Мать сказала там, что дед держал внука в черном теле, забирал автопарковскую получку, почти не кормил. Парень раздет, разут. Вернули бы часть денег и пару отрезов. И грозный начальник Шахниязов согласился. В разгар лета армянский портной сшил Витьке и Глебику два настоящих костюма. Теперь было в чем идти на танцы!

- Друг с дружкой танцевать будем? - спросил Витька.

- Зачем? Девчат будем приглашать.

- Не пойдет.

- Вежливо поклонись - пойдет.

- И можно ей, как тебе, класть руку на плечо и на жопу?

- Не на зад, а на талию.

- Это все равно рядом...

Глеб надеялся увидеть в "Шахтере" чернявую Нину. Он попрыскался духами Марию-Модессы, помазал за ушами и Витьке, причем тот сказал:

- Теперь я хорошо воняю.

В танцевальном зале были парни многих национальностей. Черноусый Султан прошелся по залу в лезгинке, припевая:

-Асса!

Ридикюль

Купи мена, как хочешь,

Веди мена, куда хочешь,

Луби мена, сколько хочешь!

Асса!

Ридикюль...

Объявили белый вальс, Глебика никто не пригласил, а Витьку увела конопатая толстушка. Он пыхтел, выделывал ногами кренделя и шептал толстухе на ухо. "Освоился, скотина!" - ревниво подумал Глебик.

На кругу закуролесила драка. Приезжий из Алма-Аты вздумал строить блатяка. Вот он - в крови, повторяет:

- Товарищи, костюм порвали, шляпу растоптали. Я ж - шахтер, моя фамилия - Простира. Шляпу растоптали, костюм порвали, мне же и переодеться не во что. Я приезжий...

- Не выдрючивайся, падла! - сказал Султан, а то - блатной, аж сзади дым валит...

А с Марией-Модессой в землянку на улицу Нижней являлись молоденькие санитарочки. Девушки просили Глебика петь под гитару. Надоели! Если бы - Нина!

Угрястая Зинаида однажды услужливо сказала:

- Глебик, о вашем таланте я говорила новошахтинскому завклубу Назару, он зовет вас в артисты, станете, как Лемешев.

Это окрылило. Это другой мир. Сказочный, Возвышенный.

Плутали с Зинаидой среди землянок, нашли барак, где помещался клуб. Заведующий уставил на Глебика черный глаз, второй почему-то был зеленым.

Глебик спел, сыграл.

- Купи нотную тетрадь и приходи, буду учить. А что струны можешь дергать - это ерунда.

- Научусь, что толку? На сцену не выйду. Покраснею, как рак.

- Привыкнешь. Сначала в группе будешь выступать, потом - в паре...

Домой шел окрыленный. Научится, привыкнет. В группе. Потом - солист. Афиши. Гастроли. Нина поймет. Беркутов пожалеет, что грубил. Узнают!

Встретил Султана, похвастал.

- Нельзя у Назара учиться, он - попник.

- Врут, поди. И что мне за дело? Я-то ничего не позволю. Поучусь на гитаре по нотам.

- Напоит и сделает.

- Не буду пить.

- Если в клуб к Назару пойдешь, никто руки не даст, я тоже не дам. В тюрьме у параша будешь спать.

- Какая тюрьма? Учиться хочу. Какое кому дело?

- Султан все сказал.

Глебик с неделю колебался: пойти в клуб к Назару, не пойти? Вспоминалась слышанная от взрослых мудрость: жить в обществе и быть свободным от него нельзя. Получалось, что мудрость эта сбывалась на практике.

В огромном черном городе Караганде, в небольшом пришахтном поселке было свое общество, и Глебик не был от него свободен. Эта связанность бесила его. Черт бы все взял!

Вскоре встретил на заборе плакат: четыре месяца учебы, питание, обмундирование, стипендия. Мастер бурения. Шесть лет работы - орден Знак Почета, пятнадцать - орден Трудового Красного Знамени, тридцать - звание Героя!

Через тридцать лет он будет седым? Пусть! Через четыре месяца он -

буровой мастер, они много получают. И - Нина...

Комнатушка с диаграммами, рисунками буровых вышек и станков. Офицер - фронтовик, диктует, словно командует.

Но никого не спрашивали. Экзамена не было. Через два месяца послали в степь: остальное поймете на практике.

Тряслись в кузове грузовика, миновали столицу Карлага Долинку, вырвались на заснеженный простор. Часа через два прибыли на место совершенно заочневшие.

- Где будем жить?

Инженер-геолог сказал:

- Выроете себе землянку и живите на здоровье.

Сбылось обещание плаката. Спецодеждой были брезентовые рукавицы, бесплатным питанием - пшенка, за которую высчитывали

ползарплаты, общежитием - дыра в склоне холма, её сами же вырыли на четверых и прикрывали сколоченном из горбыля щитом.

Возвращаясь с вышки ночами, брали с собой железяки. Огоньки волчьих глаз на холме. Встали спинами друг к другу - обороняться. Догнал их буровик с другой вышки, с карабином, стрельнул, отпугнул волков.

Спали на нарах в той же робе, в которой были на работе, и утром волосы примерзали к стене землянки.

Только через месяц начальник партии договорился о бане в зоне для двадцатипятилетников.

Путь был неблизкий, машина буксовала, вылезали из кузова, брали в руки лопаты. Наконец показались вышки, колючка. Отдали охране документы, ждали в комнатухе перед входом в зону. Возле "буржуйки" сидел охранник с лицом старого лиса, говорил:

- Вам греют воду зеки. Охрана проверит: не спрятали ли чего для передачи на волю? Вас обыщут до бани и - после. Не дай бог вам что-нибудь пронести в зону или вынести из нее. Здесь сидят враги народа, и вы станете их пособниками.

- Я слышал, что некоторые сидят по ошибке, - беспечно сказал Глебик.

- Где слышал? Когда? От кого? Фамилия! Что - чья? Его и твоя!

- Не знаю я его фамилии, в поезде слышал.

- В каком поезде? Какого числа? На какой остановке сошел говоривший это? Кто еще был в вагоне? Номер вагона?

"Ну, влип!" - подумал Глебик.

- Не помню я остановку, ночью было, осенью прошлого года в Караганду ехали. Я в корне не согласен с тем, что мужик говорил, Я ж комсомолец.

- Плохой комсомолец, сомнения сеешь.

Позвали мыться. Быстро провели к кирпичному зданию. Широкие скамьи, новые тазы, возле каждого кусочек мыла и малюсенькая вехотка. Смыть с себя месячную грязь - наслаждение! Но на душе кошки скребли - охранник этот!

Когда вышли, того охранника в комнатухе уже не было.

- Чего он убежденный такой? - сказал Глебик соседу по нарам.

Ванька Пересветов ответил:

- Выгодно ему. Большой оклад, усиленный паек, обмундирование. Можно над людьми легко возвыситься. Как ему всех врагами не считать? Работу потеряет. Охота ли ему, как мы, железки задаром ворочать?

- Может, самим в охранники податься?

- Не сможешь ты! И я не смогу. Таким родиться надо...

И Глебик подумал: да! А если бы Глебика за колючку спрятали? Тут же отбросил эту мысль. За что? Его-то? Он мечтает любить, жить среди умных людей, чтобы можно было говорить о книгах, о музыке. И все.

Однажды за начальника партии остался завхоз Никодимыч. И вот, ночью он ворвался в землянку вместе с Простирой, тем самым, которого когда-то били в "Шахтере". Простира пристроился в Каргеологоуправлении комсоргом. Знакомил людей с решениями съездов, переезжая из одной партии в другую.

От Простиры, как и от завхоза, припахивало спиртным. Глебик только пригрелся, задремал. Никодимыч тряс его за плечо, матерился.

- Нажрались, лошадь утопили, а мы - вставай! - возмутился Глебик. Я спасать лошадей не нанимался!..

И десяти минут не прошло, вернулся Ванюшка, сказал:

- Лошадь сама выбралась, провалилась на мелком месте, там в Чурбай-Нуру ручеек втекает. А у завхоза теперь на тебя зуб вырос...

Как на грех через день у Глебика заболел зуб. Просился у Никодимыча к врачу, в Долинку.

- Лошадь спасать не хотел? От зуба еще никто не умер. На работе отвлечешься.

- Я в конторе скажу, что вы пьянствуете и лошадей топите!

- Молчать, свиненок! В порошок сотру, собственное дерьмо жрать заставлю!

После смены Глебик не мог уснуть. Почему так получается? Вот тебе - музыка!

На рассвете вышел из поселка. За час - никого не встретил. Еще через полчаса ходьбы наткнулся на избушку, которую сначала принял за бугорок. В ней и окон не было.

Аксакал в облезлом лисьем малахае пригласил его внутрь.

- Овечка помрал, кушай нету.

С топчана из махров глянула молочными бельмами изможденная старуха. Дали Глебику воды, но она оказалась горько-соленой.

Побрел дальше. На горизонте возникли черные точки. Волки? Пусть! Мученьям конец. Точки выросли. То были кибитки. Впереди в коляске на мягких шинах катил Михай Шаркози.

- А, щучинец! - сказал ничуть не удивленный Михай, - откуда и куда?

- Сбежал с работы, с буровой.

- Молодец! От работы - конидохнут. Едем с нами, мы тебе самую красивую цыганочку посватаем.

- У меня мамка в Караганде.

- Правильно! Шалав - море, а мамка - одна. Мамку забывать - грех. А мы в Караганду как раз и едем, садись вон в ту кибитку.

Тепло перин. Цыганята, сующие ему в руку лепешки и сахар. Пожевал больным зубом и уснул.

- Приехали, парень, хороший бы из тебя цыган вышел, здоров ты спать! Мы тут на поляне лагерь разобьем, заходи когда...

Поблагодарив Михая, Глебик побрел в сторону города, терриконы которого маячили уже невдалеке. Услышав резкий, как выстрел звук, Глебик обернулся. Это Михай так щелкнул кнутом. Тотчас из кибиток, как горох, посыпались стар и млад. Забивали колья, натягивали брезент. Ровно через десять минут ряды палаток стояли на поляне, все цыгане забрались внутрь полотняных жилищ. Шаркози еще раз щелкнул кнутом:

- Вот как кам-му-низм надо строить... ваш-шу мать!

Грязный, чумазый Глебик думал об одном: как бы теперь не встретить Нину!

Не встретил.

Трудовая книжка и паспорт были в Каргеологоуправлении, возвращаться в степь не хотелось, а за побег полагался срок. Может, его будет охранять тот самый охранник?

Через месяц за ним пришла милиция. Мать спрятала его в подполье, сдвинув на крышку половичок. Он слышал, как она врала:

- Я его в глаза не видела, черт его знает, куда он делся.

Нельзя было устроиться на работу, в город выходил с опаской. Однажды на смелился и пошел с Витькой в парк, где только проклюнулись листочки. По аллее навстречу шла Нина с кудрявым мужиком, нагло обхватившим её за талию.

Глебик отступил в тень, шепнул Витьке:

- Это она, помнишь, я рассказывал?

- Знаем, - сказал Витька, - с ней наш шофер автопарковский, Василий Иванович. Зимой еще я ходил в душ гаража. В соседней кабинке слышал мужской и женский голос. Подтянулся на руках, заглянул за переборку. А там - он и она - голые. Не могу сказать, что делали. Это хуже драки, когда душат. И орал, и хрипели. Словами не сказать - как. Страшный - эта... Я бедный татар-малай. Бежал к деду из приволжского колхоза. Ты учил танцевать: сто грамм для фуража и - на танцплощадка.

- Для куража, - поправил Глебик.

- Какая разница? Я раньше дома сидел. Теперь с бандитами пью, галстук на шею привязываю, как дурак, костюм глажу. На танцах девке руку на это... на талию кладу. Зачем зря деньги трачу? Зачем ты плачешь? Как девочка, как кизимка? В нашей деревне тебя засмеяли бы. Ты - парень. Пойдем, берем по двести для большого куража-фуража. Все равно плачешь? Тогда не знаю, что тебе еще говорить...

4. КРУГ И ТОЧКА

По городу маршировали колонны немецких солдат. Донашивали форму, выданную фюрером. И война кончилась, но все велит работать на этой степной земле. Новой одежды не давали, но немецкие аккуратисты так сумели заштопать полуистлевшее сукнецо, так надраили пуговицы и начистили сапоги, что со стороны все на них гляделось, как новенькое. От строевых солдат их отличало лишь отсутствие ремней с оловянными пряжками. Казалось, вот-вот грянет

"Хорст Вессель". Эти пленные построили за лето серый дворец культуры, в помпезном стиле Третьего Рейха. И здание это неплохо гармонировало с постройками сталинского "классицизма".

Глебик не был пленным, но глядел на жизнь из щелки. Пытался загорать в уединенных местах возле водоема. Войдешь в воду: ноги вязнут, поднимается со дна черная муть. Вспоминалась Томь, до дна чистая, так что видно каждый камушек на дне. И еще что-то шло в Глебика из этого пруда тайное и дурное.

Водоем - лужа. Но в разгар лета утонул пацан по кличке Тарзан. Лучше всех плавал, нырял. И на тебе!

Потом еще пацан утонул, еще. Толки пошли. Мол, заезжий моряк запустил в водоем акуленка. Выросла большая акула, жрать-то ей надо?

Пришел очкарик, вбил кол, пришил к нему тонкими гвоздями табличку: "Купаться и нырять воспрещается". После этого и купаться, и тонуть стали раза в два больше.

Водолазы. Двое качают помпу, а третий в водоеме шарит. Раз из своего укрытия Глебик видел, как водолаз родителям утопшего передавал.

Стал отдыхать не у водоема, а в заброшенных шахтных поселках, где было много траншей, шурфов, отвалов. Туда боялись ходить. Да что - ему, изгою? Тишина. Одиночество.

По Михайловке весть прошла: водолазов арестовали. За утопленника - премия. Рационализацию сделали. Один из дальних кустов незаметно лезет в легком водолазном костюме в воду. Поймает купальщика за ноги, прижмет ко дну. Вылезет и - домой, ждать, когда бригаду вызовут на поиски.

Водолазы исчезли. Если суд был, то - секретный. Потом их избы сгорели ночью.

У Марии-Модессы в те дни случился тромбоз. Узнала, что Талыгин, которого она тут зря искала, уже - в Щучинске. Сын у него сорвался с подножки поезда, потерял ноги. Купили сыну баян - трахнул о землю - куда кнопочки, куда - планочки!

У Глебика круг сузился - до точки. Как жить, беспаспортному, безработному? Умные люди подсказали: иди в военкомат!

Мария-Модесса сказала: иди! Выход! Иначе посадят. Я же с Витькой. Пиши чаще, гнишь да не ломайся!..

В дороге на нарах Глебик вспоминал беседу с военкомом. Сказал: раз из геологоразведки сбежал, из армии тоже сбежишь. Глебик провел ребром ладони по горлу. Убедил.

Куда ехали - не знали, ясно было только что - на восток. Сержант молчал, как рыба, выдавал каждому по два больших сухаря на день.

А оказалось, что попали они в авиадесантную часть. Послевоенные призывники все были доходягами и маломерками. Руки-ноги дрыгаются?

Голову от попы отличить можно? Десантник!

Полк разместился меж сопок, неподалеку от быстрой Уссури и был огорожен досчатым забором, плахи из которого были кое-где повывломаны.

По прибытии Глебик изловчился вскочить за забор и загнать одному штатскому куртку и штаны. На помывку он явился в таком рядне, что, что каптер остолбенел, а потом сказал санинструктору:

- Продезинфицируй этого гада получше!

Под смех старослужащих, инструктор смазал ему неудобные места зеленым и жгучим ядом. В мочной хотелось рыдать.

Когда одевались, старослужащие предлагали менку, взамен новых гимнастеров, шинелек, сапог давали заношенное. Смысл? Мы то демобилизуемся, но наши дружки-фронтовики остаются на сверхсрочной службе. Не сменяетесь, они с вас шкуры снимут. Окурки в двухметровой яме под марш Шопена хоронить будешь.

Глебик от мены отказался наотрез. Сказали:

- Змей худосочный. Явился в рванине, а хочет в новом щеголять. Ты, Бабкин, сделай ему козью морду!

И вот, морозными ночами Глебик вместо сна долбил кайлом бурый лед в батальонном сортире, мерзли руки, ноги, глаза слипались. Но он читал - Пушкина, про гусара:

- Ей-ей, не жаль отдать души

За взгляд красотки чернобривой...

За это стихотворение, да за поэму про "Луку", да стихи Есенина его подкармливали в эшелоне, да и здесь тоже.

Теперь, в ночном сортире на двести посадочных мест он мог отрабатывать дикцию.

Бабкин придирался к Глебику и на учење, и в казарме. И когда ночью с вешалки испарилась Глебикова шинель, на лице сержанта читалось ликование. Шинелелишенцу полагалось бить дневального в сушилке. А дневальным-то был ротный амбал!

Глебик понял, что и в армии выходцы из деревни превосходят его, как было в родной усадьбе. У них от работы в поле гибкость и сила произошла. Морковь ели свеклу, капусту. Микроэлементы.

Они тут становятся сержантами. И они не мечтают попусту, как он. Как же с ними управиться? И не чувствует лучей. Живут легко. Не задумываются.

Он отказался от битья, Бабкин пояснил, что в этом случае будут бить самого Глебика. Выхода, вроде, не было, но Глебик предложил компромисс, он решил украсть шинель в другой роте.

Казарма была огромной, рота от роты отделялись лишь небольшими пробелами между рядами двухъярусных коек. Возле каждой ротной вешалки дремали дневальные, повернув фитили керосиновых ламп. Поди, разбери: взаправду спит, или смотрит сквозь ресницы? Разбудит роту, - убьют.

Глебик все же спер шинель. Заправил её под матрац: отлежится, тогда можно будет отпороть петлицы, переставить пуговицы, обрезать по росту.

Блатяк Васька Гасов сказал:

- Завтра в наряд иду в кочегарку, дай твою шинельку, я её так угваздаю, что её родная мать не узнает...

Гасов вернулся без шинели и с "фонарями". По иронии судьбы в ту ночь дежурить в кочегарку назначили и хозяина украденной шинели. А в петлице была зашита бумажка с его фамилией.

Без шинели было жить нельзя. Не явишься же на смотр или парад в рабочем бушлате?

Глеб приобрел шинель путем многоходовой комбинации: сменял сапоги на ботинки, которые ему немного жали, зато взял в придачу губную гармошку. Её он подарил сержанту муззвода Заболоцкому, а тот познакомил его с начальником клуба капитаном Колодяжным.

Глеб заинтересовал капитана талантами: умением играть на гитаре, плясать цыганочку, сочинением и чтением стихов, а еще тем, что мог держать палку на носу. Но не ходить же на репетиции в грязном бушлате?

Колодяжный отвел Глебика на склад к хозстаршине. Распили пол-литра. И Глебик долго читал старшине "на бис" все матерщинные стихи, какие только помнил.

Ах, самодеятельность! Зажигательная "Молдовеняска" с маленькой офицерской женой. Вот, наступил своей тяжелой бутсой на её маленькую ножку в белой туфельке. Партнерша не обижается, а заглядывает в рот, в котором вообще-то пока, что все тридцать два зуба на месте и вычищены порошком "Свобода".

Выйдя из клуба, партнерша протягивает узкую ладошку и вздыхает. И это непонятно: ведь ваша партнерша - жена майора!..

Бабкин не мог пережить того, что Глебик теперь не чистит сортир, а ходит в клуб. Он называл Глебика артистом из погорелого театра, а придрался на стрельбище.

Глебик уже трижды выстрелил из автомата в фанерную фигурку. Из винтовки Глеб стрелял неплохо, а вот автомат... Говорили, что надо целиться мимо щита, тогда точно попадешь. Целил и так, и этак, не попадал. Между тем замерзла нога в тесном ботинке. Попросился у Бабкина в теплушку.

- Лежать и целить! - был ответ. - Ножка замерзла, телячьи нежности!

Нога уже занемела, что делать? Глебик еще хотел потанцевать на этом свете. Он вскочил и дал очередь поверх головы Бабкина.

Тут же сбили с ног, связали, утащили на гауптвахту. Нога была спасена, но впереди маячил военный суд.

Водили на допросы, вызывали к полковнику, и он кричал, что может застрелить сопляка прямо в кабинете. И думалось: почему кусочек раскрашенного картона на плечах дает одному человеку власть над другим? Мало бы что картон обшили материей и прикрепили к нему жестяную звездочку. Жить бы голыми, тогда бы не было ни сержантов, ни генералов, ни маршалов. Только толстяки и худосочные. И всё!

Но поугали, и отстали.

Весна все явственнее ощущалась в воздухе. Глеб радовался, если назначали дежурным по штабу. Протопишь печи, вымоешь пол, садись за полковничий стол, пиши стихи.

Для смеха он сочинил в стиле знаменитого "Луки" целую поэму, в которой узнавались и Бабкин, и Глеб, и многие офицеры. Притомился, уснул.

Очнулся, когда его тетрадь уже была в руках майора-особиста. Того самого, с женой которого Глебик танцевал в концерте.

Майор стал читать тетрадку. Брови его сошлись у переносицы.

- Это космополитизм! Голимый космополитизм. Пятьдесят восьмая статья. Такое писать в армии?

- Отдайте тетрадку, - молил Глебик. - Я же так просто. От скуки писал, время скоротать!

- Нет, не просто! Злобный космополитизм!

Космополитизм? Была в газете карикатура: люди - с космами и длинными носами. Космос? Космы... Звезды-то здесь причем?

Майор вдруг приказал:

- Сними штаны и покажи!

Глебик изумился: Шутит? Но майор, вроде, не шутил. Глебик выполнил приказание. Майор взглянул и сказал:

- Ладно, вижу, что не обрезан, вроде не из этих. - И добавил презрительно. - И с таким - он еще и "Молдовеняску" танцует!

Разрешил идти, но тетрадку так и не отдал.

Отомстит! Не простит! Точно! Ну, чего лезут? В Караганде на его пути встал Султан. Здесь - этот майор...

И что имел ввиду майор насчет "Молдовеняски"? Почему с "таким" танцевать - нельзя? Совсем недавно старшина пищеблока устроил в бане конкурс: обладатель самого большого должен был получить в подарок мясную кость, а занявшие места с первого по шестое по дополнительной тарелке рисовой каши. Строгое жюри измеряло у всех члены большой линейкой. Некоторые жамкали свои принадлежности, стараясь, чтобы у них поскорее увеличилось, набухло. Глебик это делать стеснялся. И все-таки занял почетное шестое место! Первое место досталось Гасову. Двадцать пять сантиметров, это вам не фунт изюма, да еще в кожу вшиты шарики от маленького подшипника! Конечно, Глебик не рекордсмен, но почему же "Модавенияску" не танцевать?

А весна шла своими путями. Ей не было дела до майоров и полковников. Она сама по себе жила.

Роты шагали к санчасти, выстраивались в очередь. Санинструкторы кололи очередных тупыми иглами, вливая под лопатку мутноватую жидкость. Всезнающий Гасов пояснил ситуацию:

- От столбняка уколы, чтобы о бабах не мечтал. А повара ведрами льют бром в кашу.

Весной участились неожиданные тревоги. Случались и - атомные, когда мчались рыть в склоне сопки убежище, словно это могло их спасти, если бы они уже были облучены взрывом.

Вот Глебик, после зарядки и завтрака, затаился сладким махорочным дымом и взглянул на крыльцо офицерского барака.

Пригревало приморское солнышко, а с крыльца как раз сбежала маленькая жена майора. Она выплеснула помой в овраг, и легко, и пружинисто взбежала обратно по ступеням. Потом вынесла белье в тазике, привстала на цыпочки и развешивала его на веревке. Тонкая комбинация шевелила кружевами, отчасти еще сохраняя форму тела своей хозяйки.

Глебик закрыл глаза, представляя майоршу в одной этой комбинации, а когда вновь открыл их, то увидел висящие рядом с комбинацией полотняно-белые кальсоны майора. Глебик плюнул и отвернулся.

Лучше бы не плевал! Тотчас после его плевка раздался грохот, из поленницы возле барака взметнулись дрова, белье стало, черным, округу окутал ядовито-зеленый дым.

- Химическая тревога! Противогазы надеть!

Грохот ботинок и сапог, бег, крики, химики свои заряды попрятали хитро: взрывы гремели среди дороги, в кюветах, на крышах сараев, в срубах колодцев.

В конце мае в гарнизонном доме офицеров Глебик танцевал с офицершей "Молдовеняску". Проклятый майор сидел в первом ряду, смотрел пристально, как удав. От этого Глебик сбивался с ритма.

Но...наградили грамотой, внеочередным увольнением и как раз пришел первый в жизни гонорар за стихи. Была подборка в газете "Суворовский натиск".

Вот! Пусть читают. И майор этот, и все! Не так уж все плохо. Отца не вернуть, но Гитлер сдох. Товарищ Сталин ночью трубку курит, не спит. У Глебика служба постепенно налаживается.

Неожиданно в размеренную солдатскую жизнь вторглась странная весть: прибыли вербовщики с юга. Будут набирать желающих восстанавливать город Ашхабад после землетрясения. Глебик засомневался: не может быть, чтобы всех туда брали! Сказал Гасову и тот прокомментировал:

- Конечно, не каждого туда из полка отдадут. От сачков избавится, от пьянчуг и прохиндеев.

- Тогда меня не отпускают! - запечалился Глебик. Все же на всякий случай он написал в штаб заявление, хотя был уверен, что оно останется без результата.

Наконец на щите вывесили списки тех, кто был откомандирован на юг. Были в этом списке фамилии Гасова и Бабкина, была и фамилия Глебика.

Теперь его охватила тоска. Как же так? Разве он сачок?

Эх! Он-то думал, что им дорожат, как артистом и поэтом! Когда их построили, чтобы вести на вокзал, Глебик увидел, что с крыльца барака на него насмешливо смотрит зловредный майор. Так и есть подстроил! И хорошо. А то приревновал бы, да еще застрелил бы!

А-а! Вон и майорша на крыльце. На руке у себя он еще ощущал тепло её талии. "Молдовеняска".

Ехали в привычных телячьих вагонах. Лежал на верхней наре.

Вспомнилось, как ехали сюда. И были девочки-подростки, сбившиеся на дощатом перроне забайкальского полустанка. Все они держали в руках носки. Он тогда не обратил внимания. Мало ли чем торгуют на остановках? Одна русоволосая, черноглазая, с раскосинкой, шагнула к нему, протянула носки. Он сказал, что у него нет денег, оттолкнул носки. Она зарделась, отступила.

Паровоз забарнаулил, сержанты загорланили:

- По вагонам!

Спросил соседа по нарам:

- Чего они одними носками торгуют?

- Тюфяк ты! Валенок! Гуранки! От якутов и забайкальских казаков пошли. Село их малое, парней нет, вот вяжут носки, дают даром, а в носки адреса вкладывают.

Теперь Глебик вспомнил ту русоволосую, скромную, Сама его выбрала, а он... Точно - тюфяк! У него аж зубы от горя заломило. Может, встретит её на том полустанке.

Не встретил, видно, теперь ночью полустанок проехали. Гуранка! Слово-то!

А еще на этих нарах вспомнился ему рассказ Вальки Девятова, с которым работал на вышке в казахской степи. Тот Валька до геологоразведки отслужил четыре года в Ашхабаде.

Валька говорил про глиняные заборы, закоулки в зарослях винограда и роз самых разных оттенков. Журчали арыки, прямо на улицах росли абрикосы, и на холме сидел сам Боженка и любовался своей работой.

Однажды Вальку отпустили в увольнение. Зашел в парк, посреди которого был ресторан под открытым небом. Он любовался публикой, а зайти в ресторан - мысли не было, нельзя. Вдруг сзади к нему прилипли двое в штатском. Один ему красную книжечку в нос сунул. Чекисты!

Старший забрал у Вальки удостоверение и говорит:

- Вон за столиком двое нерусских и один русский. У одного нерусского возле ноги - чемоданчик. Мы затеем драку, а ты - хватай чемоданчик и - ходу. Отнесешь на Хивинскую девять. Жди нас там...

Отказывался Валька, да с чекистами много не наговоришь. И сделал, как сказали, бежал, чуть глаза об кусты не выколол.

В домике на Хивинской его встретила смуглянка в легком халатике. Взяла чемоданчик, предложила вина. Думал: яд. Отравят, там же в саду и зароят. Но она с ним сама выпила, и полюбить себя позволила.

И вскоре те, в штатском, явились. Открыли чемоданишко, а там деньги иностранные, побрякушки золотые. Одно колечко Вальке дали, мол, невесте подаришь.

Выскочил из калитки побежал, запетлял, думал: в темном переулке прихлопнут вот тебе и колечко будет... Но добрался до части в порядке. Колечко в трещине дувала спрятал, а утром найти не мог...

Паровоз бежал, засвистывал, обдавал сладковатым угольным дымом. Глебик думал о превратностях судьбы.

Он завидовал Вальке, когда тот про Ашхабад рассказывал! И вот самому - выпало! Сам там будет! И Хивинскую улицу эту найдет. А там... всё возможно! Всё!

На дворе уж первые заморозки ударили. Офицеры-южане находились в отдельном вагоне. Своих завербованных они в лицо не знали.

На одной из остановок эшелонцы приподняли на руках киоск, внутрь пролез Васька Гасов, подавал оттуда бутылки. Перепились потом.

Бабкин стал "возникать", дескать, он главный в вагоне. Лычки снятые на плечах зачесались. Схватили за руки, за ноги, раскачали и выбросили на полном ходу поезда.

Куда он потом делся? Картины за окном вагона сменялись стремительно.

На станциях эшелонцы выскакивали к базарчику, шутковали, пока не открывался светофор. Паровоз давал гудок, с грохотом сдергивал состав с места, и тогда ордынцы хватили кринки с молоком, мешки с семечками, миски с огурцами и картошкой и на ходу запрыгивали в свои теплушки. Иные торговцы кидались вслед - что толку? На одной станции Гасов схватил у торгаша с прилавка не только мясо, но и весы.

- Весы-то зачем? - завопил мужик, - весы-то казенные! Отдай! Зачем вам?

- Мясо будем делить! - огрызнулся на ходу Гасов.

Эшелон стали останавливать на товарных станциях, возле гор угля. Видел Глебик зечек, грузивших совковыми лопатами уголь. Они были в грубых сапогах и телогрейках, но губы их были необычайно ярко покрашены, у каждой на голове была - цветастая косынка.

Иные ордынцы выскочили к ним, и некоторые успели совокупиться под угрожающие крики и выстрелы вверх конвоя. Но Глебика это собачье удовольствие не прельстило. Да как это - при стольких взглядах?

Поезд всё бежал, да бежал. И где-то за Семипалатинском зима от него отстала. А дальше становилось все теплее. Все щедрее пригревало солнышко. Как это может быть, чтобы зимой было тепло?

Пестрохалатные тубетейщики на крылечках маленьких вокзальчиков, своим вечным загаром и белозубыми улыбками вызывали восторг. Эшелонцы выражали его забористым матом. К их удивлению им отвечали таким же русским матом, хотя и с акцентом. И еще на своем тарабарском языке кричали непонятное и очень даже понятно показывали руками непристойное.

Открывались все новые удивительные картины. И жизнь впереди была бескрайней, и обещала многое, многое. И в голове Глебика в такт колесам звучали какие-то смутные стихи.

5. НЕГА, ПРОХЛАДА И ИЗОБИЛИЕ

Из-за высокого беленного дувала ничего не было видно. Только вершины незнакомых деревьев. Маленький плац и бюст генералиссимуса возле дувала. Под пристальным взглядом Сталина происходили утренние поверки.

Удивляло то, что не было сумерек. Только что во всю светило солнце и сразу - тьма, словно театральный осветитель выключил прожектор.

Землянки на восемь душ, с нарами, малой печуркой и помойным ведром. Это уже напоминало домашнюю жизнь. И по команде "подъем" вставали не спеша, и зарядка была необязательной.

В дальнем углу обширного двора из длинной дырчатой трубы лупил по цементу самодельный дождик. Под струями душа теснились хилыки и атлеты, кто был темнокож, кто - наоборот, кто оброс шерстью, а иной был весь в наколках. От сырости внизу дувала образовалась дыра, заслышав за забором стук каблучков, все падали на пол, чтобы увидеть ноги спешащей мимо женщины.

- Кривые! Музыкальные, как ножи у рояля!

- А у этой - волосатые! Счастливая!

Ржали.

Трудно было привыкнуть к тому, что в январе в углу дувала зеленела трава, пригревало солнышко, особенно к обеду. В трещинах вечно мокрого цемента резвились детеныши ядовитой фаланги, темненькие с белесыми полосками на спинах. Непонятное пугало. Но попривыкли, суетсяя? Их дело.

Город удавалось увидеть мельком, когда шли строем на объект. Вспоминался Валькин рассказ о сказочном городе. Вблизи все было проще и грубее. После землетрясения прошло больше года, но Ашхабад все еще лежал в развалинах. Фантастическая земля древней Бактрии, по которой когда-то ступали сандалиями легионы Александра Македонского. Говорят, что здесь в тени персиковых рощ протекала арийская река Сарасвати. Как странно, что отсюда вышли и расселились в разных местах племена одной ветви: древние германцы, и древние русы. А теперь все забыто и они дерутся между собой. И земля эта забыла их, и река ушла в песок. И сменялись века, и менялись насельники этой земли, и страшные землетресения стирали с этих холмов культуры, языки, храмы.

А вот следы последнего землетрясения. Краина города. Холмы. Бурое предгорье Копетдага. Бесчисленные могилы на холмах. Пятиконечные звезды - над русскими и нерусскими. Изредка - полумесяц над обелиском и арабские буквы. Загадочные звучные фамилии: Аннануров, Аллаяров, Шахназаров, Султанбеков... Аллах. Хан. Бек. Султан. Воркующие звуки. Такие фамилии не могли принадлежать обычным людям. Тайна. Шахрезада и тысяча её ночей...

Что - копка траншеи с перекидкой? Возле кладбища и пыльной дороги выбирали лопатами глубоченную щель. Со дна щели выбрасывали грунт на полку, пристроенную сбоку щели, потом с этой полки - наверх. Глебик работал внизу. Стены таких глубоких траншей, как говорили опытные, нередко обваливаются. И Глебик думал о том, что нелепо быть самопогребенным рядом с кладбищем.

Неисповедимы пути господние и прорабские. Их перебросили на иной объект. Заставили разбивать кирками и ломом старый бетон. Прежде тут был мединститут, его разрушило землетрясение.

Мимо бежали и шли в длинных платьях из голубого и розового бархата, с огромными брошами на груди. Были и - в дынно-полосатых и в желто-зеленых платьях, из-под которых выглядывали басурманские шальвары.

Разноязыкий медицинский гарем. Звякали серебряные браслеты, струились косы. Папки и портфельчики в руках. Гурии исчезали в полуземлянках, служивших пока что аудиториями.

Орудя ломом, Глебик в кровь сбил руки. Пот застилал глаза. Бросил лом, прилег на бугорок возле окна полуземлянки, заглянул. Переодетые в белое гурии окружали топчан с коричнево-черной куклой. Муляж? Человек? Разве может быть человек такого черно-красного цвета?

Длинный и нервный Розымбаев сказал:

- Резать учиться. Почему черный? Шурт не знай! Может, кожу сдирали. Айда-айда! Долбить. Прораб кирпичится!

Долбили. Глебик думал о том человеке, безродный? Кем был? Годен лишь для скальпеля! Как глупо! Ведь не для этого же он появился на свет? Он - чей-то сын! Человек! Бросили, как собаку. Как же уберечь себя? От смерти не уйти, нет, но - от глумления? Зачем вообще всё это? Жизнь. Сержанты, лейтенанты. Армия. А где-то крутится бесконечность с её неопознанной механикой, мириадами миров. Что это? Жизнь или сон? Сон или жизнь?

К вечеру бетон раздолбили. Бетонный потолок во время бедствия "сел" на бетонный пол. Останки тумбочек и кроватей - в ряд. Общага была. Полотенчики с инициалами - на спинках кроватей, длинные платья - на спинках раздавленных стульев. Это были такие же красавицы, как те, что сидят теперь с конспектами на скамье под платаном. Были. А теперь - страх и смрад. И это -

что? Вечность? Безвременье? Где-то витают их души, которым уже не нужны ни учение великого Авиценны, ни научный коммунизм?

Уже и в часть вернулись, а Глебик все ощущал ужас этого смрада. Во время ужина Глебику попала в супе косточка, и он обломил об нее зуб. Вышел, выплюнул обломок зуба и вдруг осознал, что выплюнул частицу самого себя. Это началось его умирание! Как же так? Он еще не жил, никого не любил, многого еще не познал.

Ашхабад - город любви, прохлады, неги и изобилия. Перевод. Но пока город отгорожен от Глебика беленым батальонным дувалом. Что увидишь? Строем - на работу, и обратно. Щебень, кирпич-сырец. В увольнение не пускали. Карантин!

С вечера Глебик читал поэму про Лейли и Межнуна, и еще читал Омара Хайяма. И ночью ему приснилась Шахерезада со своими загадками. И он начал обнимать её, но она вдруг грубо толкнула его локтем в бок и сказала голосом Розымбаева:

- Ты - что? Попник?

Глебик перевернулся на другой бок, вновь уснул. И во сне Алладин протянул ему свою волшебную лампу. Глебик потерял её, тотчас возникли джинны, и громовыми голосами закричали:

- О, неверный, если хочешь повелевать нами, то заручись кровью! Тогда сокровища пещеры - твои!

Он уже разрезал руку, хотел расписаться кровью, но между ним и джиннами возникли святые и Глеб и как-то сказали одним внушением без слов:

- Не делай так!

Он очнулся и увидел, что рука у него кровит, на ладони оказалась глубокая ссадина. Где-то из нар выступает гвоздь? Где он? Тут прозвучал подъем и Глебик вместе со всеми вскочил со своего лежбища.

Утрами все ярче пригревало солнце, так загадочно синели

хребты и отроги Копетдага. Так непривычно видеть этого немого соглядатая равнинному жителю. Когда шагали на объект, можно было уловить биение сердца большого южного города. Шум базаров. Звон незнакомых восточных инструментов в многочисленных духанах. Кричали привязанные возле них ишаки, а иногда ревели и верблюды.

Утром радио приветствовало всех на незнакомом гортанном языке, и песней бахши под звон дутара. Хотелось скорее в загадочную, сказочную жизнь.

Глебик вспомнил: самодеятельность!

Познакомился с Валькой Кончиковым. Валька был из среднерусской деревни, имел черные брови и глаза - уголь. И писал под Кольцова. Было кому прочесть стихи, ревниво наблюдая, - нравится? Нет? Валька рекомендовал Глебика замполиту, как поэта.

Доса! Это - толпы платанов и карагачей, аллеи, где солнце разбросало желтые блюдца, дери, в которых прячутся белены сортиры и бараки.

Танцевальная площадка, обнесенная высоким штакетом, дабы не проникали безбилетники, зеленая бильярдная, где ширкают и стучат шары. Запах шашлыка. Киоск с газировкой.

Мимо шашлыков, мимо бильярдной! Только стакан газировки без сиропа. Взятые у друзей напрокат сапоги, сверкают, ремень - два пальца не засунуть, подворотничок - белоснежный. В руке увольнительная записка: "рядовой... к режиссеру Дюваль... до 22 часов..." Патруль останавливал - документ! К Дюваль! Куда же еще? В части тоже наказали: на автобусе - до Доса и прямо - к Дюваль. Упаси бог! Никуда больше! Обратно - так же.

Самый большой барак - клуб. Послеземлятресенские клетушки, закоулки внутри, и стихи в голове: Дюваль - куда деваль?

Показали комнату режиссера. Вошел, ткнулся к мужику восточного вида с пробором в черных волосах и в пестром галстуке:

- Вы - Дюваль?

- Не совсем! - усмехнулся черный, - вот режиссер Алла Дюваль!

Дама. Ой, мама! Три подбородка, пять Глебиков связать, и то был бы букет тоньше её талии. Глазищи лупатые, большие.

- С вами надо работать!

Работала. Стихи-то немудрящие у Глебика. "Баянист развел мехи баяна, бросив к небу звонкий перебор". Да... развел. А солдаты вспомнили - Россию, березовые колки, всякое такое...

Дюваль эта, Алла, велела показать руками, как он именно развел мехи, как перебор этот именно кверху, именно бросил. По Дювали получалось, что каждое слово Глебик должен сопровождать жестом, то есть при чтении он должен был махать руками, как ветряная мельница крыльями. Возразил. Застрожилась. Потом подобрела:

- Конечно, сразу трудно воспринять. Нет театральной школы. Законы сцены. Система Станиславского. Входить в образ. Вы бы не могли ко мне домой пойти для дополнительных занятий?

- Увольнительная до двадцати двух часов...

Написала командиру батальона: в следующее воскресенье нужен Глебик на восемь часов. С двенадцати дня до восьми вечера. И адрес свой дала. В клубе - отвлекают...

У стройбата легкой работы нет. Разгружали вагон цемента, лопатами, без респираторов. Забило ноздри и легкие. Потом таскали раствор на леса жестяным корытом вроде носилок с ручками. Ручки гнулись.

Закосить! Закосить! Откуда словечко пошло? Блатное? В смысле - не прямо, а косо? Мечтали закосить многие.

Розымбаев уже закосил.

Он вырос на улице, сбежал из детдома, слонялся по вокзалам. Забирался в углярки, на ходу сбрасывал куски угля, прыгивал на поворотах, где поезда замедляют ход, шел, искал сброшенный уголь, складывал в грязную суму, тащил в ближайший аул, продавал.

Бывалый. По прибытии в стройбат, стал тереть бедро репьем, сморкал и мазал растертое. Язва!

Старик-фельдшер в кавалерийских дореволюционных галифе, глухой и согбенной, никому не давал освобождения. Всем, от всех болезней давал порошок соды. Розымбаеву он стал смазывать язву разведенной питьевой содой. От этого язва стала еще больше. Калистрат Иванович стал мазать ее дегтем. Язва не прошла. Старик смирился, и дал Розымбаеву справку, что может использоваться на работе лишь внутри гарнизона.

Розымбаев поступил в распоряжение хозмайора Олеса Ивашко. Майор этот был списан в стройбат из пограничников за пьянство. Он приставил Розымбаева смотреть за свиньями, зная, что казахи свиней не любят. Кроме того, он выругал Розымбаева за расстегнутый ворот, слабо затянутый ремень и сказал:

- Мало бы что - подсобное, мало бы что - свиньи, впредь приветствовать меня по всей форме, мы в армии находимся!

Следующее появление хозначальника Розымбаев встретил такой командой:

- Чушка, смир-рна! Хвост на-пра-ва! Товарищ майор, чушка находится на завтраке!

За эту команду Розымбаев просидел два дня на гауптвахте, после чего вновь принялся чистить свинский навоз, расстегивая воротник и распуская опояску, как ему хочется.

Закосил и толстый, тяжелый Леша Мухин, белобрысый, медлительный, всегда мечтающий поесть. Он ничего ничем не тер, никуда не сморкал, он просто пришел к фельдшеру на прием, снял штаны и кальсоны и сказал:

- Доктор, они опухли!

Видеть это было ужасно, словно мешок с двумя дынями.

Леха стоял со скорбным лицом. Калистрат суетился: совал ему градусник подмышку. Прикладывал к его груди деревянную слухательную трубку.

- Направили бы в госпиталь, доктор! - мрачно канючил Мухин.

Все знали, что в госпитале меньше месяца не лечат. Туда попадешь, уж найдут, что лечить. И сад там роскошный, и уход хороший, и кормежка много лучше стройбатовской, и медсестрички, и все такое... Но Калистрат избегал давать направления. Он сказал:

- Вылечим на месте. Ты молодой еще, может, само пройдет. А то - в госпиталь сразу! В гарнизоне можешь выполнять легкие работы.

Наиболее смелые выбирали момент, подпрыгивали, подтягивались и прыгивали на другую сторону полутораметрового дувала.

Трипперный городок. Там жили вербованные женщины. С лица не воду пить. Изловить триппер. Вадик Буцко уже сподобился. После посещения городка он полтора месяца провел в гарнизонном госпитале. Какие платаны! Фонтаны! Отдых! Прямо Гагры пополам с Сочами!

- Да, - сказал ему Глебик, - а поймал бы чего погуще?

- Тогда два месяца, кантоваться! - пояснил Буцко.

Между тем, многие из тех, что прибыли с эшелонам с началом лета начали "доходить". Врачи говорили - авитаминоз, дистрофия.

Таких даже Калистрат сразу признавал больными. Их отправляли куда-то в Россию

Ничего! Дюваль откроет в Глебике необычайный талант, переведут его на работу в клуб Доса. И ни кирки, ни лома. Музыка, танцы, фонари, деревья. Может, даже шашлык удастся попробовать, он даже вкуса его не знает.

Воскресенье! Асфальт еще до землетрясения был, расчистили. По обеим сторонам улиц - землескребы. Врытые в землю жилища-временки. Крыша лишь чуть приподнята над землей. Фанера, жесть. Возле каждой избушки из земли торчит труба водопроводная с краником. Как ни странно, не везде водопровод разрушило.

Дюваль встретила в халате. На керогазе чай грела. До Ашхабада Глебик керогаза не встречал. Действительно - воняет! Газ! Аж голова кружится и пламя синее, бесшумное. И чай вмиг поспел.

Наливал, грудью на Глебика навалилась, вся студнеобразная. Он еще женщин не знал. Знать бы надо, но не Дюваль же? Как это? На гору взбираться, на синий Копетдаг! Сель-кисель!

Она уж дышит тяжело, брюки его расстегивает. Что говорить, что делать? Обидеть режиссера? С полковниками не поговорит, в Доса не переведет. Может, ничего? Все этим занимаются, слава богу, - двадцать ему, с хвостом. Вот хвостик-то и заторчал! Дюваль склоняется, на колени встает, шепчет что-то.

Разве там целуют? Может, у них так принято? Фамилия, как у французских аристократов. Выдернуть? Откусит? Ни разу еще не женился. Потянул осторожно. Дюваль - языком, языком! Конфетка ей что ли? Пошла она со своим клубом! Со Станиславским вместе и с системой его!

Вырвался кое-как, побежал к ведру с водой, полил из кружки, отер концом рубахи, застегивается. Дюваль вцепилась:

Выскочил во двор в полуснятых сапогах, запнулся о лавку, разбил большую аптечную бутылку. Дюваль - следом:

- О, не спеши. Я напишу в часть письмо, чтобы еще отпустили. Тебе надо заниматься, ты - талант...

Остановился:

- Можете меня устроить на работу в гарнизонной клуб? Надоело киркой махать.

- О, если бы могла! Пять ставок, и все заняты офицерами. Я сама там - вне штата, пригласили по договору, на период подготовки к смотру...

Устроит нас едва ль Дюваль!

Ночами в землянке Глебик писал стихи. На объект шел не выславшись.

Помкомзвода - копай глубже, бросай дальше. Надсмотрщик. Перекурить не даст. Лой. В его фамилии буквы не хватает. Злой!

Распалится: Зоя Космодемьянская! Лиза Чайкина! Александр Матросов! Валентина Гаганова! Алексей Стаханов! Комсомол и партия едины!

На Простиру похож, не только речами, но и внешне. И возраст тот же, и слова те же. Сам-то на амбразуру лег бы? Кайло в руки, небось, не возьмет.

Умаслить его можно только поллитровкой, но на что взять? Все, что валялось на объекте без присмотра: обрубки разные, палки - все уже оттащили в ближайшие мазанки к туркменам, продали. Дерево тут на вес золота: палки превратят в калиточку, в черт знает что!

Буцко оглядел двор - пусто. Нигде ничего не украсть. Рамы уже в окна вставили, застеклили. Ага! Гладко остроганный столб стоит. Косо. Недавно электрики в яму воткнули, ни проводов, ни роликов. Буцко подпер столб могучим плечом, надавил, обнял, потянул в другую сторону, расшатал, крикнул и вытащил, засеменял ногами с объекта.

Через полчаса уже сидели кружком и пели:

- А дева с черными бровями, она цветет не для меня...

Всем было себя так жалко! Глебик думал. Нина. С черными бровями. Не для него. Где справедливость? Талант. В рванье, понукаемый.

От Марии-Модессы - письмо. Витька с блатяками связался, до тюрьмы - шаг. Послать сухофруктов ей, для больного сердца? Три рубля в месяц - солдатские деньги.

Лой запел:

- Маменька, родная, солдатики едут!

Все подхватили хором:

- Хопс, Дунька, молчи, Дунька, пускай они едут...

Песня-диалог. Дунька сообщала, что солдатики остановились возле дома, а мать отвечала, - пусть остановились. В комнату заходят! Пусть! Ну, естественно, дальше дочь сообщает, что ее раздевают, на кровать ложат, что там такое с ней делают. Мать все свое:

- Хопс, Дунька, молчи Дунька, пускай они ложат!

Под конец, когда Дунька, сообщает, что солдатики нечто такое разорвали, мать довольно цинично её успокаивает:

- Хопс, Дунька, молчи, Дунька! Пущай зашивают!

Глебику песня нравилась своим оптимизмом, полным сарказма рефреном, причем, мелодия, ритм удивительно соответствовали тексту.

Лой пил так жадно, что свалился и чавкал. Взвод встал вокруг, Буцко скомандовал, и все вынули письки, и принялись поливать.

Положили Лоя на носилки для раствора, пристегнули ремнями, понесли, отворачивая носы.

На КП произошла заминка. Дежурный заорал:

- Кто это сделал с ним?

- Вин такой объект вернулся... с душком... не бросать же было его там? -Ласково сказал Буцко.

Стройбат. Не летчики...

Но поразил Глебика до самых печенок Васька Гасов. Однажды он спер в ружпарке автомат с патронами, когда его туда послали мести пол. Вошел в свою землянку и положил очередь из автомата семерых обитателей убогого жилища.

В злополучной землянке жил и Розымбаев, но в момент расстрела он находился на службе в своем свинарнике, можно сказать, что свиньи спасли его молодую жизнь.

Глебик мысленно содрогнулся. Гасов с автоматом мог ведь войти в любую землянку. Теперь он скрылся, и никто не знал - куда.

Глебику опять вернули стихи из " Комсомольской Правды". Пожаловался Вальке Кончикову, тот покивал:

- Что ты! Там для своих...

Говорили о рифме. Валька не принимал Маяковского.

Гасова вспомнили. Говорят, патрули и переодетые шпики стерегут его на всех выездах из города, на всех вокзалах. В городе тревога. Зашел с автоматом к ювелирам, потом в кассу кинотеатра, взял деньги и на такси уехал. Ашхабадцы боятся на улицы всходить.

У Глебика зуб болел. Романтики в этом Ашхабаде не получалось. Да и за забором он, Ашхабад! Триппер что ли поймать, чтобы в госпиталь положили?

Вечером Глебик написал в " Комсомольскую Правду", что лучше её называли бы "Комсомольской неправдой", в жизни столько боли и зла, а у них все тихо и благостно, и сплошь комсомольцы и молодежь застрельщиками добрых дел выступают...

Глебик как бы мстил за отвергнутые стихи. Славы-то хотелось? Не какой-нибудь, всесоюзной.

Три месяца Глебик деньги копил. А раз вечером в батальонном магазинчике встал в очередь. Хорошая такая сухая колбаса, аж блестит. Он её лишь до войны и ел.

Лой вбежал, из магазинчика всех выгонять: построение!

Глебик схитрил. Все все вышли, а он купил-таки кольцо, заправил колбаску под гимнастерку, под ремень. Живот втягивал. Лой как-то усек! Выдернул колбасу, как змею какую, и швырнул за дувал! Глебик стоял с ротой по стойке смирно и думал.

Вот бы демобилизоваться, встретить Лоя в темном переулке... И - что? Убить? Да нет, не способен, да к тому времени и злость остынет.

Платаны, карагачи, гледичии, можжевельник, клены, дикий абрикос, алыча. Сплошной стеной. Узкий тоннель между зеленью. На зиму деревья здесь не сбрасывают листву. А летом листва жухнет, сворачивается. Ждет прохлады, чтобы вновь развернуться. Пирамидальные тополя приспособились свою листву поворачивать к солнцу ребром, не обожжешь! Но и тени особой от этих тополей не жди.

Глебик спешил к Дювали в клуб, последняя репетиция перед смотром. Еще хотел забежать в редакцию газеты, от Кончикова узнал: есть в Ашхабаде молодежка на русском языке...

Чья-то жесткая рука ухватила Глебика за ремень. Патруль! Лейтенант! В полной форме и с пистолетом на боку.

- Самовольщик? - грозно сказал лейтенант, - пристрелю сейчас самолично! - и потянул из кобуры пистолет.

У Глебика в животе похолодело: вот тебе и долгожданная ашхабадская романтика. Псих какой-то! И пристрелит, недорого возьмет.

- Полковник тебя в Приморье не застрелил, как сачка и гада, так я шлепну! - рассмеялся лейтенант. В голосе его Глебику поблазнилось знакомое, но он никогда прежде этого офицера не видел.

Лейтенант отпустил ремень, взял Глебика под руку:

- Я это, - Васька Гасов! Не шарахайся, корешами были. В гости тебя зову. Одному скучно. Сейчас такси найму, ты лицо руками закрой, сделай вид, что дремлешь, чтоб никто не сказал, что с Гасовым был, если узнают.

Я таксистов не убиваю, слышал, наверно? Я им даже плачу, когда при деньгах, а нет денег, я им просто говорю: я - Гасов!

Глебик и сказать ничего не успел, Гасов увлек его на обочину шоссе, остановил многоместный "Зим", разместился с Глебиком на заднем сиденье:

- Гони!

Ну, вот - репетиция! Гасов столько пристрелил, что пристрелить еще и Глебика ему ничего не стоит. Глебик проклинал все на свете: Дюваль с системой Станиславского, намечающийся окружной смотр, себя, замполита, который отпустил его из части.

Такси остановилось в предгорье, за поселком Гажей. Гасов кинул таксисту десятку:

- Езжай и не оглядывайся! Затем скомандовал Глебику:

- За мной, шагом-арш!

Они запетляли по тропкам среди обожженных солнцем холмов, и вышли к тому самому кладбищу, возле которого когда-то Глебик копал глубоченную траншею.

Прошли с Гасовым в дальний конец кладбища. Здесь было пустынно и тихо.

- Тут хоронили в сорок восьмом, сразу после землетрясения. Все заняли и больше сюда не лезли, - пояснил Гасов. Сюда почти никто не ходит. У многих - родичей нет, а какие были - уехали. Из переживших землетрясение мало кто в Ашхабаде остался, натерпелись страху...

Васька говорил так рассудительно, с сожалением, словно это не он расстрелял ни за что, ни про что товарищей по землянке.

- Если же кто является, то мне надо сидеть тихо, а то ведь придется их ликвидировать, если меня заметят. Место раскрывать нельзя никак. Полгорода меня ловит: чекисты, пограничники, военные, милиция. А не могут Гасова поймать уже полгода! Вот так Гасов! - он довольно рассмеялся. - Ну, айда в мою келью...

Гасов отвалил камень, и они спустились в яму, где прежде был туркменский покойник. Васька рассказал, что переселил отсюда покойника к другому, пусть вдвоем будут - веселее. Ничего. Земля кремнистая, климат сухой. Гниения нет, мумии получаются.

Васька задвинул камень, фонарик зажег. По стенам были развешены разные костюмы.

- В театре взял! - пояснил Гасов. Пришел прямо к директору, документ ему свой показал, потом пушку свою взвел, а руку в карман сунул. Пошли по цехам, вроде я - из самодеятельного театра. И говорю - этот костюм, тот, парики такие-то, усы, бородки, шляпы, кепы, грим. В гримерную прошли, посмотрел, как гример работает. На прощанье директору руку пожал и велел держать язык за зубами. Молчит, видать.

Часто в город хожу. Деньги надо, появлюсь в магазине, или еще где, говорю - Гасов. Жратву беру. На такси езжу, след путаю, слезу да на автобус пересеяду. В кустах бородку отклею да шляпу на кепку сменю. А то очки надену. И зигзагом - на кладбище это. Строго смотрю по сторонам. Убежище!

Да! Я за тебя отомстил, Лоя прирезал. Так, случайно увидел его в парке ДОСа. Сидит на скамеечке, развалился, дорогую сигарету курит, падла! Ах ты, сволочь, думаю, хотел пристрелить, но не стал, вокруг народу много, шухер большой. Я сзади через заросли подкрался, нож ему меж лопаток всадил. Он даже крикнуть не успел. Даже сигарету из зубов не выпустил. Смотрю: мертвый уже, а из сигареты всё дым идет.

Глебик вспомнил свою прежнюю ненависть к Лою. Её уже давно не было. От Васькиного сообщения стало не по себе. Тоже - мститель из Эльдорадо! Картина такая мексиканская была. Мститель! За что он ребят в землянке положил? И не спросишь. Боже упаси. Дерганый. Сдвинулся что ли?

Васька раскупорил бутылку коньяка, порезал колбасу, как раз такую, как та, которую Глебик так неудачно купил в батальонном магазине.

- Живу, как пан или нарком! - похвастался Васька, ем, пью - что хочу.

- Мне на репетицию надо, - сказал Глебик, - опаздывать нельзя, выпивши к режиссеру идти неудобно.

- Не ходи сегодня, ночуй у меня, места хватит. На опохмелку шампани дам. У меня все есть. Отдохнешь хоть по-человечески.

- Ага, по-человечески... в батальоне искать будут, на губу непременно посадят на хлеб и воду, - дезертирство пришить могут.

- Испугался, - сказал Васька брезгливо, - свободным человеком рожден, а бздишь. Мне вышка светит, а я плюю!

У Глебика заныло под ложечкой. Сказал:

- Ты же знаешь, я стихи пишу, к музыке способен. В зоне талант в землю зарую. Мне надо ради таланта на воле жить.

- Ладно, не воняй! - сказал Васька. - Талант! Посвети-ка мне...

При свете фонаря Васька подвел кисточкой глаза, приклеил туркменскую бородку, надел папаху-тельпек, красный полосатый халат, туркменские штаны с большой мотней и узкими гачами. Натянул на ноги - шерстяные носки и глубокие калоши. Он взял в руку посох, отвалил камень.

Они вылезли наружу. Теперь рядом с Глебиком стоял настоящий аульный туркмен.

- Талант? Мне, может, в актеры идти, в художники. В зоне кирку в руки сунули и айда! Ладно! Пиши себе стихи. Пошли! Запомни дорогу, будешь в увольнении, - заходи, иногда ведь мне хочется с кем-нибудь потрепаться. Зайдешь? Ладно, не ври, по глазам вижу, что не чаешь, как от меня избавиться.

- Да нет, ничего такого...

- Пошли на шоссе! - Васька поднял руку, остановил такси. Уселись с Глебиком на заднее сиденье:

- Жопер, - сказал Васька таксисту, - вези нас немножко к ДОСа пельменник мой репетиция едет. Потом на смотр в Ташкент едет немножко.

Таксист армянин спросил Глебика:

- Под дутар поешь?

- Стихи читаю.

- Национальные?

- Нет, русские.

- Правильно, - сказал армянин, жюри у них всегда русское. Соображаешь.

Глебик промолчал. Возле ДОСа Васька сказал:

- Давай, иди, пельменник!

И такси умчало его.

Дюваль на репетиции говорила:

- Не надо сердиться. Многое поймется потом. Сегодня надо сосредоточиться.

- У меня сестра умерла! - соврал Глебик. Чтобы не лезла с нежностями. Но вышло наоборот.

- Бедный мальчик! - повисла на шее. Измазала помадой

белый подворотничок. Не репетиция - мученье!

И вот - Ташкент. Казарма на окраине в парке. Ночь - репетировали. Наутро их всех отвезли в гарнизонный клуб. Глебик и сам не помнил, как он вышел на сцену залитый светом прожекторов и читал стихи, махал руками, обалдевший от вида генералов, в первом ряду, сиявших орденами.

После концерта в саду возле клуба отдыхал на скамье. К нему подсел капитан, сказал:

- Я из газеты "Фрунзевец".

Глебик спросил капитана, как со стороны смотрелось его чтение? - Читали неплохо, только покраснели, как среднеазиатский помидор. - Стесняюсь. А нельзя стихи в вашей газете тиснуть?

- Стихи у нас не очень идут! - вздохнул капитан, - сам пишу, а печатаюсь редко. Вы бы написали очерк, как у вас солдаты отдыхают. - Я очерки писать не умею.

А вы мне расскажите, я за вас напишу, подпись будет ваша, согласны?

Глебику хотелось поскорее отвязаться от капитана. Он назвал фамилии, какие помнил. Даже Гасова назвал, был такой у нас в полку, с театральными способностями.

- Был? Теперь, где же?

- В другую часть перевели, - машинально соврал Глебик.

Капитан приложил руку к фуражке и ушел. Глебик тут же и забыл о нем. Хорошее кончается быстро. Приехали в Ашхабад. Вновь началась каторга с рытьем траншей под фундамент.

Жара завернула за сорок. Плавился асфальт на шоссе. Счастье, если рядом со стройкой парк. Здесь даже собаки ныряли в арыки, да еще и играли под водой в догоняшки. Глебик то и дело смачивал в арыке голову, к вечеру она казалась налитой свинцом.

Однажды на разводе ему сказали, что на работу он не пойдет, так как его вызывают в штаб. Сердце радостно забилося. Вот оно! Кончились все муки! Начальство поняло, кто он такой. Шила в мешке не утаишь. В нём - ритмы, в нём - звуки. Его ли держать в черном теле? Ему ли эти носилки таскать? Должность дадут. В культуре станет подвизаться. Дюваль сработала? Она, кто же больше?

В кабинете замполита подполковника Швачко сидели два незнакомых капитана. Серьезные. Даже не улыбнулись Глебику, пригласили присесть. Стали спрашивать.

Писал в "Комсомолку"? А во "Фрунзевец"? Не писал. Даже не знает, что есть такая газета. Показали. "Фрунзевец". Окружная газета, выходит на шести языках, в шести республиках. В ней - его очерк. За его подписью.

Они ему читали, а он мрачнел. Оказывается, когда вечер опускается на холмы Копетдага, когда синева сходит на город и яркие звезды зажигаются в небесах, в н-ской строительной части пробует голос дутар. Он говорит человеческим голосом в руках дутариста Розымбаева. Рядовой Буцко спивает украински песни про неньку Украину. А рядовой Василий Гасов, который после окончания службы собирается поступать в театральный институт, читает друзьям монолог Гамлета...

- Это - что? Провокация? Я вас спрашиваю! - трагически вскидывал брови особист.

- Ко мне в Ташкенте капитан пристал, расскажи да расскажи, фамилии назови.

- Гасов - государственный преступник, а вы его в очерке воспели! А сам вы - кто? Против комсомола выступаете?

- Спросите майора, я всегда вовремя взносы плачу.

- "Комсомольскую правду" неправдой называете. Это антисоветчина!

- Нечаянно обозвал, они стихи не печатают.

- Мы выясним - кто ваши родители.

- Кто! Отец на фронте погиб. Мать кастеляншей - в роддоме. План там всегда перевыполняется!

- Юморист! - сердито сказал старший агент.

Особисты дали подписать протокол и ушли.

Швачко взял Глебика под руку, вывел из штаба отвел подальше от строений и сказал:

- Учти, теперь они тебе на хвост сядут. Выступай на митингах, читай чаще стихи о комсомоле, везде хвали партию и товарища Сталина. Понял? - Так точно!

- Смотри, а то угонят, куда Макар телят не гонял, и всю оставшуюся жизнь будешь киркой и лопатой махать, про стихи забудешь!

Да, в пути с Дальнего Востока Глебик зря мечтал, что будут у него в Ашхабаде приключения, как у Вальки Девятова. Тому агенты золотое колечко подарили. Эти не подарят. Вот невезуха!

По иронии судьбы, через день пришло письмо от заведующего отделом "Комсомолки", Николенко писал: "Считаете, что мы пишем неправду, думаете, что не осмелимся напечатать Ваше письмо. Не разделяем Ваше мнение, но опубликуем выдержку из Вашего письма..."

"Стукальщик!" - подумал Глебик. - "Из тебя барабанщик отменный вышел! Опубликовал ты выдержку!" Теперь по утрам на разводе Глебик невольно оглядывался на бюст генералиссимуса. Выражение лица того было выскомерно-равнодушное. Что, мол, мелкота? Суетитесь?

Однажды Глебик принес к бюсту розы. Возложил. И сразу небо застлало мглой. Песок закрипел на зубах, нечем стало дышать, из пустыни налетела пыльная буря. Выход на объект отменили, солдаты сидели в бараке-столовой, дремали, Глебик понял, что момент подходящий, встал на скамью и начал читать стихи о комсомоле. Заворчали:

-Закрой поддувало! Оратор! Не мешай кемарить!

Буря бушевала до вечера, в двух шагах было ничего не разглядеть. Не работали весь день. Все это сделала пара положенных Глебику роз, так он думал.

На другой день их послали строить штакетный заборчик вокруг Академгородка на окраине города. Работа была приятная, за городком тянулись бесконечные виноградники. Лоза с крупными матово-синими гроздьями, словно бы покрытыми пылью. Расстегивали гимнастерки, совали гроздь за пазуху. Вдали виднелись деревянные вышки. На них - старики. Ближайший старик заметил непорядок, завопил тонким голосом. Откликнулись на другой вышке, на третьей. Старики кричали, но никто из них и не думал слезать. Звуковые пугала. На вышках у них шаяли костерки на жестянках, нагревая до кипения воду в конусообразных чайниках.

В обед на объект привезли огромные термосы с пищей, быстро выстроилась очередь. Суп в термосах кипел. Повар плескал черпаком каждому в миску его порцию. Кто успевал съесть все быстрее других, мог успеть получить и добавку. Буцко пил раскаленную жижу прямо через край, всегда первым опустошал миску и получал еще. Глебик попробовал так - обжег рот, а Валька Кончиков заметил

- На старость лет - язва желудка.

Глебик не сдался, работала пытливая мысль. Водопроводный кран во дворе был испорчен, прохладная вода образовала ручеек. Глебик стал устанавливать миску в ручеек, ложился на бок и быстро черпал суп ложкой. Вскоре так стали делать многие. Тогда Глебик пошел дальше: миску с кипящим супом он подставлял под кран, разбавлял суп сырой водой, быстро размешав ложкой, махом все выпивал на ходу, двигаясь по направлению к термосу. И побеждал в борьбе за добавку.

Он чувствовал, что накапливает опыт

Из тех, что приехали с ним в Ашхабад, осталась едва ли половина. Кто-то слеп, говорили, что виновато цветение хлопка, кто-то чах от авитаминоза, вроде ел, но организм пищу не усваивал. И Глебик не знал - завидовать ли выбывшим из борьбы?

Возвращались с объекта чуть живые от усталости. Отужинав, спешили прилечь.

В жару спалось плохо, выходили, обливались из кружки под краном, взбирались на крышу землянки, но не было ни ветерка. С крыши землянки виден был бюст генералиссимуса, однажды Глебик увидел, что усатый движется к нему, как бы на невидимых костылях. Вот бюст вождя народов уже рядом с Глебикум, пристально смотрит ему в глаза.

- Будешь сидеть! - сказал генералиссимус, - я тоже в молодости сидел. Мне тоже было тяжело...

Утром Глебик прошел к бюсту, посмотрел. Волос на голове зашевелился: бюст на постаменте стоял не на как обычно, развернут был в сторону землянок, и было видно по темному квадрату то место на постаменте, где бюст располагался прежде.

Так прошла не очень-то холодная ашхабадская зима.

Вновь начало прибавлять калорий солнышко.

Тогда ему привезли записку от Дюваль. Готовится шефский концерт для пограничников. Надо ехать на репетицию. Вот чертова толстуха, даже машину за Глебикум прислала. Приятно. Одно плохо: опять пристанет с нежностями.

Глебик уселся в "Виллис". Повезут как генерала какого!

Приятно прокатиться по городу. Глебик выглядывал в окошко. Пусть думают прохожие - что за птицу везут!

Куда это шофер подруливает? Это совсем не доса! Огромное здание с лепниной, занимает чуть не квартал.

- Здесь сегодня репетиция будет, - сказал шофер.

Возле здания их ждал штатский, пояснил кратко:

- Проведу вас в репетиционную.

Петляли по коридорам.

Неожиданно Глебика втолкнули в комнату с железной дверью. Лязгнул запор. Парень во флотской тельняшке дохнул на Глебика перегаром:

- Тупые, как причальные штымпы! Яшу Фефеля за шпиона держат!

Пауки! Держиморды! Сухопутные крысы! Румпели ободранные!..

Тельняшник был изрядно пьян. В конце концов, Глебик понял, где находится. Этот - подсадка? Но почему - пьяный? Для убедительности?

Хотелось присесть, или прилечь. Глебик разглядел с двух сторон камеры прямоугольные углубления, в них разместились металлические скамьи, откинуть одну из них, присесть, или прилечь. Дернул, железяка не поддавалась.

- Моржового тебе, костяного! - сказал моряк, - эти падлы на ночь их отстегивают... Не бывал в таких местах? Ох, медузы сраные! Меня - Манька ждет, у меня отпуск проходит. С бабой списался, прибыл. В горном поселке она. Пропуска нет, с автобуса сняли и - сюда...

Он просунул голову в решетку, высадив лбом стекло. На двери лязгнули запоры.

- Врешь, не возьмешь! - прохрипел морфлот, втискиваясь в ячейку решетки. Как-то он так изогнулся, что рывком до пояса вылез наружу, но зад у него почему-то застрял. В этот момент ворвались военные.

Они ухватили военмора за ноги и принялись тянуть, он лягался, ревел и ругался самыми страшными словами. Прибежали еще и тянули, казалось, разорвут человека. Было трудно представить, как он смог втиснуться в такой маленький стальной квадрат? На что надеялся?

Окно выходило во двор, охраняемый часовыми, да если бы он упал со второго этажа на асфальт...

Теперь флотский уже сам хотел вернуться в камеру обратно, но не мог. Рев его был невыносим.

- Ножовку надо! - сказал один военный.

- Суки распилить меня хотите! - завопил моряк.

- Башку отпилить не мешает! - сказал один из военных. - Этого отсюда убрать надо... - обернулся он к Глебику.

Глебик понял, что моряк - вовсе не подсадка. Натурально в решетке застрял, так нарочно не сделаешь.

В новой камере, в одиночке, Глебику вспомнился вещий сон про беседу с генералиссимусом.

Глебик пожевал переданного ему через окошечко в двери хлебца. В одиннадцать железная полка сама собой откинулась, и Глебик стал думать: а что говорить на допросе? Как лучше? Ничего не придумал и уснул.

Неделю он провел в камере. Никто его не беспокоил.

Еду давали регулярно. Плохо было только, что не было бумаги и карандаша, но, в конце концов, стихи можно сочинять и в уме.

Кто-то постоянно глядел в глазок, но и к этому можно было привыкнуть. С месяц так пожить - даже приятно. А потом - зона, где, как говорил Гасов, жить даже легче, чем в стройбате? Если дадут десять, то после отсидки можно будет даже жениться.

А Марии-Модессе каково будет? Но что он такое сделал? Пронесет. Чуть в космополиты однажды не попал. Пронесло же. Вспомнилась маленькая майорша. Ах! Надо было ему рваться в этот Ашхабад! Если бы можно было знать судьбу наперед! Да ведь наверно майор его нарочно подальше от своей жены сплавил.

Вспомнилось. Гадала цыганка, когда уже отец погиб, война была, и был Глебик плохо одетым, худым. Сказала, что будет болеть, будет в казенном доме сидеть, но потом станет ба-альшим начальником!

Глебик рассмеялся и глаз в дверном глазке удивленно вытаращился.

Потом Глебика вдруг вызвали в кабинет, шел, волновался, может, кричать будут, бить даже?

Ничего подобного не было, абсолютно ни о чем не спросили. Дали расписаться в бумаге и сказали, чтобы никому не рассказывал, где он был, репетировал в доса и - все...

Провели его штатские через задний двор. Предупредили, чтобы ехал прямо в часть. Постояли на остановке, пока он в автобус не сел.

В бумаге было написано, что неделю Глебик работал в бригаде художественной самодеятельности.

В части что-то изменилось. Глебик первым делом глянул на бюст и поразился: бюст был украшен черным крепом и несколькими черными розами.

Кто посмел? Зачем? Почему? Догадка пришла! Еще в автобусе он почувствовал, что в городе что-то случилось, не слышно было крика и музыки. Но он столь был занят своими переживаниями! Подошел Розымбаев:

- Да-да! Помрал! Два дня назад помрал! Полковник в столовом плакал, когда речь говорил. На другой день в супе мясо был, свинина. Я все равно кушал. Беспризорник, все ем... А ты где шалтай-болтай делал?

- Репетировал!

- Сапсем мало тепер служить. До осени... В Ташкент свалим?.. Не решал еще? Думай, голова у тебя большая.

7. СТРУНА ФОНТАНА

После возвращения с "репетиции" Глебику вскоре присвоили звание ефрейтора. Швачко постарался. Майор не хотел, чтобы Глебика "по политике" уекли, тогда и майору не сдобровать.

Теперь Глебика друзья стали величать половиной сержанта. Называли еще - полтора солдата.

Лой допился: лишили звания. Тепер он жил в Глебиковой землянке.

Однажды у Глебика исчезла из-под матраца гражданская куртка. Сделали шмон. Куртка нашлась в вещмешке у Лоя. Глеб надел ему на голову ведро с помоями.

После нередко перед сном, лежа на нарах, Лой шипел в сторону Глебика:

- Убью! Вот увидишь.

- Как? Зарежешь?

- А колы скажет, что из-за рэвности, то и трех рокив не будет! - сказал Буцко.

- Никакой ревности. Ни резать, ни душить не буду, а убью, и никто не докажет...

Однажды утром, когда Глебик натягивал кальсоны, что-то кольнуло его в письку. Стал искать иголку, уверенный, что кто-то подсунул её для смеха в брюки.

Разбираться было некогда, взвод строили, чтобы вести в столовую. Зачесался язык, почесал его зубами, тотчас распух. Почесал грудь, там сразу вспухла розовая подушечка. Если завтрак не съесть, - то никто уж не покормит до самого обеда.

Сел со всеми за стол, пытался есть, но распухший язык мешал во рту и губы опухали тоже.

- С красным пятнам на морде, - сказал Розымбаев, - кусал паук. Ты не кушай, ты в санчасть иди. Паук плохой. Черный смерть.

Чувствовалась тяжесть в сердце. Глебик все же кое-как доел кашу и допил чай, только тогда пошел в санчасть. Промеж ног мешало.

Санинструктор-узбек никак не хотел звать фельдшера, отдыхает.

Глебик расстегнул гимнастерку, показал розовую опухоль.

- Знаем! - сказал инструктор, - ишагэм называется. Тепер опоздал, утром приходи, когда восход солнца, мы ишак за хвост держим, молитва читаем, все проходит...

- Фельдшера... - повторил Глебик.

Пришел Калистрат Иванович.

Глебик расстегнул штаны и сам обомлел: между ног болтался розовый футбол.

Фельдшер наморщил лоб:

- К женщине ходили? В городок?

- В госпиталь звоните!

- Вот, сразу и в госпиталь... - начал было Калистрат Иванович, но понял, что ефрейтору впрямь худо. Позвонил. Велели положить в санчасть, дали советы, как лечить.

Сердце бухало. Бледный Калистрат дрожащими руками вводил сыворотку, половину проливая на постель. Уколы ставить он давно разучился. Не мог иглой попасть в вену.

На третий день волдыри и пятна на теле стали спадать, и псыска уменьшилась почти до нормальных размеров. Сердце стало работать спокойней.

Глебик всячески благодарил Калистрата, на что тот скромно отвечал:

- Медицина!

Через неделю Глебик уже опять ходил на работу. Лой на него старался не смотреть. А ночами Глебика все сильнее бил кашель.

Стройбатовцы срывали зеленые уличные абрикосы, которые здесь звали почему-то урюком. Попытались жевать и огромные плоды айвы, но они были, как дерево. Мир был дизентерийно-зеленым. И стройбатовцы стали фонтанировать.

В выходной батальон выстроили не на плацу, а возле дувала. Каждому солдату и сержанту было приказано вырыть небольшую ямку и повернуться к ней задом. Затем прозвучала команда:

- Штаны снять! Всем оправиться!

Каждый присел над своей ямкой. Тысяча человек. Словно треск разрываемой материи прозвучал.

Глебик обернулся: где там его ямка?

- Не сходить с места! - орал инструкторы, бегая вдоль строя с записными книжками.

- Фамилия? Какой роты? Взвод? Отделение? В правую сторону арш!

Глеб готов был поклясться, что в его ямке было нечто твердое, но его зачислили в ряды поносников.

Тут же всех дростоппенников, как их называли инструкторы, погрузили в кузова грузовиков и куда-то повезли.

- В госпиталь везут! - радовался Кончиков, - ну, лафа! С дизентерией непременно целый месяц прокантуемся!

Госпиталь был в парке, тенистом и огромном. Здесь были бараки и землянки, кое-где койки стояли прямо под деревьями.

Новичков повели на рентген. Глебика там задержали, все спрашивали:

- Часто кашляете?

Пошли звать начальника терапии майора Сократова.

Пришел маленький, толстенький, таким и был Сократ. Докажите обратное!

Сократов сказал, что у Глебика экссудативный плеврит, что жидкость может выпасть куда-то там. Нельзя шевелиться.

- Я тачки катаю, траншеи копаю! - сказал Глебик.

Надо же так: на юге и простыл! Вот тебе и дизентерия! Мысли были о тайной связи паука, кашля, злобы и тоски.

Положили в барак, готовили к операции, курить не велели. Тайком покурился.

Оперировали в кресле. Проткнули бок и откачивали жидкость. Больно, но рядом - медички! Хотел после операции сам идти. Но его прямо с креслом подкатили к кровати, и он сдвинулся на постель.

Переливали кровь. Сказали, что это кровь какой-то красивой девушки. И ощутил нежность. Ввели дневник его здоровья. Майор Сократов сказал:

- Стол для ослабленных бледных юношей со взором горящим! Надо закрепить лечение.

На койке с книжкой в руках, ждать обеда, завтрака, принимать лекарства. Разные там примочки и припарки. Укол просил делать в руку, но все равно упрямые медички ставили - в попу, в мякоть, Удобнее им так, что ли?

Однажды привезли Буцко, он мог говорить лишь шепотом. Несло от него спиртом и уксусом: отравился. Зачем? Буцко отмахнулся.

- Поправишься! - утешал Глебик.

- Не хочу жить! - махнул Буцко...

И это было непонятно.

Жаль было, что нельзя находиться в госпитале вечно. Ходить, трогать струйки фонтанов.

На прощанье Сократов сказал:

- Военная медицина вас чуть не сгубила, но она же вас спасла!..

Справка медкомиссии говорила, что ефрейтору Глебычеву противопоказаны физические нагрузки. С такой справкой можно было служить хоть сто лет, но оставалось служить всего два месяца.

8. ЗООПАРК

Бессонные ночи. Ждавшие демобилизации, ворочались всю ночь на нарах, кряхтели, вздыхали.

Штабные писари, у которых сводило пальцы от держания ручек. Тысячи проездных и денежных документов для увольняющихся!

Когда очередь Глебика придет? Через неделю? Месяц?

Но ашхабадцем не надо ждать. Помаши дяде ручкой и ступай домой.

Глебик не был ашхабадцем, он пошел в штаб и заявил, что хочет стать таковым. И - отпустили! Стань на учет в военкомате, и там работу найдут.

Себе не верил. Всё? Кончилась армия? Недавно сердце билось: скорей бы отпустили! Теперь забилось: а как там будет? Там даром матрас не постелят, даром не покормят. И работать где? Сам себя взять кирку и лом не заставишь. Рвался на свободу, а теперь страшно!

Глянул на часы. Надо ужина дожидаться. В полку поесть. А то на гражданке за ужин сколько дерут? Он даже представления о том не имеет.

Поужинал, покурил в последний раз с корешами. Всё! На - КП. Вот - бумаги, вот - штамп. Вольная птица!

Пока нужную автобусную остановку нашел - стемнело. Сказали, что отсюда до вокзала автобусы идут с интервалом в один час. Вглядывался в темноту, темное шоссе, нигде ни огонька.

Горы, как всегда торчали за спиной, подглядывали.

Прилег на скамье, подумал: вот тебе нега, прохлада, изобилие! И нечаянно заснул.

- Генерал, вставай!

Удивленно открыл глаза. Где потолок землянки? Вместо него - звездное небо, и кто-то трясет Глебика за плечо. Женщина.

- Генерал, ты чего на остановке спишь? Ты знаешь, сколько времени?

- Не генерал, а ефрейтор! Не видишь лычки?

- Да мне накакать, хоть маршал! Лычки! Тебя тут ночью прибить могут. Или в задницу отсандалят. Ты - что? Нездешний?

- Вот, документы.

Перелистав бумаги, она сунула их к себе в сумку:

- Айда, ефрейтор, ночевать у меня будешь.

Глебик пошел за ней, размышляя. Тетке за пятьдесят, приставать не будет. Или наоборот - будет? Вот тебе и ашхабадские приключения! Может, заманивает в логово бандитов? А зачем? Какой им с него прок?

Когда во тьме среди еле видимых карагачей и зарослей абрикоса шагнули они в темные развалины, где не было ни огонька, и слышалось утробное рычание, Глебик стал, как вкопанный, спина покрылась холодной испариной.

Женщина шепотом сказала:

- Это Мальчик беспокоится.

- Какой еще мальчик?

- Лев. Его зовут Мальчиком. Он старый, хворает. Я в отделе хищников служу.

- погоди, сейчас забегу в отдел, мясца прихвачу. Днем не возьмешь, дирекция тут валандается, ученые-специалисты.

Вглядываясь в ночную мглу, Глебик различил странные строения, высокий забор с проволочной сеткой, и какую-то водную гладь. Озеро?

Женщина ходила очень долго, думал уж не увидит её больше Шпионка! Забрала у ефрейтора документы, отнесла к своим иностранным шпионам. Но она вернулась с тяжелой корзиной, вручила её Глебику:

- Неси!

Корзина оттягивала руку. Вошли в приземистое строение. Глебик стянул сапоги, женщина включила свет.

- Садись, ефрейтор, отдыхай, ужин сгоношу. Не хочешь? Да ты не брезгуй. Мы для особо ценных хищников получаем баранину и говядину первой категории. Ты ведь тоже особо ценный хищник, а? А еще у меня, смотри, сколько яиц! С птичницами на мясо меняю. Озеро видел? Там у них птицы всех стран. Смотри какие яйца несут! И синие, и зеленые, и красные в белую крапинку. А с Варькой, которая обезьянник обслуживает, я меняю мясо на конфеты, пряники, орехи. Так вот и меняемся, Жить-то надо, ефрейтор?

Глебик ел. Вкусно! Это тебе не в армии. Да ведь чужое это всё. Чем расплачиваться.

Женщина как-то прочла его мысли, тоже лучи принимала:

- Не бойсь, Глеб Николаевич, не изнасилую. Я уж свое оттарабанила. Дочку воспитываю. Катюшка у меня в смежной мазанке живет. Стопочку выпьешь? Нет? Как хочешь. Нет, спирт не у медведей беру, и не у слонов. Спирт нам выдают для аптечки.

Ты ешь и спи ложись, вон на сундуке, а я на дежурство пойду. Спи хоть до обеда, у нас тут - ни подъема, ни отбоя. Отдыхай...

Уснуть было нелегко. Новое место. На новом месте приснись жених невесте. Неизвестность всегда томит.

Может, хозяйка его за жениха держит? Для дочери своей припасла? Скорее всего, так оно и есть. Только что демобилизовался, жених в самом соку.

В окно, прикрытое лишь марлей, кто-то шумно дышал, незнакомые запахи наплывали из темноты. Непонятные возгласы, рев каких то животных.

А за стенкой, где предположительно была дочка хозяйки, кто-то глухо ударял в стенку. И слышался приглушенный голос:

- Я тебе убью!

- Что ты делаешь? Умираю!

Глебик решил вмешаться. Убивают хозяйкину дочь. Разве Глебик не солдат? Мал золотник да дорог! Три котла армейской каши съел. Тонны земли перелопатил. Маленький, но мускулистый. Убежать от опасности всегда сумеет. И через любой забор перемахнет.

Встал, вышел из землянки, полусогнутый, приник к окошку. Воображение рисовало кукольную красоточку. И её кто-то хочет зарезать.

Трудно было что либо разглядеть. Лежанка. Мужчина и женщина. Катя? Здоровенная бабища. И мужик, амбал восточный. И расположены на лежанке странно. Мужик - головой меж Катиных ног.

Нет, никакого убийства. И понять ничего нельзя.

Пошли они все! Спать-то надо? Это тебе не армия, где после отбоя все напрочь вырубаются.

Утром его разбудил пронзительный визг:

- Вот тебе, сволочь, вот тебе! Разложенец! Омерзительный, аморальный, распущенный тип! Обезьяна! Гамадрил!

Глебик откинул марлю и высунул голову в окошко.

Среди глиняных развалов, в лабиринте глинобитных дувалов, согбенный седобородый мужчина увертывался от полной, приземистой дамы. Женщина старалась достать его лысину концом бело-розового зонта с длинной ручкой.

Мужчина, уворачиваясь от зонта, одновременно пытался попасть ногой в брюки, которые держал в руках. Он прыгал при этом на одной ноге. В какой-то момент нога мужчины запуталась в штанине. Он пошатнулся, ища равновесия. И тут поразил его в лысину сверкающий коготь судьбы, притворившийся никелированным наконечником зонта.

- Мари! - завопил пострадавший, - Мари, что ты делаешь? Голова есть инструмент ученого!

Второй удар пришелся по очкам в золотой оправе, только стекло спасло глаз гулевана. Очки свалились ему под ноги, теперь он подслеповато озирался, запутавшись в собственных брюках, и уже не уклоняясь от ударов.

Из двери фанерного жилища выглядывала горбатенькая тетка неопределенных лет. Глаз с бельмом, кривой нос, лоб, словно танками изъезжен. Женщина с зонтом шагнула к ней, горбунья поспешно прикрыла голову руками.

- Нет! - воскликнула мстительница, - открой физиономию, да именно - физию, ибо лицом это назвать нельзя!

Мстительница вновь повернулась к мужчине:

- И ты меня променял на это... это... - она умолкла, не находя слов.

- Машенька! Это же для контраста, чтобы потом крепче любить тебя... - бормотал красный от стыда и крови интеллигентный разложенец.

- Сколько он вам должен? За услуги? - обратилась дама к горбатой сопернице.

Та молчала. Страх и одновременно надежда читались на лице.

Дама бросила ей десятку. Помогла мужу натянуть брюки.

Подала ему очки с одним стеклом. И разложенец ушел под конвоем в неизвестность.

Горбунья с десяткой укрылась в своей конуре. И, как всегда, неожиданно, яркое ашхабадское солнце возникло в небесах. И пришла хозяйка дома.

- Как спалось, военный? Сдала деток сменщице. Сейчас Катюшку кликну, завтракать станем.

Дочка Катя оказалась похожей на Петра первого в юбке.

Прищуренно оглядела Глебика и хрипло сказала:

- Тоже приемьш?

- Я её после землетрясения взяла, - пояснила хозяйка. - У неё мать пришибло. Я жалостливая. Я сама с Волги. Зовут меня Анна Петровна Пахомова.

До революции еще в Ашхабад наладились, на заработки. Отца с матерью лихорадка свела. Тринадцать годов мне было. Хипесом жила. Дашь марафета, да и оберешь до нитки. У меня покровители были. Перс один был, два метра ростом, царствие ему небесное.

Глебик мотал на ус. Хипес!7 Словечко! Надо не забыть. И вдруг спросил:

- А Катя хипесом занимается?

- Чего еще? - басовито равнодушно сказала Катя.

- Она ленивая, суконка! Где ей до меня! Я-то в её годы, как ветерок летала. А эта сама за собой посуду не вымоет. В зоопарке дежурить не хочет.

- Мама, я же деньги даю, когда бывают, - возразила Катя.

- Бывают! У тебя сегодня министр был, на сколько его вытрясла? А матери сунешь трешку и все!

- Министр? - изумился Глебик. Сюда министры ночевать ходят?

- Он - заместитель министра сельского хозяйства, - пояснила Катя. - И жадный. Бутылку коньяка возьмет, а денег не проси. А ты зачем подглядывал?

- Да ведь у вас там ночью шум был, рычание! Я думал - убивают кого.

- Лизать любит! - бесстрастно сообщила Катя. Мне-то что? Чище будет. А денег он мне не дал, вот ей богу!

Глебик доел жаркое. И вышел ознакомиться с местностью. Он прошел мимо павильонов с обезьянами и попугаями, мимо выгородок с искусственными озерами, где копошилось множество разнообразных птиц. Необычайно длинные и тонкие, или наоборот ужасающе-толстые, их ноги казались нереальными, иные имели носы огромные и красные, как железнодорожные тормоза, иные распускали пышные хвосты всех цветов радуги, а были и вовсе бесхвостые. Возле озера стоял неумолчный гвалт. Дальше шли ряды клеток с хищниками.

Глебик задержался возле вольера со страусами. Он стоял возле вольера, просунув руку сквозь проволочный ромб, гладил страусихину шею, и она помогала, как кошка. А страус, косясь дымчатым глазом, разворачивался и сгибал в колене могучую ногу.

Анна Петровна ругнулась:

- Раззявил хавальник! Ефрейтор! Тебя кто кормить будет, если живой останешься? Не видишь, он ревнует? Вольер? Он и сквозь сетку шибанет - жить-насрать...

- Отскочу.

- Один так вот отскочил. После землетрясения было. Вольеры разрушились, клетки поломались. Тут и тигры, и львы, и барсы, все в кучу сбились, дрожат. Не трогают друг друга.

Пришли солдаты с автоматами. Приказ был хищников расстрелять. Я зверей телом закрыла, стреляйте, мол, меня вместе с ними. Говорю, меня вместе с ними! Оттащили меня, а хищников порешили.

- Зачем же? Ведь они смиренно сидели?

- Вот и я им тоже говорила. У меня чуть сердце не лопнуло. Да ведь правы были. Людей-то раненых на улицах полно. Хищники посидят, посидят, опомнятся от испуга, да и загрызут кого-нибудь.

- Ну, а страус причем?

- А тогда страус Тишка сбежал. По всему городу носился, быстрее курьерского поезда. На окраине его мужики загнали в тупик. Там дувалы сходились. Вот Тишка стоит у глиняной стены, повернулся к ним задом. Мужики к нему с топорами подкрадываются. Хороший, дескать, шашлык будет. Тишка прицелился ногой - бац! У него удар полторы тонны. Мужик перелетел через двухметровый дувал, упал, но это уже был не мужик, а лепешка. Вот и отойди от сетки.

Глебик прежде не бывал в настоящем зоопарке. А теперь мог созерцать его жизнь изнутри круглосуточно.

На задах зоопарка после землетрясения служители соорудили из жести фанеры и глины десятка два лачуг, каждая - не больше уличного сортира. Фанера, жесть, глина. Лабиринт, в котором шипят возле фанерных стен примусы, в тупичках таятся раскладушки, а меж деревьев болтаются гамаки с прорванными сетками.

В разбросе и запутанности чудилась анархическая независимость от вещей и природы. Жители поселка не пользовались главным входом, они выбирались из поселка и возвращались обратно через дыру в высокой зоопарковской ограде. Дыра таилась в зарослях кустарников и роз, не знаячи - не найдешь.

Разный народ ютился в поселке. Служители зоопарка и просто любители экзотики, которые непонятно чем промышляли. Были тут люди без паспортов и биографий. Рядом с крохотной избушкой сидел старик, нажимавший коричневым пальцем педаль малюсенького горна, в котором он плавил металл, чтобы затем отлить кому-то коронку на зуб.

Говорят, Карамор, так прозвали черно-коричневого мужика зоопаркяне, однажды отлил коронку на сломанный зуб льву Африканычу. Льва усыпили, Карамор посадил льву коронку на больной зуб при помощи молотка и цемента. И после возле клетки с Африканычем Карамор собирал дань с посетителей, говоря:

- Видите у него в пасти зуб? Я поставил! Жизнью рисковал. Дайте на лечение нервов больному артисту!

Иногда лев лениво разевал огромную пасть, все убеждались, что хищник действительно имеет коронку на зубе, умилялись и подавали щедро.

Карамор вырос в детдоме.

Перед войной черт дернул Карамора сбежать в Иран. Границу, которая прежде была "прозрачной", вскоре закрыли. И Гена Карамор остался жить на чужбине. Копал арыки за скудную еду. В ауле и керосиновые лампы не у всех имелись. Ходил в рванье, за плохую работу били. В возраст вошел, а жениться не на ком. Чужак. Да без денег там и свои не могли жениться.

Сгубил молодость. Обуглился на солнце. Стал русский язык забывать.

Кончилась война, прошло несколько лет, стало слышно, что теперь не всех нарушителей границы убивают. Гена перешел границу, отбыл срок за переход.

Научился делать зубы. И прижился в зоопарке.

А Глебику как искать работу, если одет в ХБ! Может, к Гасову на кладбище за костюмом сходить? Ну, нет! У Розымбаева есть выигранная в карты офицерская гимнастерка. Но Розымбаев пока обретается в батальоне. Идти туда сейчас неохота. Устроится Глебик и тогда - придет. Небрежно постучит папиросой по коробке "Казбека". В культуре. Оклад. Командировочные...

И вот он вынырнул из дебрей ашхабадского зоопарка.

Солнце не сжигало, как летом, дотла. Светило скромно - зима. Нет листопада. Листва летом сворачивалась, жухла, теперь же зазеленела во всю. Возле ларьков пунцовели политые пивом и вином огромные розы.

В духанах, и за столиками, поставленными просто на улице, под деревьями сидели праздные мужчины, ели шашлык и запивали, кто - вином, кто - пивом.

У Глебика запершило в горле. В его карманах даже медяшки не завалилось. Но прозвучало:

- Солдат! Глотни пивка!

Среди бела дня лежит на столе скелет существа, которое еще недавно весело резвилось в волнах моря неподалеку от Красноводска. Маленький, угрюмый, с метками оспин, обсосал мясо выплюнул скелет. И протягивает Глебику хвост воблы:

- Посолишь! Больше не осталось! И дерни пивка! Пограничником был?

Отказаться гордо? Дескать, времени нет! А в пиве-то пузырьки танцуют. Щеки того гляди, начнут потрескивать, как угли.

- Денег не захватил!

- Брось! Здесь дома падали! Рядом со смертью жлобы не ведутся. Пей! Ты же в армии служил. Разве кружку пива не заслужил?

Глебик присел. Новый знакомый представился:

- Дурдышка! Писатель.

Дурдышка удивлял полным отсутствием акцента. И неловко было называть писателя уменьшительно. Впрочем, он скорее похож был на карманника. Даже наколка на костлявой маленькой руке была. А про писателя наврал, наверное. Разве такие писатели бывают?

Через час Глебик уже пропах шашлыком. Рассказывал Дурдышке о том, что идет устраиваться в филармонию. Специальность? Фокусы.

Это уже не Глебик говорил, это говорила адская смесь пива, водки и перца. А что? Этот себя писателем назвал. Почему же Глебику не называться артистом?

От соседнего столика пришли два ужасно смуглых восточных человека:

- Дарагой сдэлай фокус! Дэсятку дам! Нэ хочешь? Обманщик. Нэ можешь! Так и скажи!

- Пьяный не могу.

- Ладно, потом покажешь, когда трезвый будэшь.

Ушли к своему столику. А через минуту официант принес четыре шампура с шашлыками и бутылку водки:

- От соседнего стола!

Стемнело разом, словно в театральной постановке. И крупные звезды зажглись в небе. Тело стало невесомым.

В тупичках, в закоулках, - под руку с Дурдышкой. Глебик запнулся о корни могучего дерева, они были, словно ребра Вселенной. И полетел. Но не вверх, вниз.

- Зам директора филармонии! - сказал Дурдышка. Где-то тут его времянка. Понастроили! Вавилон! И ночь - глаз коли. Он - хороший! Курбашка! Я тебя устрою, престиджитатор! Где эта чертова землянка!

- Дурдышка! - сказал Глебик, в котором после удара лбом о карагач, проснулась совесть, - я не престиджитатор.

- Ну, манипулятор, какая разница!

- И не манипулятор!

- Все равно! Билеты будешь продавать, афиши клеить, какая разница. Искусство!

Дальнейшее помнилось отрывками. Длинное, как железнодорожный состав, помещение, состоящие из глинобитных мазанок, соединенных между собой. Человек в тюбетейке, пожимавший Глебику руку обоими руками и прижимавший затем ладони к сердцу. Что-то пили еще.

Почетных гостей укладывают спать подальше от дверей. И он решил терпеть. А ночь все же вынудила освободиться от распивавшего его пива через форточку. Престиджитатор! Не совсем получилось. Кошма возле окна стала сырой.

Совесть и тихо стеноя, пробирался к двери, переступая через храпящих людей. Не дай бог, проснутся. Нашел в снях свои сапоги. Бог с ним, с Дурдышкой! Какой он писатель? Не бывает таких! И этот дом днем Глебик не узнает, если даже мимо пройдет.

Вернулся в зоопарк. Сказал Анне Петровне:

- Обещали работу дать через месяц.

Я в отпуск иду! Побудь месячишко за меня с хищниками. Я покажу, как клетки прибираться, как корм давать. Да в клетках-то прибираться в основном будет вот Маринка, - кивнула Анна Петровна в сторону семнадцатилетней девчушки.

Глебик согласился. С Маринкой поработать вместе. Синие глазки и коса русая. Приехала из Щучинска в Ашхабад работу искать. Школу закончила, какая работа в маленьком городке? И романтики захотелось. Подруга из Ашхабада ей написала. Приехала Маринка, а подружки уж свет простыл.

Из Щучинска. Вот так совпадение! Глебик тотчас стал вслух вспоминать все щучинские улицы. Маринке это было приятно.

Анна Петровна где-то находит всяких бесприютных, приводит к себе. Теперь вот Маринку привела. Судьба?

Поработаем! А вечерами можно стихи писать. Уже десяток написано. Еще пяток добавить и - в редакцию! Он тогда именно в редакцию и хотел идти, да Петрович его затормозил.

Оказалось, что зверей в клетках рассматривать приятно, а работать с ними тяжело. Нужно таскать ведрами воду, нужно катать тачку с кормом. Чистить клетки, перегоняя зверюг из одной клетки в другую. Тяжеленной клюкой задвигать запор. Затем идти в пустую клетку, и орудовать скребком лопатой и метлой.

Дерьмо, оно и есть дерьмо, хоть человечье, хоть звериное. Да ведь и опасно. Вдруг запор ненадежный, вырвется лев или тигр. Анну Петровну они знают и любят, а на Глебика иногда бросаются, норовя достать лапой.

Но и приятное было. Глебик выпросил у птичницы большое страусиное яйцо. Взвесил на безмене - восемьсот граммов. Аккуратно вырезал сверху отверстие, вылил содержимое на сковороду, зажарил. Есть было нельзя. В белке и желтке - прожилки, как в мясе, и невкусно.

Отдал яичницу собакам. Из скорлупы, коричневато-зеленой с крапинами, сделал бокал в проволочной оправе.

Занял у Карамора трешку. Сбегал в ларек, купил литр пива, решил опробовать бокал. Заметил возле отдела хищников толчею. Что - там?

Оказалось, Маринку медведь помял. И Глебик в этом виноват. Нарушил технику безопасности. При уборке клеток один человек должен следить за зверьми.

Гена Карамор, старый пень, жалея Маринку, всяко костерил Глебика.

Было же всё так. Маринка, просунув клюку меж прутьями, перегнала ею медведя в соседнюю клетку и клюкой же, закрыла за ним засов. Теперь можно было смело идти в ту клетку, где прежде был медведь. Маринка вымела сор и принялась мыть полы дезинфицирующим раствором.

Медведь же заметил, что, перекрывающая ход в соседнюю клетку, пластина опустилась не до самого пола. Только Марина отвернулась, он сунул в щель лапу, приподнял пластину и облапил девушку.

Марина закричала, прибежал Карамор, направил на медведя шланг с ледяной арычной струей. Марина вырвалась. Медведь успел пожевать ей руку.

Прибежала Анна Петровна. Урезонила Карамора:

- Чего разорался? Обойдемся без начальства. Посторонний? Кто? Он в советской армии служил. А ты, может, шпион! С той стороны. Молчал бы! Такая наша работа. Меня самое медведь три раза мял. Хуже нет скотины. Лукавый. Лев или тигр сердится, так это сразу видно: рычит, шерсть дыбом. А медведя никогда не знаешь, чего у него на уме. Глазки маленькие и без выражения...

Маринку увезли в больницу. Глебик навестил. Рука у девушки на перевязи, глаза завалились:

- Вот, поработала. Говорят, инвалидность дадут. Руку не восстановить. Радость тоже - инвалидкой стать с таких-то лет...

И Глебик чувствовал свою вину. Вот взять, да жениться на ней. По законам Туркмении, она уже совершеннолетняя. А говорить с ней о чем?

И решил он оставить зоопарк, Анну Петровну, зверей, птиц и ползучих гадов. Не его стихия. Он - престижитатор. Он - фокусник слова. Пусть примут в редакцию.

Он занял денег у Кати и Анны Петровны. И купил себе простенькие серые брючки и сиротскую рубашку с отложным воротничком. Еще Катя дала ему жилетку, забытую у неё клиентом.

Входишь в ворота и по левую руку - длинный барак, и по правую руку - такой же. В глубине двора от одного барака к другому протянулось здание- перемычка. Получилось как бы "П". Вы заходите внутрь буквы идете прямо, и упираетесь в редакционный буфет.

В левой стороне буквы "П" - молодежная газета, в правой - партийная. Глебик пришел со своими стихами в "молодёжку".

Он так был рад тому, что наконец-то смог сменить застиранную и выцветшую на солнце армейскую форму на гражданский костюм.

Зашел в длинный коридор, прислушался. В приоткрытую дверь было слышно:

- Петрова зарежьте и суньте в подвал! Я же сказал, чтобы Арсланова загнали на чердак! И шапку с него снимите! Что вы мне толкуете про эту даму, она у нас давно в корзине!..8

Пальцы стиснули тетрадку со стихами. С ладони потек пот. Постучал, вошел. Женщина и два мужчины. Со стихами? В соседнюю комнату.

В смежной комнатке - лохматый, и с ромбиком на грязном полотняном пиджаке. Банка из-под кильки полна окурками. Дым такой - Хиросима!

Глебик попросил разрешения и стал сворачивать сигарку. Лохматый дал папиросинку "Спорт":

- Названьице папиросам дали! Бездумно взяли слово!

Лохматый ткнул перо в непроливайку, на пере оказалась муха.

- Невозможно писать без воды! - воскликнул лохматый.

Глебик кинулся с кувшином во двор.

Лохматый жадно прильнул к кувшину. Напился, потом капнул воды в чернильницу.

- Стихи принес, напечатать бы... - и, добавил. - На работу бы к вам.

- Не советую! - сказал лохматый, - перья быстро стираются, а редактор выдал пять перышек на весь год и - всё! А тупым пером, что напишешь?

И непонятно было: шутит или нет. Журналист сказал еще, что в стихах не разбирается, и предложил пойти в буфет. Был он скуласт, приземист, широкоплеч, синеглаз. А ростом низок. Крепко пожал руку Глебику:

- Мишка!

Надо же - Мишка! Лучше бы отчество его узнать.

Буфетчица сунула листок, на котором журналист расписался. Из носка фарфорового чайника выглядывал голубой цветок, Мишка плеснул в пиалы. Глебик глотнул и чуть не задохнулся.

- Я в вашу редакцию уже приходил, - сообщил Глебик. - В вашей

комнате Трубской был, он сказал, что подборку стихов должны открывать стихи о Сталине. И у меня были стихи о Сталине. Но он сказал, что это фамильярно - называть великого человека просто товарищем Сталиным, тем более, что я простой солдат. Нужно написать: Председатель Президиума Верховного Совета. Председатель Совета Министров СССР, Генеральный секретарь ЦК КПСС, Генералиссимус Советского Союза товарищ Иосиф Виссарионович Сталин. И сказал, что в этом и заключается искусство поэта.

- Ну и?

- Потом мы поспорили. Он сказал, что я неправильно пишу слово палисад. Он говорит - поле и сад! Стало быть, полесад! Вот как!

- Ну, во-первых, Трубской - это его псевдоним, а фамилия его просто Трубкин. Но он хочет, чтобы звучало аристократично.

Да плевать на Трубского, он из нашей редакции уволился, на повышение пошел в партийную газету. А у меня башка что-то трещит. Надоело всё. Идем к Мамеду.

На площади Карла Маркса среди деревьев виднелись могилы с памятными досками на них. Здесь были герои прошлого. А может, и не герои. Баской сказал, что представление об одном и том же факте может меняться.

Под могучим платаном и стоял ларек улыбчивого Мамеда. Он спросил:

- Пиво подогретое - будете? Чайник на плитку специально ставлю. Для любителей. Зима же. Глебику стало смешно - зима! Этого Мамеда в Сибирь послать. Узнал бы какой бывает зима. Спросил Мамеда:

- Почему папаха маленькая? У других-то в десять раз больше!

- Маленькая? Сам маленький. Ко мне большие люди пить ходят. Великие! Зачем мне возвышаться?

- Он историко-филологический закончил,- пояснил Баской, - потому нам дает в долг. Всем журналистам и ученым - даёт под запись.

- Он разорится! - сказал Глебик.

- Ни за что, - возразил Баской, - Мы ему с полочки всё возвращаем и даем сверху, за моральный ущерб.

Не успели выпить у Мамеда и по кружке пива, как Михаила Баского увела женщина. И откуда-то вывернулся Курбашка, тот самый, у которого недавно так неудачно ночевалось. С ним был и Дурдышка.

Курбан взял его руку в свои две ладони:

- Почему тогда ночью ушел, чай не пил? Барашка не ел?

Но не мог же Глебик сказать, что он описался. Да разве они не заметили? Промочил им все ковры. А у Курбашки-то тоже наколки, да на обеих руках! Филармония! В воровском гнезде ночевал! Хорошо, что ушел, может, и зарезали бы. Хотя - за что? Денег-то у Глебика нет. Но могли зарезать и просто так. Ишь, как замаскировался Дурдышка, с портфелем ходит!

Дурдышка улыбнулся:

-Мы ночью с тобой все перепутали. Не в ту землянку зашли, не к директору филармонии! Какая разница? Хозяина землянки тоже Курбашкой зовут, и тоже туркмен, и тоже хороший человек. Второй день пьем, и никак остановиться не можем!

Глебик облегченно подумал: мели, Емеля, твоя неделя! Дурака нашел! Мы кое что в жизни повидали.

Дурдышкино лицо в оспинах и шрамах, и его изболевшиеся веки ясно говорили о дне жизни. Писатель нашелся! Что могло помещаться в голове, имевшей форму тыквы? Да, Глебик знал, что прежде в одном из туркменских племен бинтовали младенцам головы, чтобы головы эти имели особую удлиненную форму, по которой можно узнавать своих. Но этот был молод, а обычай, говорят, давным-давно ушел в прошлое.

Дурды сказал:

- Курбашка! Нам ли пить эту ослиную мочу?

Мамед обиделся:

- Мое пиво лучшее в Ашхабаде, академики пьют, а ты обзываешь?

- Для настоящих мужиков пиво - не питье, вот что хотел говорить.

- Ладно, прощаю. Но больше так при посторонних не говори.

- Кто посторонний? Этот урус наш друг, значит, не посторонний.

Курбан принес из гастронома две поллитровки. Пошли к ресторану "Горка". Это был крутой глиняный холм, остатки древней крепости в самом центре города. Древние властители, рабы. Нищета и роскошь. Коварство и любовь. Всё перетолклось в гигантской ступе времени. Крепости больше не было. Замешанная на поте и крови, глина утрамбовалась, тая в себе осколки черепков и костей. На холм вела крутая лестница, были сухие растения, вроде воткнутых в землю веников. Они шуршали. И огромные звезды висели в низком южном небе.

Первый тост был за погибших в землетрясении.

И Глебик вспомнил, как он без проволочек получил паспорт в отделе. Паспортистки улыбались. Оставшиеся в живых после землетрясения, поспешили убраться подальше из этого города. А этот молодой, холостой сибирячок решил тут обосноваться. Может, женится на дочери, сестре или соседке. Увеличит население.

Все в этом городе спешили приветствовать друг друга. И негласный закон - не на что? Пей на мои, пусть мы незнакомы!

- Меня официантки любят! - хвастал Дурдышка. И тут же приобнял одну, могучую, засовывая ей за корсаж десятку. И она улыбалась.

Взяли ящик пива, и Дурдышка срывал с бутылок металлические пробки зубами. И - словно теркой по позвоночнику водили. Так было жаль Дурдышкиных зубов. А тот отмахнулся:

- Мне зубы беречь резона нет!

Ну ясно, Блатяк. Они все такие.

А по отвесной лестнице на холм поднимались все новые люди. Все столики были заняты. Где-то стучал бубен, и пели горскую песню.

Шашлычная гарь струилась по ветру и щекотала ноздри. И так уважительно беседовали тут люди, что было жаль чего-то. Того ли, что Сибирь теперь скована морозами, и там не посидишь вот так огромной семьей под темной чашей неба с крупными звездами?

И было неудобство. Не было туалета. И негде было укрыться, росшие здесь сухие растения не могли служить ширмой. Глебик томился. Дурдышка встал:

- Отлить не мешает...

Глебик пошел за ним. Встали просто у края Горки, и Дурдышка, как бы подтверждая свою поэтическую квалификацию, заявил:

- Лучше нет красоты, чем поссать с высоты!

Вечные растения были плохой ширмой, Глебик застенялся: за столиками были, правда, в основном мужчины, но совсем неподалеку сидели и две женщины, русские, разумеется, ни одна туркменка не могла и помыслить о том, чтобы рассестись в таком заведении, да еще и с бокалом пива в руке.

Глебик стеснялся, а в ухо ему задышало нечто большое и жаркое, он обернулся, и увидел Гену Карамора, старого, обрюзгшего, толстого. И рядом с Глебиковой пустил струю, словно пожарный шланг, но прохудившийся и не имеющий должного напора.

- Маринку сгубил и по ресторонам кайфуешь! - прохрипел зловредный Карамор. - Нет, чтоб девченку с собой позвать.

Объясняться с пьяным Карамором не хотелось.

Глебик поспешил привести в порядок одежду, ибо увидел направлявшегося к ним милиционера.

- Не трись! - успокоил Дурдышка, - писателей не берут. У нас вообще пьяных не берут, если они не дерутся. Свалится, будут перешагивать.

Милиционер же взял Глебика под руку:

- Проидемте, гражданин!

Вот тебе и не берут! Не успел испугаться, узнал Вальку Кончикова. Форма ему шла. Валька рассказал, что тоже остался в Ашхабаде. Милиция сразу ему лычку сержантскую навесила, и рекомендовала на юрфак. Теперь и оклад хороший, и общага есть.

- Хочешь, за тебя похлопочу? - спросил Валька.

Глебик от милицейской карьеры отказался. Здоровья нет. Ему надо профессию полегче.

- Зря! Романтика! - весело сказал Валька.

Глебик внимательно осмотрел. Худощавый, но жилистый, среднего роста. Лицо, как у парубков с иллюстраций к украинским повестям Гоголя. Чернобровый. И в тоже время не очень приметный. Южнорусский типаж.

- Айда, Валька, за наш стол! - пригласил Глебик. - выпить хочешь? Мужики попались денежные.

Валька оглянулся и сказал Глебику на ухо:

- Не до пива. При исполнении. Тут наших переодетых полно. Стрельба может быть. Так, что сматывайся отсюда вместе с мужиками. Я не шучу!

- А кого ловите?

Этого я тебе не скажу. А то, что здесь сейчас быть опасно - факт!..

Через полчаса Глебик прощался возле вокзала с Дурдышкой. Лицом он был туркмен, но повадки у него были совсем не туркменские. Он швырнул портфель в открытое окно купейного вагона и крикнул:

- Эй, проводник! Двух с автоматами - к моему порфелю!

Дурдышка не прикладывал руку к груди, а циркал слюной сквозь зубы. И в разговоре часто вставлял матерные слова. И курил папиросу уголком рта, не касаясь руками. И резал ребром ладони по горлу, мол, гад буду!

На поезд Дурдышка заскочил на ходу.

Поезд прогрохотал мимо вокзала и скрылся в просторах ночной пустыни, Глебик спросил:

- Где он так по-русски научился?

Курбашка сказал:

- В детдоме, где же еще? Младенцем был, когда родители померли. Трахома и туберкулез. Из старых времен. Сейчас-то - нет. А тогда - было. Ему ведь уже полста, он только такой мальчиком смотрится...Его русские воспитали. У него чахотка. Он тебе дает пиво, допей. Обратил?

Ты допьешь, и сам чехоткам станешь. Ему радость, да? Он мне дает, он и тебе сегодня давал, Обратил? А говорит хорошо. Я тоже чистый говорю. Но он бывший детдом. Он тебе, может, в кружку плюнул.

Глебик вспомнил, что-то вроде того. Но это же по-дружески. Да чего там! Кому что суждено. Был у Глебика гнойный плеврит. Заросло, как на собаке. А с кем только не ел он из одного котелка? Давно помереть надо! А Дурдышка почти друг. В законе, наверное. Или вроде того.

Глебик вновь вернулся в зоопарк поздно, и на ватных ногах. Трудоустройство странно затягивалось.

На другой день, встал пораньше сделал пробежку по укромной аллее зоопарка. За серпентариями и обезьянниками. Под кронами ореховых деревьев. В серпентариях равнодушно лежали змеи, им не нужно было устраиваться ни на культурную работу, ни на какую другую. Они, может, даже и не ели никогда. Сколько раз Глебик на них смотрел: лежат, как обрубки веревок. И всё.

10. БОЙ НА ХОЛМАХ

Зима, не зима. Летели со странных деревьев костяные пропеллеры. Не листья, не соцветия, а черт те что. Как бы поскорее заучить названия всех ашхабадских кустарников и деревьев? Усвоил название одного дерева - гледичия. То есть, гляди - чья. Есть еще - иудино дерево. Всякие чудные названия. Надо будет в блокнотик записывать. Но это - полдела, надо еще научиться их отличать. А как всё запомнить, если весь город, как бесконечный сад?

Говорят, в царские времена, казачий генерал Комаров, став комендантом города, наложил на бумагу линейку, провел ровные линии: так и строить! Так и строили, ровными рядами. Каждому застройщику приказано было высадить возле дома два десятка саженцев и во дворе - столько же. Сколько саженцев не прижилось, столько ударов нагайкой получал домовладелец. Казачья сотня порола нерадивых хозяев до тех пор, пока город не был озеленен.

А после знаменитые садоводы высаживали тут южные экзотические растения, разбивали громадные парки. И летом улицы казались зелеными тоннелями. Да и зимой здесь листва не облетала. Не было листопада!

К новому году с гор привезли высокую тую. Она стала главной елкой на площади имени Карла Маркса. Но у туи не было игл, её лапы были словно вырезаны из зеленого картона. Да и аромата хвойного не было.

Глебик все же понюхал елкозаменитель. Сибирью не пахло.

К Глебикуну подошел горбоносый матрос, на его бескозырке светились золотые буквы: "К а с п и й".

- Топай за мной! - хрипло приказал матрос. Хватка была железная, вырвать локоть не удалось. - Тебя женщина ждет за углом - пояснил матрос.

За углом замаскировалась в кустах "Победа". Дверца открылась, кто-то дернул Глебика в машину, а матрос помог коленом в зад!

Глебик рванулся, что толку. Словно в клещи попал. За рулем сидел другой матрос. Машина рванулась вперед. В шею Глебика уперся ствол пистолета.

- Ладно, Сашка! - сказал, управлявший машиной. - Он и так никуда не денется.

Глебик вздрогнул. Голос был знакомый.

- Ну, я это, Гасов! Не ожидал? Видишь, в моряка оборотился. Последний парад наступает! Обложили меня. С того кладбища еле ушел. Отстреливаться пришлось. Теперь мне в городе уже и места нет, везде стерегут. Вот я тебя недели три назад видел в ресторане Горка с Валькой

Кончиковым. Под руку ты с ним ходил. А Валька легашом заделался. Да! Теперь тебе быть со мной до конца, иначе ты меня легашам сдашь.

- Не сдам! - поспешил заверить Глебик.

-Ну, чего мы будем базарить! Ты теперь в моем отряде будешь. Мне бойцов не хватает. Лишь один подчиненный - Санька Цымбас. Теперь тебя включаю в список. У меня уже три автомата, три полных диска патронов и четыре гранаты. Мне теперь терять нечего. На туркменском кладбище за Кешами⁹ теперь прячусь. Но чувствую, что скоро найдут. Куда деваться тогда? В пустыне не скроешься. Один выход прорываться через границу. Вот втроем и прорвемся через пограничный Кешинский пост, сегодня ночью. Забросаем гранатами. Шлагбаум - к черту и помчим по шоссе. А там, - на холмы, граница рядом. Уйдем...

"Новый год!"- подумалось Глебику, - Фантастика. Это тебе не Кай и Герда, не разбойница и северный олень. Не снежная королева. Это гораздо хуже. И Цымбас-то, откуда тут взялся? Впрочем, чего удивительного. На зиму вся шантрапа в южные края отправляется. И как это я его сразу не узнал? Ну да! Усы и бескозырка. И вообще даже предположить не мог, что он тут встретится в Ашхабаде. И ведь как-то они друг друга с Васькой нашли? Впрочем, и это не удивительно: свой свояка видит издали. У Сашки на руке черная перчатка наколота, а это лучше визитной карточки. Блатяки сразу видят, кто перед ними. Это, как знаки различия у военных..."

- Васька отпусти! - попросил он Гасова, - у меня мама Матрена сильно больная в Караганде. Да ведь я всегда плохо стрелял из автомата. Какой вам от меня прок?

- Если мама Матрена заболела, так чего же ты не в Караганде? Чего тут болтаешься? Ты мой солдат. Стреляешь плохо, так в рукопашную пойдешь, шлагбаум будешь открывать. Чего же я один воевать должен что ли? Друг ты или нет, в конце концов? Да ты не грусти, мы в Иране политическое убежище попросим. А то в американское посольство пойдём. Как сыр в масле будешь кататься!

-Чего не в Караганде? Хотелось пораньше из части выйти. Вот и записался в ашхабадцы. А теперь вот решил тут пожить немного, подзаработать. А может, и мать сюда привезу потом, если тут останусь.

Глебик молчал. Глупо загинуть, ничего не сделав, толком даже не пожив на этой земле. Черт бы взял этого Гасова и вместе с Цымбасом и с его черной перчаткой. Холодный ствол - прямо в висок.

-Ты на спуск не нажми нечаянно! - сказал он Цымбасу, - дали тебе дуру,¹⁰ ты и обрадовался!

"Победа" резко свернула. На туркменском кладбище в зарослях джиды была ложбина. Остановили машину. Васька склонился над одной из могил, вытащил за ремни автоматы. Подал один Глебику:

-Диск потом дам, когда к посту подъезжать будем. Сейчас посидим тут тихо. До трех часов ночи. Тогда и двинем с богом, как говорится.

-Да ты не хмурься, Глебыч! Мы там, в Иране, политическое убежище попросим. Тебя же эти гады мучили, сажали за правду! Вот и меня тоже сажали. И Цымбас сидел. Молодые мы, а уже измученные. За бугром поживем! Там политических хорошо встречают.

" Встретят! Пограничники пулями!"- подумалось Глебику. Он сказал:

- Тут в зоопарке Карамор живет. Он коронку льву на зуб сделал. Мировой такой мужик. Он до войны еще в Иран слинял. Так рассказывал, что чужих там не привечают. Да и где чужаков любят? Он там за горсточку риса по двенадцать часов в день вкалывал. Ходил в рядне. Били. Он границу обратно перешел, срок получил, только бы вернуться на родину.

А еще пограничник один рассказывал. У нас аул, и за контрольной полосой иранский аул. У нас тракторами поле пашут, у них - деревянной сохой. Ночью у нас море электросвета, а у них - темнота полная.

- Ну, сука! - сказал Цымбас. - Агитатор. Я с тебя сейчас гавно выпущу!

- Не тронь ты его! -приказал Гасов, -не тронь. Он мой кореш, он заблуждается. Иран - что? Мы в американское посольство пойдём. Нас, может, в Америку отправят! А там, знаешь, вина цистерна каждому выдается и голых баб - табун. Поживем! А то, что мы здесь, кроме пшенной каши, видели? Мучают всех партийцы, сами только и жрут. Вот отца твоего в тридцать седьмом забирали, потом тебя самого. А там - свобода.

- Скоро уже и три часа. Давайте выпьем на дорожку...

Васька достал бутылку водки, распечатал её одним хлопком, привычно прильнул к горлышку, побулькал, передал Глебiku. Тот сделал пару больших глотков, отдал бутылку Цымбасу.

Глебик понимал, что лучше бы промолчать. Но дух противоречия, Полемический азарт!

- Да, в тридцать седьмом лажанулись, 11 факт! В прошлом страшные перекосы были. А если посмотреть в корень? Каждый может учиться. Вот я одного бывшего детдомовца, туркмена, встретил, ни отца, ни матери, а писателем стал. Кончиков, черт деревенский, на юрфак поступает... Туркмены здешние до революции от трахомы и чахотки вымирали. А теперь-то посмотри, какие больницы да институты?

- Я сейчас агитатора паршивого попишу! - прохрипел Цымбас. - Сделаю!

- Пусть брешет, язык без костей, - миролюбиво сказал Васька. - Теперь он все равно будет с нами, обратного хода нет.

Глебика трясло. Цымбасы-мымбасы! Лезут в его жизнь! Собственное бессилие приводило в бешенство. Это как пожар. Вспыхивает весь мозг. Это что-то от предков, от неведомого кавказского прадедушки, и от деда казака, которого только и видел, что на фотокарточке.

- Васька! Стреляй меня здесь! На месте! Я в Иран не пойду. Я драться буду. Машину вести не дам! Или отпустите, или убейте!

Цымбас достал нож. Глебик подумал: может, лучше согласиться? Гасов перехватил руку Цымбаса:

- Стой! Убивать не будем! Он мой кореш. Мы его строго накажем. И пусть живет в стране Советов. Пусть советуется. Мы его сейчас с туркменкой переспать заставим. Её сегодня только похоронили. Как живая...

Дальнейшее было где-то как бы в ином мире. Яма, Гасов, Цымбас, Глебик. Его прикручивают веревкой к холодному телу в туркменской девичьей одежде. Причем скотина Цымбас, спустил басурманские шальвары, задрал платье. С Глебика сдернул брюки и кальсоны и реготал при этом.

Страх? Нет! Ненависть к Цымбасу. Васька-то просто с ума сошел. От безнадеги полной. А этого Цымбаса Глебик убил бы, если бы представился случай. Без сожаления.

Его прикрутили плотно. Спихнули весь этот "сверток" в яму. Зафырчал мотор. Уехали.

Сердце бешено колотилось. Не от страха. От радости. Туркменка. Мертвая. Ну и что? Благодаря неё он живой остался. Пусть смеются, мерзавцы! А он рад!

В нем всегда жило страшное возмущение. Как так? Родиться, жить и затем стать ничем, падалью, гнилью, ужасом, смрадом. Чтобы потом исчезнуть совсем. И никто не избежит этого, ни умный, ни дурак. Не успокаивали рассуждения знакомых мыслителей, дескать, вечная жизнь надоела бы, сам бы с собой покончил. Надоела бы? Это еще надо проверить. Почему же - надоела бы она? Да действительно ли эти демагоги верят в это? Или просто утешают себя? Дайте прожить сто тысяч лет, а там посмотрим. Если надоест, скажу. А так, что это за жизнь, если знаешь, что в конце тебя ждет неременная смерть, словно тебя кто-то приговорил к высшей мере? Да за что же, в конце концов!

А эти-то дураки прикрутили его к смерти. Попугать. Он выкрутится... А если бы с собой взяли, то там уж не выкрутился бы. Спасибо тебе девочка! Ну, холодная. Ну и что? Приторный запах. А косы пахнут кислым верблюжьим молоком. Оно волосу придает свежесть и шелковистость. Туркменки пользуются.

Глебик пробовал двигать плечами, ногами. Плотно. Постарались, гады! Ага! Кажется, с одной стороны веревочная петля чуть ослабла. Вот, руку высвободил. Осколок бы стекла какого! Нет ничего. Камешки только попадают.

Не было страха. Даже противно не было. Жизнь и смерть они всегда на земле рядом. Они всегда... Он молод, здоров. Он отряхнется, как сказке добрый молодец. Он выйдет, как из парного молока. А жизнь так прекрасна! Какие глупцы! Зачем лишать себя раньше времени? Зачем других лишать?

Он высвободился из пут. Поправил на туркменке одежды. Придать ей сидячую позу? Так тут делают при похоронах?

А ладно! Какая разница? Ухватился за край ямы, подтянулся, вылез. С новым годом, с новым счастьем!

Ашхабад светил последними огнями. Были слышны удары далеких бубнов. Где Гасов? В Иране?

Спустился с холма. На улицах и в проулках встречались шумные компании. Молодежь не могла угомониться. Слышались туркменские, русские, армянские, азербайджанские слова.

Глебик улыбнулся, вздохнул полной грудью. Уже светало.

Возле гостиницы встретился ему Валька Кончиков. Веселый:

- Как новый год встретил? Здорово поддал?

- Пару пузырей врезал! - соврал Глебик.

- Оно и заметно, ноги заплетаются. А я вот трезвый! Но сейчас сменюсь и уж тогда наверстаю. Всё! Теперь тебе можно сказать. Гасова выслеживали. Месяц - сплошные дополнительные дежурства.

- И выследили?

Сегодня на Кешинский пост напал. С корешем одним. По шоссе рванули в сторону границы, затем машину бросили и по холмам побежали к перевалу, чтобы в Иран уйти.

-И что?

- А что может быть-то! Окружили их. Отстреливались. Ну, кольцо сжалось. Полковник кричит: "Гасов, сдавайтесь!" А тот в ответ крикнул, мол, русские не сдаются. Да и пустил себе пулю в висок!

-А второй?

- Второго взяли.

- Ладно, я домой пойду, устал чего-то. С новым годом, Валька!

- С новым годом! В милицию не надумал идти?

- Нет, пока думаю. Потом результат скажу. Ну. Всего!

11. БУХГАЛЬСИН

Вода в арыках весной светлеет, сады одеваются зеленью и цветом, а на холмах предгорья появляются громадные алые маки. Девочки туркменки напевают нежные песни, собирая эту мимолетную красоту.

Они сами похожи на эти алые маки, платья их чаще всего красных оттенков, длинные, как бы цветут на фоне первой свежей зеленой травы. Из-под платьев выглядывают шальвары, но не широкие, как у прочих азиаток. У туркменок шальвары внизу плотно охватывают лодыжки и украшены ковровым орнаментом. Это не случайно. Одежда приспособлена к местности. В пустыне в таких шальварах удобнее.

Под гортанные непонятные песни прошагал Глебик к редакции "Туркменского Ленинца". Его все-таки приняли в редакцию. Приняли с испытательным сроком. Теперь всё зависело от его стараний.

И секретарь редакции Юлечка, вся в кудряшках, загадочно худая и миндалевидноглазая, глядя высокомерно-снисходительно тиснула печать на командировочное удостоверение.

И Глебик почувствовал себя Колумбом, Писарро и Кортесом одновременно. Заглянул в кабинет к Баскому, спросил:

- Чего писать-то про колхоз? Я в южном колхозе отродясь не был.

- Что хочешь, пиши, но с комсомольским уклоном, - посоветовал Баской.

- А тема?

- Сосчитай баранов! - загадочно сказал Баской.

В редакции был велосипед общего пользования, поэтому он не имел звонка, насоса, и сиденья. Колеса имели склонность вилять и вихляться.

Глебик выехал пораньше, но уже чувствовалось дыхание пустыни, истома земли, не успевшей остыть за ночь.

Солнце выкатилось огромным шаром вероломно и внезапно. И стало печь спину. Пыль летела из-под колес обгонявших Глебика грузовиков. Протрусил старичок на ишаке. И что-то сказал Глебику по-туркменски, но что?

Впереди на огромном глинистом бугре росло единое кривобокое дерево. Солнце. Пот застилал глаза.

И лопнули сразу обе шины. Были они уже сто раз заштопаны-заклеены. Велосипед стал ненужной обузой, тяжестью, которую приходилось волочить. Не бросать же? Казенное имущество.

Сердце колотилось уже где-то в горле. Глебик изнемогал. Словно в доменной печи сидишь! Жаркое чрево Азии, золотисто-кипящее, как узбекский суп с утиными потрохами. Странная медлительная жизнь шелковичного червя в коконе.

Впереди закудрявилась растительность. Ау, аул! Уа, аул!

Арык. Струйки воркуют, стекая в водоем, над которым склонились призрачные ветлы. И нигде ни души. Глебик скинул брюки. Пнул велосипед и полез в арык. Вода перекатывалась через него, щекотала живот и грудь. Откуда-то с горы катилась живительная струя. Ау! Уа! Глебик уже хотел соскользнуть из арыка в водоем. Но - замер.

С другой стороны водоема долетел смех. Стайка туркменочек лет по тринадцать от роду. Скинули платья-балахоны, скрывавшие их фигурки. Скинули и длинные шальвары. Нагие, совершенно. Они ведь никаких плавок не носят. Глебик чувствовал, как розовое тепло его тела со струями родника скатывается в бассейн, плывет к этим солнечным запретным телам. Да, в таком возрасте их и выдают.

А если, кто сейчас увидит, что он ворует взглядом запретную красоту? Ну, как завизжат? Прибегут старики... Нет, надо - от греха подальше. Это не в городе. Тут нет дяденьки милиционера. Самосуд.

Глебик вылез на берег, торопливо за кустиком совал ноги в штанины. Уф! Опять тащить проклятый велосипед. Даже не искупался, как следует. Жарко. Пожелтело всё в глазах.

Глебик открыл глаза и увидел, что на него смотрит ушастый ишачок. Глебик один, ишачок один. Встреча!

Ишачок имел на спине деревянное седло без седока. Это было чревато приключением. Глебик бросил велосипед, вскочил в седло и сразу же убедился, что несоразмерная ишачья голова вовсе не пуста! Ишачок с надсадным криком поскакал напрямик к шалашу, из которого тотчас высунулась огромная папаха. Под ней Глебик разглядел сросшиеся брови, угольные глаза.

Из шалаша выпростался восточный великан, в красном халате. Аккуратно выщипанные борода и усы обрамляли широкое и суровое лицо.

- Извините, ага!¹² - сказал Глебик, - мой велосипед сломался.

- Хэй! При чем тут мой ишак, скажите? - густым басом возгласил великан, - беря за узду ишака, и привязывая его к дереву.

- Извините, я нечаянно!

- Кто вы, беспутный путник?

Глебик отметил, что туркмен неплохо говорит по-русски. Даже каламбурит. Протянул ишаковладельцу редакционное удостоверение.

Туркмен прочел его и воскликнул:

- Вам страшно повезло, уважаемый. Я есть Лидыр, Хизир, Хидыр -наделенный бессмертием. Помогаю заблудившимся и страдающим в пути.

При встрече со мной распускаются цветы и наливаются злаки, а у человека - появляется шестой палец на руке.

- Сан, болун, минедар!¹³ - расшаркался Глебик, - шестой палец мне ни к чему, я не пианист. Но, судя по каламбурам, вы интеллектуюал. Кто же вы?

- В шалаше и во дворце -туркмен прежде всего поит гостя чаем. Восславим аллаха и украсим наш маленький достархан!

Внутри шалаша на тонком паласе лежали большие и малые подушки, и был там расписной чайник, с цветочком в носике.

Великан вытянул цветок из носика чайника, и пристроил себе за ухо. Налил золотисто-зеленого чая и предложил мутноватые комки сахара.

- Набат! -сказал великан, - это сахар - по-нашему, девочек так часто называют. Акнабат, стало быть, белый сахар. Хотя туркменки-то разве бывают белые? Да и сахар-набат у нас не очень сладкий. Пробуйте!

Глебик засунул за щеку комок сахара. Он рассыпался во рту длинными леденцовыми кристаллами.

- Я вижу, что вы прибыли из России и живете у нас не очень давно.

- Как вы угадали?

- По загару. Кто проживет у нас лет пять, десять, тот смуглеет.

Мужчина покрутил ручки миниатюрного радиоприемника, нашел туркменскую мелодию, увеличил громкость и, выйдя из шалаша, пристроил приемничек на ветке карагача.

- Женщины из аула в поле пошли. Для них стараюсь! Не у всех радио есть, да и некогда слушать. Пусть хоть в поле послушают.

- Вы работник культуры? - пытался угадать Глебик.

- Я - пастух. Мой посох - калам, 14 мои бараны - дестаны, месневи. 15

- Вы - поэт? Как я сразу не догадался. Но ведь поэты на ослах ездили лишь в древности.

- Ишачка мне выдал башлык, 16 как только я приехал сюда в командировку.

- Я известный поэт, мое имя Курбан Керимнепес. Может, слышали?

Глебик с огорчением покачал головой

- Вы недавно живете в Туркмении. Старожилы все знают меня. Председатель дал мне шалаш, да еще - ишака, если я захочу поехать вокруг аула. Мне каждое утро привозят свежую коурму 17, холодное кислое молоко. Меня снабжают еще хлебом и заваркой. Дали ведерный бочонок вина. Но разве можно пить вино, если не с кем чокнуться? Председатель запрещает колхозникам ходить сюда. Говорит, не отвлекайте поэта, а то он не сможет создать поэму про наш любимый колхоз. Но вот - вы! Вас мне сам аллах послал!

- Мне нельзя, я при исполнении, - испуганно сказал Глебик, - и это ведь моя самая первая командировка. Извините, но не могу, ни грамма.

- Первая командировка, тогда всё понятно! - сказал Керим Курбаннепес. - Тогда идите в контору, она вон там, за теми карагачами, длинное, как поезд, глинобитное здание. Идите, справляйте свои дела, но не забудьте, что вас ожидает в шалаше одинокий отшельник, дервиш, поэт, со своим бедным ишаком.

- Я не забуду, что вы! Я давно хотел встретить хоть одного настоящего поэта. Я ведь пробую писать стихи. Вы член союза писателей?

- Вы еще спрашиваете! - сердясь, сказал Керим Курбаннепес, - я не просто член, а очень большой член, может самый большой член во всем Туркменистане. И я вас жду. Не забудьте зайти!

- Обязательно, - сказал Глебик, - а как же? Ведь я оставляю возле вашего шалаша свой велосипед.

- Вы считаете, что мы с ишаком должны охранять эти ваши две "восьмерки" и кучу ржавых гаек? - хмыкнул Керим.

Глебик не ответил, служебный долг подталкивал его в спину. Он бежал, отирая пот, и представлял себе, как ловко наводящими вопросами разговорит башлыка, заставит его выложить о колхозе всю подноготную. Эх, как будут хвалить потом в редакции Глебика. С первого раза во всем разобрался, и так интересно и по-деловому написал статью! Может, премию дадут? Или в должности повысят?

Вот и длинное глинобитное здание. Вывеска. Золотые буквы на красном фоне. А что написано, - поди, разбери. Эх! Знать бы язык!

- Это правление колхоза? - спросил Глебик у старухи, которая надела зачем-то красный полосатый халат рукавом на голову. Этот рукав свисал ей на спину. Глебик еще не знал, что халат так и скроен, чтобы рукав служил как бы головным убором. Вероятно, когда-то в древности какая-то туркменская модница в шутку надела рукав на голову. Всем так понравилось, что до сих пор носят.

Старуха не ответила на вопрос Глебика, а лишь испуганно прикрыла платком лицо до самых глаз. Глебик спросил о том же девчущку лет тринадцати. Может, он уже сегодня видел её, там, в бассейне. Девчущка прикрыла рот платком и шмыгнула за угол.

Глебик вошел в здание, увидел там человека, сидевшего за столом в папахе и с пиалой в руке.

- Это правление?

Человек сказал что-то не по-русски.

Глебик вышел в коридор. Но все другие двери были заперты, на стук никто не отзывался.

Глебик вышел на крыльцо и присел на ступеньку в полной растерянности. Он ожидал всего, чего угодно, но только не этого. Неужто придется звать Курбана Керимннепеса, чтобы на время стал переводчиком? Но ведь неудобно отвлекать известного поэта от творчества.

Побрел, сам не зная куда. Глинобитные мазанки и дома из кирпича-сырца были как бы вжаты в землю. Зачем-то мокнут кошмы в арыке. В одном дворе повешен глазницей на ветку белый сухой череп ишака. В двух или в трех дворах Глебик заметил стариков, стоявших коленями на маленьких ковриках. Намаз - понял он. Эгих - не спросишь.

Он прошел весь аул. Увидел парня в тени дерева на берегу арыка. Тот сталкивал хворостиной черепашку в арык, она упрямо выползала обратно. Они оба были упрямы. Глебик понаблюдал некоторое время за их борьбой и спросил о башлыке.

Парень вздохнул с сожалением. Его оторвали от дела. Парень последний раз столкнул черепашку в арык. Взял Глебика за руку, и повел к дому, который был на этой улице побольше других.

Парень отворил калитку, что-то крикнул по-туркменски.

- Здесь башлык живет? - спросил его Глебик

- Букгальсин! - пояснил парень.

И тотчас из глубины сада появился румяный толстяк, с маленькими, веселыми глазками. Глебик показал удостоверение. Это было так здорово - всем показывать красные корочки!

Букгальсин внимательно прочел удостоверение. И сказал:

- Счастлив видеть вас в моем доме, мой дом - ваш дом. Сейчас достархан делать будем, чай пить будем!

Он уважительно проводил Глебика к своему дому.

Уселись на коврах в большой прохладной комнате с затемненными окнами. Появились две женщины и, прикрывая рты концами платков, стали расставлять на ковре блюда и чашки со снедью.

Огромных размеров чайник пускал из носика пар. Только, что вынутые из круглой дворовой печки - тандыра, лепешки дышали жаром.

Глебик уже знал эти глиняные конусы с дырами наверху. Они встречались и в городских дворах. Такую печь протапливали хворостом. И, просунув руку в дыру, прилепывали тесто к горячей стенке внутри конуса. Глебик называл печи тамдырами, ведь там - дыры.

Вошел парень с тубетейкой на голове, в его руках были шампуры, на которых трещали и горели синим огнем куски баранины. Глебик был в сомнении. Потушить синее пламя, а уж потом грызть? Или жрать все вместе с огнем?

Толстяк Букгальсин извлек из прорези в халате бутылку водки и набулькал её в пиалы.

- Маленькое знакомство. Мурад Садыков.

- Мне парень сказал, что вас зовут Букгальсин.

- Не зовут, не зовут, это должность, я бухгалтер. Башлык поручил вас мне. Будьте моим дорогим гостем, многоуважаемый друг.

- А почему шашлык на шампуре горит?

- Специально поливали спиртом и поджигали, маленько развивать аппетит. Спецэффект получается. Я это в ресторане в Баку видел. Решил применять.

- А!

Бухгалтер-Букгальсин после пиалы водки показался совсем уж симпатичным мужиком. Но Глебик понимал, что служба прежде всего. Он вынул блокнот и карандаш. Букгальсин удивился:

- Нет, уважаемый! Какой такой баран-маран? Зачем писать? Зачем считать? Кушать будем, пить будем! Нет, нет. Нельзя считать-писать. Совсем нельзя. Национальный обычай. В первый день с гостем о делах не говорят.

Бухгалтер-Букгальсин опрокидывал в огромный рот содержимое пиалы, полоскал водкой зубы и затем проглатывал её всю одним глотком. И повторял Глебику:

- Отставать нельзя, караван уйдет. Пожалуйста, не отставайте уважаемый.

Пустые бутылки бухгалтер-Букгальсин выбрасывал в окно, а из прорези халата, словно из собственного живота, доставал все новые.

Всякие вкусности сами собой появлялись на ковре. Кто-то играл на дутаре и пел гортанные песни. Снова горели синим пламенем шашлыки. Снова Глебик отказывался пить, пытался делать записи в блокноте. И снова бухгалтер-Букгальсин настаивал на своем.

Что Глебик мог сделать? Национальный обычай.

Наутро Глебик мог вспомнить только отдельные картинки вчерашнего дня и вечера. Они шли куда-то с Букгальсином в обнимку. И Глебик нес подмышкой сухой череп ишака. Кажется, он хотел напугать поэта Курбана Керимнепеса. И, кажется, Букгальсин говорил, что поэта беспокоить строго запрещено. Потом Глебик вспомнил, что требовал у Букгальсина свой велосипед. Еще он ловил черепашку. Но не поймал? Ничего не помнил. А может, убил кого? Изнасиловал? Ограбил?

Где он? Что с ним? Горы подушек. Сухие ветлы шуршат возле окна. Попробовал поднять голову, она была свинцовой, привстал и тотчас свалился на подушки.

Из темноты выплыло улыбающееся широкое лицо Букгальсина:

- Глин глином шибает!

Букгальсин подал пиалу с водкой.

- Глин глином!

Казалось, что желудок наполнен тряпками с золой, а голова - мякиной. Азиатская водка особо била сивухой и гнилыми фруктами. Ах, зачем же еще-то пить? Глебик отталкивал эту гадость. Букгальсин просто влил ему её в рот. Желудок протестовал. Вырыгнуть? Но буквально через минуту в желудке стало теплее, удобнее. Тепло перебралось в голову и там произвело некоторое облегчающее действие.

Тотчас же пиала была снова наполнена, и из тьмы выплыл шампур с пылающим шашлыком.

Всё! Теперь за дело. Глебик стал искать в кармане блокнот. Не нашел.

Букгальсин сообщил, что и на второй день с гостем о делах не говорят, и продолжал свое восточное гостеприимство. Щека верблюда, кривое верблюжье ребро, похожее на обломок басмаческой сабли с бахромой из мяса. Берем руками, скоблим ножом. Самое сладкое мясо молодого верблюда-нера. Изысканнейшее кушанье.

Где-то стучал бубен и журчал арык. День прошел или два. Не понять. Туман. Ни блокнота, ни велосипеда. Ковры, подушки. Где сухой череп ишака?

Букгальсин принес переметные сумки-хурджины. Они были чем-то туго набиты.

- Маленький наш достарханчик уважаемому гостю! Три дня я мог наслаждаться беседой с вами. Самое мое великое желание всю жизнь вас угощать, и нет у меня больше желаний. Плохие люди, не понимают, что я занят с гостем. Говорят, давай - квартальный отчет.

- Вот ваш уважаемый велосипед. Наши джигиты в колхозной мастерской его починили. Садитесь на него, а я подам вам хурджины. 18

- Но я же материал для статьи не собрал, что я скажу в редакции?

- Вот материал. Наши джигиты подобрали данные за год, за квартал. Цифры, факты, фамилии. Возьмите, не потеряйте.

- Я так не могу!

- Вах-вах! Совсем, как маленький! - воскликнул Букгальсин. - разве вы первый, и разве вы последний? Таков местный обычай. Мы не можем позволять, чтобы большие люди утруждали себя! Зачем им считать наших баранов-джейранов, если у нас всё сосчитано? В этой моей бумаге - и центнеры, и гектары и привесы, и отвесы. И передовик-мередовик. Вернетесь домой, и пишите на здоровье.

Мурад Садыков знает, что говорит! Почему Мурад толстый? Он бухгалтер, и в его должность входит угощение важных гостей. Это дело трудное, но приятное. А теперь надо писать квартальный отчет, извините. Счастливого пути, да пошлет аллах вашей газете республиканскую премию. Приезжайте еще...

С этими словами Букгальсин подтолкнул велосипед. Глебик покатил по пыльной дороге, благо она шла под уклон. Глебик решил заехать на поле, где стоит шалаш большого члена Мурада Керимнепеса.

Курбана в шалаше не оказалось, его ишака тоже нигде не было видно. До города было далеко, жара томила. Похмельная голова потрескивала, как полено в жаркой печи.

Глебик сунул руку в хурджин. Вытащил, посмотрел. Знакомая ядовито-зеленая наклейка на бутылке. Застонал, отшвырнул бутылку, как гремучую змею, в кусты. Вскочил на велосипед, заработал ногами. Голова болела, в груди свистели кузнечики, пот заливал глаза...

11. ДЕВУШКА С ВЕСЛОМ

Глебик три ночи не спал, втискивая цифры, фамилии и факты с данной ему Букгальсином бумаги в обширный очерк о колхозе "Красный кетмень". 19В душной ночи нервно взреывал лев Африканыч. Кто-то шумел за стенкой у Кати.

Глебик взобрался на крышу землянки потный и вялый. Хотя бы намек был на освежающий ветерок. Было темно, и он записывал умные фразы на ощупь. Потом, днём разберет, расшифрует.

Увы, на крыше тоже было жарко. Глина обжигала. Глебик слез, открутил кран на торчавшей из земли трубе. Подставил голову под струю воды. Вошел в свою комнату, оставив дверь открытой. Лег, ногами внутрь комнаты, а головой - на порог.

Задремал, но уснуть не дали. Под полной луной неподалеку от крана просиял Катин зад. Она стояла на четвереньках, положив голову на свои сцепленные руки. Подобие чудовищного персика было обращено к Глебику спелой щелью. Он протер глаза, но не успел взглядеться, тотчас панораму загородил поджарый зад мужчины. Мужчина изогнулся, пристраиваясь.

И словно заработала машина, сопения и пота, тяжелых поршневых нагрузок и шумных выхлопов. И машина стала подвывать человеческим голосом и порывивать - звериным.

И Глебик невольно возбудился, и возмутился кощунственным несоответствием. Он весь в муках творчества. Он начал восхождение к Олимпу просвещенной, высокой жизни. А тут...

Ему надо обрести статус. Стать членом, как Керимнепес. Тогда, возможно, в отдаленном будущем, обзаведется семьей и квартирой...

На этом его фантазии о собственном жилье кончились. Все разбросано, где-то Караганда, и в ней - Мария-Модесса. Бабушка - в Щучинске. И родной Томск, где лишь дальние родственники. Кто приготовил ему жилье? Его удел на весь век - землянки. Надо вылезти, из земли, во что бы то ни стало - вылезти!..

Через два дня он принес в редакцию и сдал в отдел очерк, который назвал: "Песни Красной лопаты".

Заведующий отделом, русский уроженец Ашхабада Валентин Глыбин, сказал:

- Хоть тресни, пой песни! Посмотрим, посмотрим.

Еще через день он вернул очерк Глебику:

- Нет, старик, не вышло.

- Почему же? Я старался.

- Факты тебе бухгалтер Мурад Садыков подсунул? Вот! Он всем их дает. Получается, что в колхозе этом сплошные рекорды. Короче - ты не смог разобраться. Да и слова какие-то казенные. Ты плохих газетных статей начитался и пошел у них на поводу. А кто сказал, что в газету надо писать канцелярским языком?

"Паразит! Карьерист!" - мысленно ругнулся Глебик.

В приемной была годовая подшивка "Туркменского Ленинца". Он просмотрел её всю, выискивая и прочитывая статьи и корреспонденции Глыбина. Да. У этого заведующего о самых прозаических вещах написано увлекательно. Но как ему это удастся?

В горьком раздумье он вышел из редакции. Его догнали два туркмена. На них были пестрые рубашки, галстуки с обезьянами и пальмами, брюки-дудочки. У одного был навит кок, как у Грибоедова. Коковладелец уставился на Глебика. Потом что-то быстро сказал спутнику. Затем стилига с коком громко обратился к Глебику:

- На вас мой жилет!

Глебик покраснел:

- Ваш? Я не знаю. Не уверен.

- Марокканский жилет. Такой один в Ашхабаде и есть, папин подарок.

- Не знаю, не знаю! - мямлил Глебик. - жилет этот ему подарила Катя. У неё этот жилет оставил какой-то ночной клиент.

Было плохо. Столько народа и все уставились.

Подскочил милиционер крепко вцепился в руку Глебика. Стилягам сказал:

- Идем, свидетелями будете.

В милиции Глебик присел на скамью и закрыл лицо руками. Всё. Конец мечтам!

Но что-то произошло. Какое-то дуновение.

Открыл глаза. Валька Кончиков. Сослуживец бывший. Ура!

Он сказал Глебику и стилягам:

- Проидемте ко мне в кабинет!

Васька усадил всех на стулья, угостил всех папиросами. Самолично каждому огонек зажигалки поднес.

- Значит, вы незнакомы. Увидели на нем свой жилет? Ага! Даже и претензий не имеете? Ну, у нас иногда проявляют рвение. Я этого человека знаю. Вместе служили, А теперь он журналистом стал, а я - милиционером. Может, вы потеряли жилет, а он нашел?

Стиляга с коком согласно закивал:

- Именно так! Было жарко, я снял и повесил жилет в парке, на веточку. И забыл. Сами знаете, как бывает: пиво, шашлык, бильярд. Я предлагаю обмыть наше знакомство. А жилета мне не надо, раз я его потерял. Идемте в ресторан, угощаю.

- Я - при исполнении! - вздохнул Валька, - а вам-то сам бог велел. Идите, врежьте, чего там!

Глебик оживился. Только что катастрофа казалась неминуемой. Не надо отчаиваться.

Ресторан. Разместились за столиком. Стали знакомиться.

- Меня зовут Маркс Меляев, а это мой друг Энгельс Кадыров.

- Юмор, я понимаю, - улыбнулся Глебик. - Но у вас, видимо, есть настоящие имена?

- Маркс и Энгельс - и есть наши настоящие имена!

- Но как же? Такое совпадение? И вместе ходите?

- Мы из за близких имен и познакомились. Год назад в клубе ЖД проходил фестиваль людей с необычными именами.

Глебику новые знакомые понравились. Они в ресторане были, как рыба в воде.

- Ты, Глебик, вилку неправильно держишь, - говорил Маркс, - ты её держишь, как ложку. Ножик возьми в правую руку. Котлету сразу не разрезай на куски, а отрезай понемножку и ешь.

- Какая разница?

- Большая! Когда по кусочку отрезаешь, котлета дольше не остывает. Теоретически, конечно. Вообще-то она у тебя холодная давно, но правила надо соблюдать.

Официант принес маленькие счета, ловко перебрасывал костяшки. Ай-ай! Какая сумма!

Глебик шепнул Марксу о том, что у него нет денег. Маркс снисходительно улыбнулся:

- Мы с Энгельсом платим, мы же тебя пригласили.

Выпили сухого вина, направились в бильярдную. Маркс и Энгельс стали учить Глебика забивать шары. Кий у него то и дело скользил под шаром по сукну. Старик-маркер ругался:

- В бильярдную надо приходить, если умеешь. Сукно мне всё порвете!

Маркс пообещал ему двойную плату. Глебик поочередно проигрывал партии то Марксу, то Энгельсу. Когда играть надоело, Маркс сказал:

- Привыкай! В бильярдной платит проигравший!

- Сколько?

- Три червонца.

Господи! За полтора часа игры ему придется выложить почти половину месячного оклада. Если, конечно, он его когда-либо получит.

- Ты же знаешь, у меня с собой нет!

- Знаю! Я запишу твой долг вот здесь...

Маркс достал малюсенькую записную книжечку с золотым обрезом:

- Вообще-то джентльмены делают записи на крахмальных манжетах, но за неимением манжет...

Договорились встретиться на следующий вечер в шашлычной на древней улочке Хивли Бабаева. Глебик снял жилет и протянул Марксу. Но тот отказался его принять.

- Вы в зоопарке часом не ночевали? - не очень удачно спросил Глебик.

- Но я же не павиан, и не крокодил! - ответил Маркс, который вообще-то больше был похож на Геббельса. Такие же глаза навывкате, такие же оттопыренные губы, только Геббельс, наверное, не был таким загорелым.

Он ли забыл жилет у Кати? По его глазам это трудно было понять. Невозможно.

"Непростые ребята. Сразу видно, что из высшего общества," - думал Глебик. И радовался, что соприкасается с новой, мало известной ему породой людей. Да и такой дорогой жилет стал его собственностью. Марокканский! Это тоже приятно.

На другой день его вызвали к редактору газеты Татьяне Ивановне Бочаровой Редакторский стол был завален книгами, газетами и блокнотами. Календари, энциклопедические справочники. Татьяне лет тридцать, крупная, ширококостная, кандидат наук.

Неуч Глебик смотрел ей в рот. Возьмет, да уволит, задание завалил.

- Какой-то вы этакий! - Татьяна указала на закрученную штопором пластмассовую ручку.

- Я вовсе не такой! - не согласился Глебик, я - прямой.

- Прямой? Но почему вы в такой жилетке щеголяете? Что же это такое, Глебик, миленький? Вы же работник комсомольской газеты, а вырядились, как дореволюционный половой из трактира. Ну, еще цыгане иногда так одеваются.

- Это марокканский жилет! - не без гордости заявил Глебик.

- Марокканский? Вы подумайте! - глаза её смеялись. Потом посерьезнели.

Видите ли, Глеб! На нас смотрят всё городские райкомы и цека комсомола. Вам же тоже в цека придется ходить, вызывать будут. И на пленумах будете присутствовать, как пресса. Не ходить же туда в таком виде?

Говорят, вы живете в каком-то гадюшнике, в зоопарке. Среди темных личностей. Вы не думаете о том, что это компрометирует газету? А вы ведь еще ничего в этой газете сделать не успели.

Глебик сидел спокойно, но внутри мысли неслись галопом, размахивали шашками, готовые рубить налево, и направо. "Дура! Сидишь, сытая, здоровая. Член цека! Членша. И квартира у тебя хорошая. Жрешь ты, что хочешь, и сколько хочешь. Видно родители живые, здоровые, начальнички. Выучили тебя. И ездешь на легковой машине, Сама водишь! И одеваешься во все дорогое. И серьги вон какие навесила, комсомолка! А мне, где взять хороший костюм? Я еще пятака в твоей газете не получил. И занять не у кого. И жить мне, кроме зоопарка нигде!"

Бочарова, видно, о чем-то все же догадывалась, но полностью Глебика понять, конечно, не могла. Для этого бы ей понадобилось его жизнь прожить. И что ей - Глебик. Для неё редакция - ступенька на пути к высотам власти. Глебик - так, букашка на её пути, она эту букашку может сшибить одним щелчком, раздавить.

Я выпишу вам аванс, - сказала Бочарова, - купите пиджак, что ли. Светло-серый, недорогой. И рубашку приличную. Когда жарко, можно приходиться без пиджака, но в приличной рубашке. Дома можете ходить хоть в халате, но на работу надо являться хорошо одетым. Жить будете у Баского. Он снимает довольно большую комнату на окраине города, недалеко от ретранслятора.

Ну, и держитесь солиднее. Худой вы какой-то, вихлястый. И если еще в колхоз поедете, не поддавайтесь всяким там бухгалтерам. Советую записаться на курсы туркменского языка.

Да! Будете жить с Баским, так не запейте вместе с ним, а удерживайте его. Журналист он хороший, вам у него можно многому научиться. Но если вы с ним начнете пить, то мы сразу с вами расстанемся...

За городом, в предгорье, среди садов и виноградников торчала железная вышка. Ретранслятор. Тут и была окраинная улица Ямбашская, сплошь состоявшая из небольших деревянных домиков, крытых шифером и железом.

В домиках жили отчаянные русские люди, переселившиеся сюда после землетрясения из разных городов и весей. Больше всего их переехало сюда из астраханских и казахских степей. Привлекли их бесплатные ссуды на строительство, которые давались здесь после землетрясения 1948 года. Так власти заманивали в опустевший и разрушенный город новых жителей.

Можно было легко и быстро получить участок под строительство. При этом бесплатно давали и кирпич, и тес. Улица и застроилась моментально. Теперь участков больше не выделяли, а

стройматериал давали только за деньги и по безбожным ценам. И жители Ямбашской радовались, что они так ловко устроились, и вырвали у судьбы свой большой и сладкий кусок.

В выходной день состоялось великое переселение бывшего ефрейтора из зоопарка в частную усадьбу. Всё имущество его состояло из фанерного чемоданчика, в котором лежали конспекты, тетради, бритва, помазок, и зубная щетка.

Баской познакомил Глебика с хозяевами усадьбы. Дед с бабкой Савеловы, у которых был пятнадцатилетний сын Петька.

Дед Пахомыч служил сторожем при ретрансляторе, бабка Пелагея вела домашнее хозяйство.

Название "Ямбашская" вообще-то могло быть переведено на русский язык почти матерщинно. Но улица была очень хорошая. Сразу за нею начинались густые парки того самого военного госпиталя, в котором Глебик когда-то оставил гнойную жидкость из своего легкого. Дышалось здесь легко.

Во дворе Савеловых, как, впрочем, и во всех соседних дворах, стояла рядом с краном большая мраморная ванна. Тут, неподалеку, до землетрясения была водолечебница. Здание её было разрушено, а уцелевшие ванны растащили по дворам предприимчивые новоселы.

И в каждом дворе торчала из земли водопроводная труба с запорным вентилем. Баской покрутил кран, и зеленая вода стремительно стала наполнять огромную ванну.

Ванна стояла в тени карагачей и зарослей джиды и абрикоса. Вымывшись под краном, Баской и Глебик залезли в ванну. Она была такой большой, что в нее можно было поместить и еще двоих таких товарищей.

Отдыхая от жара, и поочередно с Баским глотая коньяк из горлышка бутылки, Глебик думал о словах редактора. Она ведь наказывала: ни в коем случае не пить с Баским! Наказывала. Но тут особый случай - новоселье.

Оказалось, что в ванне пить приятно. И закусывали полужелеными абрикосами, Это тоже приятно. Они тут растут по всей улице, в диком состоянии. Ничьи. Их даже не рвет никто. У каждого свои есть во дворе, более крупные. Абрикосы кислят, после водки - самое то. За неимением огурцов, сойдет.

Только допили все содержимое бутылки. В усадьбе возник Валька Глыбин. Он нес сверток. В нём оказалась, конечно же, водка. "Я ж Бочаровой слово дал!" - расстроено подумал Глебик. - Мне ли пить, гулять? Я уже задолжал Анне Петровне, Кате, Марксу и Энгельсу. Теперь вот Баскому задолжаю. От Анны Петровны ушел, а кто тебя кормить теперь будет, - подумал? Тут тебе не предложат украденное у львов и тигров мясо первой категории, и павлиньих яиц не отварят. А вернуться к Анне Петровне уже нельзя, обижена. Да надо ведь и честь знать! Да и нельзя мне там жить, редактор же русским языком сказала.

- Раздевайся, и к нам - в ванну! - пригласил Валентина Глыбина Баской. - Спасаться от жары. Уйдешь в воду с головой, охладишься, вынырнешь - стопку примешь.

- Я здесь родился, и не слишком от жары страдаю. Адаптация. Так что лучше вы из ванны вылезайте, да, посидим за столом по-человечески.

В виноградной аллее - грубо сколоченный стол. Полили вокруг него из шланга. Уселись.

У Глыбина лоб с огромной выпуклостью, как щит такой спереди. Глаза серые, большие, скулы широкие. Такой, крепко сбитый крепыш. Невольно разговор о Глебике пошел. Как ему в редакции удержаться?

Глыбин сказал:

- Что ты все на свою необразованность валишь? А я - что? Профессор кислых щей, что ли? Я, к примеру, спортсмен. Футболист. За первую лигу в "Строителе" играл. Как туда попал? Да просто. Служил в пограничниках, играл в армейской команде. Тренеры были мировые, научили. Полузащитник я, тяжеловес. Демобилизовался и в "Строитель" пригласили. И сейчас бы играл, да ногу покалечил.

- Так вы же нормально ходите! - воскликнул Глебик.

Ходить - одно, в футбол играть - совсем другое. Там, знаешь, какие нагрузки приходится выдерживать? За одну игру сотню километров набегаешь. Да ведь и борьба, напряжение всех нервных клеток.

У могучего Глыбина потекли слезы, чуть ли не фонтаном хлынули. Глебик глазам не верил.

И не выкай мне больше! - сказал ему Глыбин. - чего чиниться? Я всего на два года тебя старше. Заведующий? Ну и что же?

Так вот. Когда я ушел из спорта, комсомол рекомендовал меня в молодежную газету. Спортивную жизнь республики освещать. Я и освещал. Теперь в сельхозотдел кинули. Тема трудная, ты сам убедился. Меня спасает то, что язык местный знаю, с детства говорю. Обычаи знаю, все знаю.

Глебик рассказал о встрече с Курбаном Керимнепесом, о Бухгальсине, национальном обычае, черепе ишака, обнаженных смуглых феях, и о сломавшемся редакционном велосипеде. Закручинился, и высказал предположение о том, что Бочарова его обязательно выгонит, у него нет абсолютно никаких способностей.

Слушай! - воскликнул Валентин Глыбин. - как же нет способностей?! Ты же только что великолепно рассказал о своей поездке в колхоз. Это же - этнографический и социальный срез! Это же - образные картины!

Да, но это можно - за рюмкой водки, а в газету такое не примут.

Но кто тебе сказал, что в газету нужно толкать псевдонаучный бред и канцелярщину с цифирью? Кто сказал? Тем более - в молодежную газету. Ты обо всем пиши, словно доброму другу рассказываешь. Вот как сейчас нам с Баским рассказал.

Баской сказал:

- Б-брось! У него школы нет. Есть в литературе, в журналистике ленинградская школа, московская... У него - н-никакой! В журналистике я представляю л-ленинградскую школу. Я с ним поделюсь. Тем более местность тут, как в стихотворении Блока!

Баской, пошатываясь, встал, глотнул горячего воздуха, встряхнул головой и с подвыванием прочел стихотворение Блока.

Глыбин сказал:

- Что там Блок. У меня есть стихи про улицу Ямбашскую. Тут недалеко твой однокашник Сашка Калинин живет. Ему посвящается. Вот, слушайте:

Городская окраина, глушь, зелено,
Три столба по проулку пустому,
Здесь с женою живет парикмахер Ваню,
Обладатель уютного дома.
Вновь жилец за квартиру аванс не принес,
Пара книжек, вот все его вещи.
С подозреньем глядит парикмахер, а пес,
Вслед жильцу зубы скалит зловеще.
Ах, хозяин! Собака твоя не права,
Понапрасну хозяин, не сетуй,
Будет жить на квартире не год и не два
Журналист комсомольской газеты.

Принесенная Глыбиным поллитровка вмиг опустела. В дикой жаре такой можно было одуреть и без вина. Если привязать к дубине подушку, да дать по башке, то именно такой будет результат.

Баского сморило, он уснул, положив голову на садовый стол. Сладко. Со слюжкой. Глыбин пытался будить, но и открывая глаза Баской ничего не видел.

- Вторая стадия! - сказал Глыбин. Пропитанность пор. Пару рюмок - на старые дрожжи и - готов. Айда в парк! Чего тут киснуть? Ты ведь города не знаешь, колорита. А ведь он есть! Есть!

- Духота - сказал Глебик, - свинец в голове.

- От недопивания, - серьезно сказал Глыбин. - Со мной тоже было. Потом я свою дозу поймал, и держу теперь. И мне бывает хорошо, когда в дозу врубаюсь.

Глебик не имел еще кепки или шляпы. Не на что купить. А солдатскую пилотку выцветшую носить ведь не станешь.

- А ты иди в тени! - поучал Глыбин. Вот надо перейти дорогу, выходишь из под деревьев прямо на солнышко. Спасенья нет! А ты соображай. Вот тень от столба. Тоненькая, что с неё? А ты

прицелься так, чтобы голова была в тени столба, выбери позицию перемещения. Вот ты уже и на другой стороне дороги, опять в тени деревьев. Твоя макушка лишь на несколько секунд осталась без тени, Ты избежал солнечного удара. Ну а лучше купи белую кепку-аэродром, как армяне носят. И совсем хорошо носить туркменский белый тельпек. Это огромная шапка, между прочим, очень легонькая. Длинные завитки шерсти, свисающие на лоб, создают эффект завихрения воздуха, Вентиляция, понимаешь? Белоснежная шерсть к тому же отражает солнечные лучи. Никогда у пастуха в пустыне не будет солнечного удара. А ведь в песках на солнце сейчас такая жара, что зарой в бархан куриные яйца, через минуту сварятся вкрутую. Я сам это испытал.

Они зашли в магазин, и Глебик с ужасом увидел, что Глыбин опять покупает водку.

Я водку больше пить не буду, - сказал он вполголоса, - не подумай, что я слабак, но ведь жарко. Пивка бы...

Пиво? Ослиная моча! В чайхану пойдем, в зеленом чае витамин такой особенный, человек в любую жару - бодренький, хорошенький. Будем пить так: полпиалы - водки, полпиалы - чая.

Зашли в чайхану. Только прилавков с огромными самоварами и чайниками прятался под тентом. Столики стояли под открытым небом, среди деревьев. В Ашхабаде почти не бывает ни дождя, ни снега, потому и многие чайханы, шашлычные чебуречные размещаются просто на улицах и площадях.

Глыбин пошел к прилавку взял два огромных цветастых чайника и пару пиал.

- Закусить бы чем? - вздохнул Глебик.

- Зачем? Чаем запивать милое дело.

Разлил водку по пиалам, бутылку поставил возле ножки стола. "Что я делаю?" - думал Глебик, давась водкой.

Запили чаем. При этом Глыбин сказал, что чай плохой: и сорт дерьмовый, и заварки мало кладут.

- Настоящий зеленый чай, это - золото с пузырьками.

К ним подошел чайханщик и укоризненно покачал головой:

- Зачем нарушаешь, дорогой? Меня с работы уволят, зачем в чайхане водку пьют? Футболист- знаем, "Строитель"- знаем, уважаем очень, но просим не нарушать.

Глыбин ничего ему не ответил, сидел, расслабленный, мечтательный. На коричневатом лбу ни капли пота. Он был в своем городе, в своей привычной стихии. А вот Глебик исходил потом, опьянение его не было радостным, как у Глыбина, оно было мучительным.

Глебик проследил за взглядом бывшего футболиста. По аллеям шли девушки, одежда которых состояла из блистающих противосолнцевых очков и паутинок нежных расцветок. Грудь, плечи бедра - все было до предела обнажено. Но и то, что якобы прикрывалось паутиными тканями, на самом деле откровенно проглядывало и просвечивало. Можно было при желании рассмотреть самые потаенные подробности.

У девиц было оправдание столь легкомысленных одеяний - жара!

Валька Глыбин ухмыльнулся и сказал:

- Недавно суд был. Один страстный южный подросток, вот тут, напротив оперного театра, шел за такой вот выразительной девицей. Та идёт- попкой восьмерки пишет. Ну, этот, шел, шел, смотрел, смотрел, не выдержал, взревел. Кинулся к ней со своей стальной пикой. Свалил прямо на тротуаре. Суд. Родственники выступали, Один сказал: "Граждане судьи, тут бы и святой не выдержал". Судьи были тоже южане. Оправдали. Общественное порицание вынесли. Ах, держи меня, а то я сейчас сам кинусь!

Да, это была картина! Позлащенные и просвеченные солнцем юные тела, такие близкие и вроде бы такие доступные! И зачем они ходят вот так? Разве не понимают, что это соблазн? Дикое томление. Отчаянное желание преступить, совершить безумство?

И почти все так ходят. Кроме, разумеется, туркменок. У тех летние платья легкие, но не прозрачные, и покрой такой, что фигура едва угадывается. Но и те увлекают: узорчатыми серебряными щитами на груди, звякающими широкими браслетами, великолепными подвесками, изумительными косами. У девушек они спускаются на грудь, а у женщин - на спину.

- Идем! Прошвырнемся! - пригласил Глыбин. - Ты только пиалы чайханщику отнеси, у тебя мелочь есть? Давай! У меня вот тоже немного мелочи есть. Сейчас часть мелочи в одну пиалу

поместим, а часть - в другую. Ты отнеси ему, да так, чтобы он сам взял пиалы, и мелочь эту увидел, это очень важно. Понял?

- Так ты же, когда у него чай брал, заплатил! Я сам видел.

- Неважно, что заплатил, ты ему в пиалах мелочь покажи. Национальный обычай.

Глебик послушно взял пиалы, достал из кармана несколько медяков, оставив все же там несколько монет на случай. Высыпал в пиалы медь, и понес. Подошел к чайханщику, тот был занят: кидал в чайники щепотью заварку, лил туда кипяток.

- Вот! - сказал Глебик, - пиалы вам, в них мелочь, взгляните!

Что тут стало с толстяком чайханщиком!

Его лицо побагровело, потом позеленело, потом посинело, глаза готовы были выскочить из орбит:

- Ты... Ты! - Он стал что-то кричать, вздымая руки к небу, потом схватил Глебика за ворот рубахи, и принялся трясти, как грушу. При этом ревел, как бык. Он кричал что-то, обращаясь к богу и посетителям чайханы.

Глебик ничего не понимал. Мало дали мелочи? Глебик стал шарить в кармане:

- Если мало, я еще мелочи добавлю только немного, кажется, копеек пятнадцать еще найду.

Чайханщик перешел на визг. Не отпуская Глебика, он схватил другой цветастый чайник и разбил его о прилавок.

В чайхане разом поднялся такой гвалт, что Глебик понял, что он виноват в чем-то, но в чем? Что он сделал, чего они все орут?

В чайхане спорили. Но кричали в основном по-туркменски. Потом вдруг завязалась драка. Кто-то швырнул в толпу самовар с кипятком. Кто-то надел чайханщику на голову большую пиалу, словно тубетейку. Трещали халаты. Старики поминали аллаха.

Валентин Глыбин подхватил Глебика под руку:

- Айда отсюда.

За ними увязался необычайно смуглый человек неизвестной национальности:

- Мен Ахмеда хороши знает, Ахмед чайчи 20хороши. Нильзя такая! Сапсем неправильный!

- Отвяжись! - прикрикнул на него Валентин Глыбин, - мой друг все сделал правильно. Эту чайхану давно закрыть надо. А твоему Ахмеду в тюрьме место.

- Твоя уртак 21 сапсем раньше не был в чайхане. Откуда знать?

- Зато я в этой чайхане был сто раз и всегда чай жидкий. Он спитый чай в заварку добавляет, жулик! И катись, а то по шее схлопочешь.

Неизвестный заступник чайханщика отстал.

- В чем дело-то? - спросил Глебик. - Чего они взбеленились, после того, как я ему мелочь в пиалах подал? Из-за этого такой переполох с мордобитием? Ничего не пойму. Ну, негигиенично это - монеты в пиалах, сам понимаю, но, в конце концов, пиалы можно ведь и ополоснуть.

Глыбин довольно рассмеялся:

- Мы ему чайхану закрыли. Опозорили навеки. Ему теперь - хоть в петлю лезь.

- Почему?

- А просто всё. Национальный обычай. Если кто-то кладет мелочь в пиалу, это значит, что обвиняет чайханщика в скупости, в мелочности, жульничестве. Значит, у этого чайханщика чай жидкий и невкусный, и он людей обманывает и обсчитывает.

Это сильнее, чем приговор суда. Слух о нечестности духанщика мгновенно облетит весь город. Завтра в этой чайхане почти не будет народа. У чайханщика не будет выручки, и он уволится, и уедет в другой город.

- Так ведь драка получилась. Те, что за чайханщика были, в газету напишут, в райком пойдут. Может, он вообще член партии с 1920-го года, или профсоюзный активист. Вот его и оставят на месте.

- Может, и член, может, и оставят, но ходить сюда никто не будет.

- Жестокий ты человек.

Просто исполняю местные обычаи.

Они пошли проулками, закоулками, в тупичках рдели огромные южные розы и мальвы. Все цвело и источало ароматы. Солнце скатывалось за горизонт, и город словно, вздыхал с

облегчением, все больше людей появлялось на улицах. Все льнули к фонтанам. В тенистых парках тянулся дымок мангалов, и пахло шашлыком.

Небо - неправдоподобной голубизны и яркости.

На утоптанной глинистой площадке мальчишки гоняли мяч. Он откатился под ноги Глыбину. Тот подставил ногу, мяч свечей взмыл вверх и опустился прямехонько ему на лоб. Как-то так вышло, что мяч метался возле Глыбина, стучаясь о землю, о лоб. Иногда мяч оказывался за спиной у футболиста, и он как-то успевал его там поддеть ногой.

Мальчишки заворуженно следили за этими финтами. Глебик теперь понял: нет, это не выпуклым щитом выпирает лоб Глыбина над серыми глазами, а частью футбола!

Глыбин остановил мяч ногой и сказал Глебику:

- А ну, пни!

Глебик целил в самодельные ворота. Удар! Мяч отскочил в сторону и завертелся на месте.

Да ты не носком его бей, а внешней стороной ступни. Ногу надо отвести назад, чтобы удар был мощнее. - Ну! С размаха!..

Глебик постарался. Мяч описал кривую дугу, перелетев через высокий забор, и тотчас послышался звон разбитого стекла. Залаяли собаки, послышалась трель милицейского свистка.

- Бежим! - крикнул Глыбин, - в партийном жильё в окно попал! Поймают, мало не будет!

Они перелезали через какие-то глинобитные дувалы и через заборы из кружевных решеток. Глебик разорвал новые штаны, и сердце готово было вылететь из горла.

Очутились в железнодорожном парке. Глыбин сказал, что надо взять еще бутылку. Отпраздновать свое счастливое избавление от неприятностей.

-А что там за партийное жильё?

- За тем длинным дувалом стоят особняки работников ЦК и Совета Министров. У них на проходной день и ночь милиция дежурит. А ты им мячом в окно. Ловко ты! Пушечный удар. Тебя бы в футбол, цены бы тебе не было.

- Я больше водку пить не могу. Я завтра не встану.

-Ладно, возьмем на вокзале ящик пива. И вернемся сюда, здесь народу меньше, чем в центральном парке, Тут такие дебри есть, что я те дам!

Вскоре они вернулись с ящиком пива, нашли укромную беседку.

Дальнейшее Глебик вспоминал потом смутно. Он помнил, что они пытались разбить пустыми бутылками все светильники, какие только были поблизости. Но бутылки до светильников почему-то не долетали, а разбивались о фонарные столбы.

Он помнил, что плакал, потому что не смог выдержать характер, снова напился, хотя и зарекался это делать.

Он помнил еще, что Глыбин, дабы развеселить его, захотел снять гипсовые трусы со статуи девушки с веслом. Трусы не снимались, а "девушка" огрела Глыбина веслом, так, что у него хлынула кровь из носа и один глаз заплыл синяком.

Глебик, было, кинулся Глыбину на помощь, но получил удар веслом по затылку. После этого Глебик перестал рыдать, и совсем упал духом. Он просто лежал на жесткой, пыльной траве и смотрел в небо.

Глыбин влез на решетчатую ограду и долго писал на заносчивую девушку-спортсменку, державшую в руке драчливое весло. Глыбинская струя была мощной, пенилась, как жигулевское пиво.

Потом Глыбин разговаривал с милиционером по-туркменски. Он объяснял. Девушка стоит с веслом, ей надо плыть, а нигде - ни озера, ни ручейка, несправедливо.

Еще Глыбин объяснял, что девушка эта нехорошая. Харам.22 В парке ходят люди. Зачем им смотреть на эту бесстыдницу, шеголяющую в одних трусах? За то, что он немножко пописал на эту грязную осквернительницу обычаев, ему надо еще даже орден дать. Не надо его вести в милицию, ведь он в недавнем прошлом был полузащитником вашхабадском "Строителе".

Какой из аргументов подействовал на туркмена-милиционера - неизвестно. Но он их не задержал.

Очнулся Глебик в усадьбе на Ямбашской. И ощутил себя лежащим в ванне, в полном одиночестве, под огромной луной. В кулаке у него почему-то оказалась зажата дамская сумочка. Откуда она взялась, после не смогли вспомнить ни Глебик, ни бывший футболист Глыбин.

Глебик обследовал содержимое сумочки. Там было сорок копеек, и в затуманенном мозгу тотчас всплыли две кружки пива. Судьба предусмотрительно приготовила опохмелку. Даже еще четыре копейки сдачи дадут. Но что делать с тюбиком помады? И с самой сумочкой?

Глебик дал понюхать тюбик хозяйскому псу, который гордо именовался Казбеком. Кобель понюхал помаду и слопал её, вместе с алюминиевым пенальчиком, по-собачьи улыбаясь. Глебик решил продолжить эксперимент и кинул Казбеку сумочку. Кобель и сумочку обнюхал, нашел её вполне съедобной. Он принялся её рвать и жевать, выплевывая железные кнопки. Вот так мы едим арбуз и выплевываем семечки.

12. У ЧЛЕНОВ

На улице Мопра № 2 небольшой деревянный домик прятался в тени вековых деревьев. В ограде всегда можно было найти желанную тень.

Под купами карагачей, гледичий, в зарослях роз курлыкал родничок. И казалось, что отшлифованные, с черными и белыми прожилками, камни дрожат на дне от озноба.

Почему - Мопр? Это никто не знал. Глебику вспоминалось, слова одного из воспитанников педагога Макаренко: "Член мопра, кандидат допра, и активный сотрудник центроспирта..." Вывески на воротах не было. Тропу к домику знали только посвященные.

Глебика впервые по этой тропе провел Глыбин. Глебик потел от волнения. Кто он такой, чтобы идти сюда? У Глыбина - много публикаций. Коллективные сборники. А ему-то что тут делать?

-Я не боюсь, но неловко как-то,- сказал Глебик.

-Тебе еще рады будут! - успокоил Глыбин.

-Кто и почему?

-Кто, кто! Трубской!

-Я с Трубским в газете "Туркменский Ленинец" поругался, из-за слова палисад.

- Да не с ним ты поругался, а с его младшим братом. Тот - Федя, а этот - Константин Иванович! Писатель. Он в молодежную газету не ходит. Вырос из коротких штанишек давно...

Глыбин вкратце описал историю Трубского. Вообще-то он был Трубкин. Окончил в Москве железнодорожное училище, распределился на станцию в далекий Туркменистан. Паровозы на просторах пустыни хрипели от обезвоженности и тоски. И вслед им высывали раздвоенные языки крокодилы пустыни - вараны.

Юный железнодорожник стал рабкором. На далекой станции он быстро отуркменился, понял быт, язык и уклад. В песках еще гремело эхо басмаческих шаек. Рабкора Трубкина заметили, перевели в в Ашхабад. Вскоре книжка вышла, о рабочей молодежи. Выступил и как переводчик. Стал Членом, и стал зваться Трубским. Брата младшего в Ашхабад сманил, в газету пристроил, и тот фамилию сменил. Старший Трубской - консультант, работает с русскоязычными молодыми авторами. А их в республике раз-два и обчелся.

- Вот ты считаешь ему свои стихи, он тебе что-нибудь посоветует. Писательские начальники увидят, что он не зря хлеб ест, отработывает зарплату. Идем, не бойся! - закончил свой рассказ Глыбин.

Они прошли по обширной веранде, даже деревья около неё и то казались особенными. А может, эти деревья и были таковыми, ведь, сколько им довелось слышать мудрых речей и стихотворных строк Вошли внутрь здания. В одной их комнат сидел за столом писатель Константин Трубской, в золотых очках, с золотыми зубами, а за спиной его, за стеклами шкафов поблескивали золотыми буквами книги, книги, книги.

В кармане белого кителя у литературного консультанта посверкивала прищепочка позолоченной авторучки. А на столе перед ним сияло, как зеркало, нечто бронзово-круглое, с никелированным стержнем в центре, похожее на большой волчок. Глебик не понял назначения этой вещи.

Рукопожатия. Глыбин по-хозяйски подвинул стулья себе и Глебику. Подавленный избытком золотых красок, блеском стекла книжных шкафов, Глебик сцепил перед собой руки

глухим замком, словно защититься хотел. Консультант предложил закурить "Беломора". Глебик нервно взял папиросину. Она показалась ему неслыханным шиком.

Консультант Трубской достал позолоченную зажигалку в виде обнаженной женщины, нажал на её пупок, "женщина" тотчас раздвинула ножки, и промеж них вспыхнул огонек. Трубской озорно подмигнул Глебику: прикуривай, дескать!

Глебик прикурил, розовея.

-Тангрыкули с фронта привез, - пояснил Константин Иванович, - у пленного фашиста отобрал. Ох, и охальники эти немцы! Я вообще-то этой зажигалкой не пользуюсь, у меня другая есть, попроще. Эту держу для добрых гостей.

-Ну, вот! - воскликнул Глыбин, - а Глеб сомневался, как встретят его тут. Публикаций у него мало. А его встречают, как дорогого гостя.

-А где были публикации? - спросил консультант щедро улыбаясь.

Глебик сказал, что печатался совсем мало, что это не имеет значения. Перечислил газеты.

- Ничего себе! - воскликнул Трубской. В газете "Фрунзевец" печатался! Выходит она в шести республиках, на шести языках! Огромным тиражом! Да вы же - известнейший поэт!

-Там мой очерк был! - пояснил Глебик.

- Так значит вы еще и известный всему востоку молодой прозаик! Великолепно!

Глебику невольно вспомнилась камера, глазок, пристегнутая к стене металлическая койка. Знал бы Трубской, каков был результат той давней уже публикации!

Глебика продолжал волновать золотисто-бронзовый волчок на столе Трубского. Ну что это может быть? Чернильница? Непохоже.

А Трубской положил окурочек на бронзовый кружок, нажал кнопку, ослепительная юла завертелась, разбрызгивая солнечные лучи, и проглотила окурочек. Он исчез бесследно!

Глебик решил проделать эксперимент со своим окурочком. Но в этот момент в дверном проеме возник высокий старик. Лицо его было величественно и ужасно. Будда, Сфинкс! Большие продолговатые глаза с зеленоватыми зрачками, глядели на Глебика не мигая. И Глебик чувствовал, что как бы ввинчивается в зеленую, мерцающую спираль, уносится в неведомое. Вот так - наверное чувствует себя мошка, помещенная в пробирку исследователя. Трубской привстал, обнажил золотые зубы:

- Берды-ага, кургунмы? 23Работаем с творческой молодежью, Берды-ага. Может быть, я вам нужен? Ребята подождут.

Глебик сморгнул. В проеме уже никого не было.

Окурочек в руках Глебика не оказалось, Как же так? Глебик сунул руку в карман брюк, окурочек лежал там спокойно. Очевидно, в какой-то момент Глебик машинально погасил его по армейской привычке о подошву ботинка, и из экономии сунул в карман.

- Кто это был? - спросил Глебик шепотом.

- Сам Бербабаев! - ответил вполголоса Трубской. - Как? Не слышали о нем? О! Его знает не только Туркменистан, его знает весь Советский Союз, его знают все страны востока...

Трубской встал, выглянул в окно:

- Уехал! Теперь и нам можно проветриться. Глебик еще Нисы не видел!

Через минуту на раскаленной улице они остановили шестиместный черный ЗИМ.

Это был шик! Шофер в бараньей папахе сказал Трубскому:

- В Багир?

- Угадал!

- Угадать нетрудно, Багир - земля шахиров.

Глебик был ошеломлен. Мощь этого авто потрясала.

- Как же! - сказал Глыбин, - сам товарищ Хрущев на таком ездит, только на бронированном.

Смуглый крепыш в папахе нажал клаксон и рванул с места так, что сила инерции вжала всех в мягкие спинки. Шуршали шины. И зеленые сады пронеслись стремительно, и небо отсвечивало зелено-голубым. Деревья кое-где смыкались над улицей, и такси скользило как бы в зеленом тоннеле. Папаховый шофер вдавил кнопку, и зазвучала задиристая нерусская музыка. Густыми шатрами стояли карагачи, нависали над дувалами гигантские платаны. Но все убегало куда-то, исчезало.

За городом дорога пошла по голой, как ладонь, равнине. Ни кустика, ни прутика. Лишь изредка вдалеке можно было различить верблюдов, в зарослях

Вы обещали про Бербабаева рассказать! - напомнил Трубскому Глебик.

- Это трудно. Это надо много дней подряд рассказывать, - сказал блаженно запрокидывая голову, Константин Иванович.

- У него зелень в глазах! - сказал Глебик.

- Зелень веков ислама. Каждый человек приходит в мир из прошлого. Он его может не помнить, но есть генетическая память. Ислам пестовали арабы в пустыне. Все зеленое - символ обновления жизни.

Берды Байрамович изучал арабский в медресе. До революции. Вот как давно. Он видел эмира бухарского и хивинского хана. Он разучивал суры, и ходил вечерами мимо древних куполов в улочку узкую, как щель. За высокий дувал, В секретную кибитку. Слушать бубен и смотреть танец живота медноглазой танцовщицы.

А потом он возвращался с другими послушниками в медресе. И ночная Бухара насилвала густо-синее небо фаллосоподобными минаретами. Вы не замечали на что похожи минареты?

Глебик думал: "Да. Действительно! Что за компания! Какие люди! Какие сравнения, слова? Надо и самому сказать как-нибудь эдакое..."

-Ваш Бербабаев в свои зрачки меня втянул, как в спираль.

-Да, пошумел старик, пошумел! - сказал Глыбин, и Глебик понял, что он цитирует Гайдара.

Трубской продолжал рассказ, понизив голос:

Он ведь с самых вершин падал в бездну. А теперь вот опять наверху!

И машина, словно рассекла два зеленых холма, и умчалась в странную жизнь, когда юный Берды был писарем у большого басмача. Ведь басма - это зеленый цвет, цвет возрождения, цвет аллаха.

Но в те давние годы в пустыню вонзились краснозвездные шлемы. Можно было рубить головы и скакать за кордон. Но Берды взял свой калам, и затерялся среди холмов и песков.

И объявился в Ашхабаде, и стал строителем нового. И написал первые книги, и вошел в правительство. Но пришло время, когда в далекой Москве задумались о национализме. Не о чем больше им думать было, что ли? И Берды увели в зиндан²⁴. Там его черный волос проредился сединками.

Но вот повернулось небесное колесо. Берды-Ага стал главным писателем. Он видел всё, и даже немножко больше, чем всё. Да продлит аллах его годы!

-А почему у него на груди маленький фотоаппарат висит?- спросил Глебик.

-Он говорит, что это его третий глаз, - пояснил Трубской, - и он никогда этот аппарат с груди не снимает, даже когда ложится спать.

-Значит он всех нас тайно сфотографировал? И мы в его руках?

- Не важно! Теперь у нас нет национализма, есть дружба народов. Раз ты тут жить остался, тебе надо изучить веру, обычаи, природу. Ты должен запечатлеться в объективе южного знойного неба!

Глыбин с Трубским заговорили об арабской поэзии. Редиф. Цезура. Шеснадцатисложная строчка месневи. Роскошь метафор, двойного касания. Строгие газели, рубаи об извечных законах бытия. Как выразить любовь в железных тисках газели?

Глаза у Глебика закрылись сами собой, и он увидел, как по зеленым холмам скачут алые газели, газели...

Шелест колес стих. Глебик почувствовал, что его трясут за плечо.

- Ну здоров дрыхнуть! Так проспишь и жизнь, и слезы, и любовь! - раздался голос Глыбина.

Папаховый шофер зарулил свой ЗИМ под развесистое дерево.

Солнце в зените, почти нет тени. Плавишься, как воск.

Глебик, протирая глаза, поплелся за Трубским и Глыбиным. Ледяной арык стремительно летел с горы и в нем резвились быстрые форели. В одном месте прямо над арыком стоял павильон, от которого тянуло шашлычным дымом.

Поднялись по лесенке в павильон. Здесь все было пронизано рокотом летящей воды и мириадами брызг. Вода шумно ходила под щелявым полом павильона. И дышалось легче.

За одним из столиков разместились два толстяка в белых рубашках и тюбетейках, и в туркменских штанах с огромной мотней и зауженными гачами. В таких штанах удобно присесть - не порвутся. Хорошо в таких штанах присесть в пустыне, разводя костерок.

Трубской и Глыбин принялись улыбаться, расшаркиваться и жать руки толстякам по-восточному, двумя руками.

- Эссалам алейкум!

- Яшули, салам!

-Тувелеме, чтоб не сглазить тебя!

Толстяк сочно, с оттяжкой, хлопал себя по ноге, восклицая:

- Ай, маладец!

Принесли дополнительные стулья, расселись. Духанщик распечатал зеленую среднеазиатскую водку, которая пахла гнилым компотом. Наступал мучительный для Глебика момент. Как в такую жару глотать одуряющую гадость? Его заранее наизнанку выворачивало. Хотелось просить пощады. Но водку уже разлили по пиалам, и Глыбин торжественно поднял свою пиалу, и сказал:

- Мы привезли молодого шахира в ваш благословенный Багир. Эта кремнистая земля помнит сандалии Искандера. Эти сады отражаются в самой чистой на свете воде. Этот воздух напоен медом жизни. Мы пройдем к древней Нисе. И покажем молодому историю земли. Пусть знает, что все мы пришли из прошлого! Выпьем за историю и поэзию.

-Выпьем!- сказали толстяки в тюбетейках и в штанах с широкими мотнями. - наши сады полны сладкому абрикосу, и персика валится тебе под ногой, так что можно оскользаться и падать. Пчелы не успевают брать меду, и само солнце у нас пахнет медой.

Пусть дышит молодой шахир нашему воздуху, пусть пишет дестану. Не таскай его на развалины Несы! Нет и еще одному раз нет! Лучше водка пей, шашлык ешь, дестан читай, не обижай, слушай!

- Обязательно поедим в Нес! - воскликнул азартный Глыбин.

- Родугуну забрал?- погрозил пальцем старший толстяк, - забрал, да? Ашхабад - падал, да?

-Ладно! Едем! Не обижайтесь, мужики! Нам обязательно надо Нису посмотреть. - Глыбин кинул на стол червонец. Толстяки и духанщик принялись жать Трубскому, Глыбину и Глебику руки, восклицая:

- Ай, маладец!

Все сели в раскалившийся ЗИМ, в нем было так душно, что глаза застило потом, Шофер нажал клаксон, испуганные козы рванули в стороны. Поднимая тучи белесой пыли, ЗИМ двинулся к развалинам древней крепости.

Трубской вытянул руку к грязновато-серым холмам:

- Вот здесь в третьем веке до нашей эры возникло Парфянское государство...

Водитель ЗИМа причалил свою машину к карагачу. Тени почти не было, ну, хотя бы - намек на неё!

Кратер, не кратер. Продолговатая чаша, полная обломков, пыли. Чаша, изрытая ходами, коридорами, уступами. Хаос. Трубской показал участок, где археологи отрыли тронный зал. Глебик изо всех сил таращил глаза, но никакого зала не видел. В чаше древней крепости среди нагромождений глины, камней, песка бродили чьи-то козы. Кое-где проглядывала трава. Нигде, ни души. Ни кустика, ни деревца.

Трубской удивился:

- Не видишь тронного зала? Странно, вон же пилястры проглядывают! Ну, конечно, надо взглядеться. А дыхание веков ощущаешь?

Глебик ощущал желание сходить по большому, но понимал, что здесь об этом даже думать неприлично. История! Но как же быть? Как же быть?

-Не видишь? - повторил Трубской. -Но здесь, именно на этом месте шумели базары, в термах были бассейны с голубой водой, курились благовония, и обнаженные красавицы лежали на мраморных ложах.

А знаешь почему Ахмед с Нури не хотели, чтобы мы сюда ехали? Есть такое поверье, что далекое наше прошлое мстит нам, если мы невежливо прикасаемся к нему. Не веришь? А ведь как раз перед войной с Германией ученые вскрыли гробницу Тамерлана. И на тебе - война! И вскоре

все, кто был в экспедиции, поумирали! Вот и здесь. За несколько дней до землетрясения ученые отрыли мраморную статую царевны Родогуны. Лицо её сурово, а волосы распущены. Вот. А сквозь века дошло, что дочь царя Митридата Первого, как раз мыла волосы, когда стало известно, что римляне напали на Парфию. И тогда Родогуна поклялась, что домоет волосы лишь после победы над римлянами.

Говорят, Родогуна сражалась в войсках. Вот откуда легенды об амазонках, обитавших в этих местах. Вот почему у девочек-туркменок украшения напоминают боевые доспехи. В праздники они носят подобие шлема с подвесками, нагрудное украшение - очень похожее на круглый щит, а широченные их браслеты - это же налокотники от рыцарских лат!

-Но если развалины приносят несчастье, нам лучше отсюда уйти! - сказал Глебик, думая о том, что его сейчас больше всего волновало.

- Нам ничто не грозит! - успокоил его Трубской, мы только смотрим, ни к чему не прикасаемся. Ученые, отрывшие Родагуну, действительно, разбудили беду. Не успели отвезти статую в Ашхабадский музей, как земля затряслась и разверзлась, и в трещины повалились дома, верблюды и люди! Кстати сказать, никто из участников той экспедиции не дожил до сегодняшнего дня. И меня никто не убедит, что это простое совпадение.

Глебику не терпелось поскорее покинуть историческую территорию, но, разгоряченные вином, Трубской и Глыбин пустились в исторические экскурсии. Цитировали древних поэтов и греческих, и арабских.

"Нет, никогда мне не стать таким ученым, как они, никогда! Это просто невозможно! У меня форма головы не позволит!" - думал Глебик.

Он потихоньку стал выбираться из развалин крепости. Спустился почти бегом по утоптанной тропе к садам Багира, кинулся в кусты и справил свою неотложную нужду.

Через какое-то время по той же тропе спустились Трубской и Глыбин.

Увидев Глебика, они искренне обрадовались:

-А мы думали ты провалился в прошлое! - воскликнул Глыбин, - был и - нет! Ты чего же сбежал?

-Не сбежал, - сказал Глебик, а так, что-то такое потянуло, как магнитом. Чувствую, что надо идти по тропе в сторону села, а зачем, почему - сам не знаю.

-Да, - подтвердил Трубской, - тут так бывает, аномалия какая-то.

- Верно, верно! - добавил Глыбин, я сам что-то странное всегда в этой крепости ощущаю. Идемте-ка в тот духанчик над арыком, да помянем царевну Родогуну.

Клаксон рывкнул, и машина понесла их по безлюдной дороге. И разговор всё шел о Парфии, о Родогуне. Да, сейчас Глебик увидит её воочию. Научный сотрудник. У него есть ключи. Он живет в землянке рядом со зданием музея. Для него везли две бутылки виноградного.

В ашхабадских окнах не было света, только в центральном парке горело несколько фонарей, там в чащобах слышались приглушенные вздохи, стоны и вскрики, шла непонятная ночная жизнь.

Подъехали к краеведческому музею. Возле решетчатой металлической ограды, Трубской, Глыбин и Глебик попрощались с водителем, причем Глыбин не торгуясь отдал ему аж три червонца! Глебик сунул в руку в один карман, в другой, пытаясь что-то нашарить. Тщетно.

Ай-я-яй! Какую суму проездили!

Кованые ворота были закрыты большим висячим замком.

- Должна же тут где-то быть лазейка? - размышлял Глыбин. Мы-то с Глебиком через эту ограду легко перелезем, но как быть с Константином Ивановичем?

Прошли вдоль ограды. Решетка была повсюду целой. Глыбин ухватился за два металлических прута и стал разжимать их!

-Уф! - выдохнул он, - силы совсем не стало. Но щель все же образовалась. Попробуйте, Константин Иванович, может, пролезете?

Трубской был высоким, но костлявым. Он как-то изогнулся, вильнув задом "просочился" на запретную территорию.

За зданием музея они нашли едва поднимавшееся над землей жилище. Попробовали открыть дверь, она была изнутри чем-то подперта. Принялись зубить по ней ногами.

За дверью раздалось мычание, потом в мычании прорезались всем известные общеупотребительные слова.

- Нездоров Павел Петрович, нездоров! - сказал Трубской.

Ничего! Раз пришли, не поворачивать же обратно? - сказал Глыбин, - к тому же у нас и лекарство с собой.

В сенях раздались удар, стон, потом сердито сказали:

- Какая курва ломится? Из-за вас сук ведро с ссаками опрокинул!

Наконец дверь открылась, и на пороге возникла темная фигура.

- Л-лампочку не мог нащупать в-вашу мать!

- Сейчас Павел Петрович, я её включу! - вызвался Глыбин и исчез в темноте землянки.

Через какое-то время лампочка осветила помещение.

Никогда прежде Глебик не видел ничего подобного. Вообще-то тут были предметы, которые ему приходилось встречать и в других ашхабадских землянках. Возле двери на подставке стояло ведро с водой, прикрытое почерневшей фанеркой, на которой вверх дном лежал металлический ковш, с множеством вмятин и зазубрин, словно его пытались сгрызть, да не смогли. Был и керогаз для готовки пищи, был динамик. Но никогда не видел он землянки, где бы все стены и простенки в землянке были заняты полками с книгами. Из книг была сооружена лежанка. Книги использовались в качестве стола, в качестве сидений, и даже служили подставкой для ведра с водой. И в большинстве своем это были книги дореволюционного издания на иностранных языках, в тяжелых дорогах переплетах.

-Павел Петрович! Мы хотели показать молодому поэту Родогуну.

- Пошли вы все на...

Он смотрел водянисто-голубыми глазами гневно и отчаянно. Его серые с проседью волосы торчали дыбом. Спал он в черных сатиновых трусах и в белой сорочке с щегольским галстуком, пиджак валялся на стопке книг.

- Вот интеллигент! - шепнул Глебику Глыбин, - ночью и то галстук не снимает.

- Поди, не смог снять по пьяни! - ответил шепотом Глебик.

Не скажи! - возразил Глыбин, - он это - из принципа! Я знаю!

- Интеллигент, а матерится!

Лицо Павла Петровича приняло яростное и несколько дикое выражение, он сложил пальцы шепотью и стал пребольно тыкать Глебика в бок, при этом он заговорил сначала на немецком, потом насколько Глебик мог разобраться, на французском, потом - на английском. Говорил бегло, и при этом все такал Глебика в бок, а иногда щипал. Потом схватил пустую бутылку с пола и намахнулся ею.

Глебик едва успел увернуться.

- Ну, я пошел, - сказал он возмущенно, - с меня хватит. Видно, Родогуна, принеся немало зла всему Ашхабаду, испортила и вашего ученого. Еще не хватало, чтоб от общения с ней огрубели и мы тоже.

- Погоди, не кипятись! - остановил его Глыбин, - это же профессор! Действительный член! Географических наук. Его лекции в Академии полгорода собирают.

- Ну, если перестанет щипаться, то, пожалуй, останусь.

- Он не будет! - заверил Глыбин, - Павел Петрович, извините, конечно, что мы поздно, но мы были в Багире и привезли совершенно изумительное вино из черного винограда. Мы знаем, что вы ценитель. Вот и побеспокоили.

В синей пасмурности глаз Тимьянцева проблеснул лучик. Он протянул руку и Глыбин вручил ему бутылку. Ученый сразу прильнул к её горлышку, как теленок к вымени. Он пил, вино проливалось на его белую рубаху и полосатый, в цвет носок, галстук, на голые волосатые колена, а он ничего не замечал. Он булькал, и булькал. Но вот у него перехватило дыхание, он выпустил горлышко бутылки изо рта:

- О-о! Кажется, начинаю приходить в себя. Я совсем стал швах. Разломило все кости. Жара эта. Снотворное принял, еле уснул, а тут вы... слышу ломится кто-то, да. Вы откуда так поздно?

- Говорю же, в Багире были, Нису смотрели, бухгалтера Хидыра навестили.

- А-а! Хидыра! Дстойнейший человек. Я раз у него две недели в гостях был. Какой-то дебош устроил, меня в Ашхабад в наручниках привезли. Но это он не по злу. Попросил участкового, тот меня и заковал. А в Ашхабад привез и наручники снял, иди, дескать. Так вот.

Бухгалтер Хидыр достойнейший человек. Я тогда у него фарфоровый сервиз разбил вдребезги. И оконную раму ногой высадил. Не обижается. Где пьют, там и бьют! Не правда ли?

- Всякое бывает, Павел Петрович! - снисходительно сказал Трубской, - уж мы-то вас понимаем.

Павел Петрович после выпитого вина преобразился, вихляться перестал, словно в него вставили отсутствовавший ранее стрежень. Он снял стопу тяжелых книг со своих серых брюк, которые утюжились под таким своеобразным прессом. Надев их, Павел Петрович, расправил стрелки, обул сияющие коричневые туфли. Затем он прыснул на себя из маленького пульверизатора одеколоном:

Он допил вино из бутылки, посмотрел на свет, убедившись, что на дне ничего не осталось, вздохнул:

- Ну что же, идемте к Родогуне.

Они вышли во двор, обогнули строение, ибо парадный ход был не просто закрыт, но даже и опечатан. Но была с противоположной стороны здания едва заметная небольшая дверь, которую Тимьянцев отпер длинным поржавевшим ключом. Дверь пугающе скрипнула в ночной тиши, и они прошли в залу, которую Тимьянцев освещал фонариком типа "Летучая мышь".

В неверном свете фонаря скалились чучела снежных барсов, делали знаменитую стойку кобры, изготовившиеся к смертельному броску. За стеклами витрин шевелились халаты и папахи, платья-кетени и платки, казалось они надеты на невидимок, которые сейчас начнут ругать неожиданных гостей.

От темных картин, от глаз погонщиков и верблюдов, выхваченных дрожащим лучом "Летучей мыши", становилось не по себе. И фонарь в руке Тимьянцева заунывно верещал, словно и в самом деле нетопырь из сказки.

Вполголоса, хрипловатым, но тем не менее доходчивым лекторским голосом Тимьянцев отчетливо излагал:

- Музеи, судари мои, есть скопище духов прошлого. Вы знаете, сколько загадочного и страшного происходит каждый год во всех музеях мира? Судари мои! Человек бросается с ножом на картину, изображающую, как отец убивает сына. Человек кромсает полотно. Другой с яростью обливает кислотой знаменитое полотно "Обнаженная маха". А вы знаете, как часто с ума люди только от одного созерцания картин? Никогда не узнаешь ведь, кто водил кистью художника!

В одном из музеев была картина с сатаной. И зрители этого зала то попадали в автокатострофы, то умирали от внезапных и скоротечных болезней. И эту картину поспешили продать. Новые её владельцы прожили недолго.

Прошлое не любит, когда с него срывают покровы. Вспомните историю Картера, который вскрыл заветную гробницу Тутанхамона и помер. Вспомните вскрытие 22 июня 1941 года гробницы Тамералана. К чему оно привело? Тот-то и есть! И вовсе не случайно исследователи старины и директора музеев вообще очень часто кончают свою жизнь трагически.

Также несут свою страшную эстафету многие проклятые вещи: кинжалы, драгоценные камни, разные другие древности. Прошлое мстит нам, когда мы ворошим его. Не прощает... Но вот и Родогуна.

Статуя в мерцании фонаря показалась воплощением ужаса. В углах клубился сумрак, за окнами неправдоподобно густо синела духота, где-то плакала птица.

Тимьянцев воодушевлялся, его голос креп:

- Терракотовые колонны храмов, овальные затемненные от солнца залы. Вода, сочащаяся по глиняным трубам в водосборные бассейны и в бани. Стены крепости с узкими щелями бойниц, из которых летели дротики и стрелы.

А в мирные дни в глинобитных двориках распускали хвосты индюки и павлины, лоза тянулась через стены двора, и горшечник крутил и крутил ногами свой круг. Бывали дни когда мир был виден, как сквозь занавесь, через пелену пыли. Тогда город замирал, чтобы вздохнуть облегченно с приходом дождя. Но и жару и во время пыльных бурь, стояли на глиняных башнях дозорные и смотрели вдаль. У них не было подзорных труб и они напрягали глаза и быстро слепли. Но на их место ставили других. Так было в дни, когда жила Родогуна

- А нам на Родогуну смотреть было бы лучше днем,- сказал Тимьянцев,- она днем не такая ведьма, как теперь. Вообще, лучше было бы выпить. У вас нет еще сосудика? Жаль. Вот амфора,

она сломана, а вино выпили в первом веке до нашей эры. Вообще-то от вечности едва, едва отпито. Всем хватит. Но глина - непрочный материал. От гордой столицы Парфии остались лишь пыль да ветер. Не зря же поэт сказал:

Зачем же ты надеешься на вечность,
Комочек глины, смоченный водою!

Поэт имел в виду человека. И глиняная крепость пала под бременем веков. Более счастливы народы, строившие свои замки из гранита! Каменные крепости кое-где сохранились до наших дней. А от этой Парфянской твердыни остались лишь черепки, статуя Родогуны, да эта амфора, вполне возможно, что пил из неё вот этот мужик!

Тимьянцев осветил фонарем витрину в которой на зеленом сукне лежали не очень-то круглые монеты древности.

- Знакомьтесь, царь Аршак!

- Царь Аршак, как Маршак! - привычно срифмовал Глыбин.

Глебик пытался получше рассмотреть царя - история! Царь был изображен в профиль, виден был лишь один его глаз, царь целился в кого-то из лука.

Как это не странно, когда-то действительно был такой царь. Воевал, охотился. И не думал о том, что через несколько веков будет его рассматривать, совсем не знатный молодой человек, прибывший из далекой России. И вовсе даже он не подозревал, что его будут сравнивать с каким-то там Маршаком.

"А Глыбин-то верно подметил" - подумалось Глебику, - "царь этот - вылитый Маршак. Такой же характерный подбородок, волос волнистый, зачесанный назад, и глаз навывкате".

Между тем, Тимьянцев уже почти не светил фонариком, и опять начал ругаться. Он приподнял стекло витрины, хотя никто его об этом не просил, и вдруг хрипло выкрикнул:

- Вот ваша древность! Берите деньги! Грызите! Пробуйте на зуб!

Глебик взял монету с Аршаком, лизнул. Чуть кисловата, отдавало веками, барахолкой, тревогой. Глебик осторожно положил монету обратно. Он почувствовал тяжесть в голове от этих всех старых вещей, которые обычную летнюю ашхабадскую духоту обращали уже в настоящую пытку. Его оскорбляла бесцеремонность Тимьянцева. Он потихоньку пошел к выходу.

- Он украл Аршака! - спер! Я нажимаю кнопку тревоги! Этой монете цены нет! Уголовник!

Глебик застыл. Происходило нечто непредвиденное, непонятное. Ясно было, что этот профессор не в себе.

И особенно было дико и обидно то, что Трубской вдруг сказал:

Глебик! Отдайте! Зачем вам? Её даже продать невозможно.

Глыбин молчал. Тимьянцев матерился.

Глебик понял: Глыбин наверняка рассказывал Трубскому о прошлом Глебика. О жильё в зоопарке, О прочем. От прошлого на машине не уедешь. Зло взяло.

И Глебик вдруг неожиданно для себя покрыл всех очень заковыристым, не трехэтажным, а гораздо выше этого - матом! Можно сказать, небоскребом матерщины.

Глебик пинком растворил дверь, махом перепрыгнул чрез решетку и зашагал по улице, и бесстрастная луна кидала ему под ноги фигурные тени ясеней, дубов, карагачей, гледичий.

Всё прекрасное, к чему он едва-едва приблизился, вмиг стало далеким и недосыгаемым. Да разве он приблизился? Нет он по-прежнему далек. Он шел и повторял:

- Старики, Аршаки, Маршаки, Ишаки! В три гроба, царя, попа, богатыря мать!

13. ТАНЦВЕРАНДА

В Сибири от лютых морозов можно укрыться в теплом доме, сидеть и слушать, как трещат в печи дрова. В Ашхабаде от дикой восьмимесячной жары нет нигде спасения. Душно и дома, и на улице. Даже листва на большинстве деревьев сворачивается, чтобы ожить ближе к зиме.

Пирамидальные тополя повернули свои листья к солнцу ребром, чтобы не обожгло. Они не дают тени.

В полдень солнце жарит так, что даже собаки ныряют в арыки, ища в воде минутного облегчения. Так ведь и вода накалена!

Лишь после захода солнца вздохнет огромное существо, именуемое городом. Среди деревьев всплывут матовые луны фонарей, выхватывая из полумрака фигуры молодых людей, спешащих к парку. Молодые тела облачены в шелк-паутинку. Девушка с белой розой в аспидных волосах, и другая - с черной розой в волосах белых, как туркменское солнце...

Фанерно-билетная будочка прикорнула у высоченной решетчатой ограды. Отсюда видно огромное округлое пространство с отшлифованными подошвами танцоров досками.

В раковине эстрады ударник неторопливо притушил сигарету о подошву щегольской сандалии, взял в руки палочки и... грянуло! "Авара я!" Индийская мелодия из фильма "Господин-420". "Бродяга я!". Да так дробно, так ритмично, ноги и руки сами дергаются. Аккордеон. Скрипка-альт. Рыдают и смеются. "Авара я!"

"Кто - я?" - думает Глебик, - "Бродяга и есть!" Тут многие так чувствуют. Все - разные. И армяне есть, и курды, и персы, и афганцы, и бог знает кто. Есть - в тюбетейках, в кефи, в шляпах, в беретах, есть простоволосые, а один - в барашковой шапочке-пирожке.

Во все ходы на танцплощадку с ревом хлынули людские волны, смели контролеров, милиционеров со свистками. Скорей! Дергать руками и ногами. "Авара я!" Индия! Родственно. В Ашхабаде есть люди чернее индусов. И жизнь похожа. И пища.

Где-то в толпе на танцплощадке мелькнули и исчезли Маркс и Энгельс. Стильные, в галстуках с пальмами. Несмотря на жару, обутые, в полуботинки, с толстенными подошвами из микропористого вещества. Такие обувки у стилиг зовутся кашей. Промелькнули бывший полузащитник "Строителя" Валентин Глыбин, и редакционный машинист Яков Беленький. Глебик и окликнуть их не успел, как они исчезли. Этих-то какой бес сюда занес? Женатиков? Почувствовать свободу, крутануть в вальсе незнакомочку, урвать от жизни еще один сладенький кусочек, незаконно, между прочим! Да кто женам донесет? Тут такое столпотворение! О! Вон Маринка Солодова, пострадавшая работница зоопарка. Одна рука у нее засохла, не действует. В этом виноват не только медведь, но, косвенно, и Глебик.

Поспешил спрятаться за публику, чтобы не увидела его, и чуть носом к носу не столкнулся с приемной дочерью Анны Петровны, хозяйки хищных зверей. Еще маневр, и он сумел разминуться с мужеподобной Катей. Клиентов тут подыскивает? Видимо, так. А вон и Карамор? Этому-то старому черту чего тут надо? Впрочем, холостяк. Тут встречаются женщины много старше среднего возраста. На что-то надеются еще. Ага! Вон и Тимьянцев. Трезвый, одет простенько, но прилично, что-то интресное и веселое рассказывает стайке девушек. Они его со вниманием слушают, смеются, всплескивают руками. Станный вообще-то тип!

Поброди тут еще, так немало знакомых встретишь. Да почти весь город здесь. Знакомые-то встречаются, да не с каждым хочется общаться. Точно! Вон Дюваль движется, обнаженные жирные тела кольшутся, как студень. Ой-ой-ой! Подальше от нее убежать. Еще пристанет с расспросами, на чай будет звать, пошла к бесу!

Вот он уже и в противоположном конце танцевальной площадки. Девушки - на скамейках. Какой букет! Да, поди, вынь цветочек, попробуй! Сразу окажется, что цветок этот уже принадлежит кому-то другому. И владелец тут же объявится. А вдруг это амбал, восточный борец и грузчик? Вай-вай, как говорится! Вах-вах-вах!

Подойти? К той? Которая - с белой розой в смоляных волосах? Ногой качает. И браслет - шириной в полруки. Подружке говорит:

- Я губы не подкрашиваю, я их зубками вот так пожамкаю, они и краснеют, будто малину ела...

И показала, как она это делает. Прикусывала алые губы белыми зубами. Глебик чуть не подпрыгнул: приглашу танцевать, будь, что будет!

И тотчас из толпы вывернулся Мишка Баской, в белой рубаше с серебряными запонками, в пестром галстуке, подскочил к этой, красивой, сделал ножкой. Голубые глаза его мутновато-шалые, весь он - из улыбки, одеколona "Шипра", и армянского коньяка.

Не пойдет? Пошла! Глебик закручинился - проморгал такую!

Танцплощадка-монстр, гигант. Столько сразу пар кружится, что не видно, где там Баской, где - кто. Вообще другого конца веранды не видно.

И что-то там возникло, на другом конце, неподалеку от входа. Завихрилось, загорланило. О! Баского бьют. Кто бьет-то? Гигант. На танцплощадку в маечке пришел, Как говорится, нет лучше одежды, чем бронза мускулов и кожи. Он еще и волосат ужасно. Горилла! Это у них от виноградно-гранатного сока, от абрикоса и горной воды. Рот, как пещера, глаз, как яблук, сядешь чай пить, носом лумон давишь!

Верзила этот бьет Баского! А та, красивая, стоит, щурится, довольна. Из- за нее бодаются. Баской изворачивается и ударяет носком ноги гориллу промеж ног. Великан зашелся от боли. Тут на Баского бросаются еще двое. И тоже амбалы, и тоже все обросшие шерстью, загорелые.

Баской вскакивает на скамью, отбиваясь от троих. Вот он подпрыгивает, вцепляется в решетку, ограждающую веранду. В какой-то момент Баской повис на правой руке и развернулся лицом к танцевальной площадке. Амбалы пытались ухватить его за ноги. Он подтянул колени к подбородку, и, стремительно, как сорвавшаяся внезапная пружина, ударил обеими ступнями волосатика в грудь.

На него нападали вновь, и вновь, и он продолжал отбиваться. Страшно! На что надеется? Кинуться на помощь?

Великаны рычали от ярости. Выбрать момент и стукнуть одного ногой сзади? Но это не футбол. Много ли прока будет от такого удара? Глебик пожалел, что никогда не занимался борьбой самбо, он, конечно, делал на турнике солнце, висел на носках ног. Но битва с амбалами - это что-то другое. Раздумывать больше было нельзя, есть же пословица: сам погибай, но товарища выручай.

И еще думалось: вот хрипит, рычит, роняет слюни ярости, бьется молодая живая плоть. Зачем? Почему? Ах, где вы лермонтовско-пушкинские балы? Где политес, шарканье ножкой, замысловатые кадрили и матрадуры? Впрочем, тогда были дуэли. благородно, то благородно, но если вдуматься, лучше уж просто драка из-за баб. В последнем случае больше шансов, что совсем не убьют.

- Пиздроны ушастые! - ревел Баской, - укатаю!

Прибежали милиционеры, одни вцепились в амбалов, другие потянули за ноги Баского. Его кое-как оторвали от решетки. Круг любопытствующих вопил и галдел. Баской вытащил из кармана рубашки алый прямоугольник. Милиционеры закивали, и отпустили Баского, а потом и амбалов, которые, втянув головы в плечи, поспешили скрыться в толпе.

Мишка скинул один ботинок, снял галстук и привязал к шнуркам ботинка, потом с этим орудием кинулся за амбалами. Одного успел осалить по спине, но потом потерял противников из вида. Закинул свою пращу за ограждение, снял второй ботинок, закинул в центр танцплощадки. И, гордый, в одних полосатых носочках, зашагал к выходу, за ограду, туда, где вопили шашлычники и мороженщики.

Глебик настиг Баского:

- Извини, не успел тебе помочь. Чего они вдруг от тебя отстали?

- Удостоверение им в зубы сунул. Прикрыл пальцем слово "редакция", они увидели только золотые буквы "ЦК". Айда, обмоем победу.

-Но как же ты в носках? И вообще, тебе уж хватит, а мне и вовсе не надо.

- Брось! В редакции работаешь, так учишься расслабляться после работы.

Из нутра голубенького киоска, как бы сама собой, в руку Баского впорхнула поллитровка. Нашли уединенную скамью. Баской одним хлопком откупорил бутылку, протянул Глебику:

-Тяни из горла!

Кусты роз зашевелились и около скамьи образовались две юных особы. Худенькая, невысокая шатенка, и брюнетка, поплотнее, и повыше. Брюнетка протянула Мишке его ботинки:

- На! Один - на танцверанде подобрали, а второй - в кустах, вот она нашла.

Шатенка смущенно потупилась. Худенькие плечики, синие глазки, губы приятные, ямочки на щеках. По подолу голубого платья вышиты крупные лиловые цветы.

Баской запрокинул голову, перевернул бутылку, и, не касаясь, её губами, сделал пару больших глотков. Затем он передал бутылку шатенке:

- Не брезгуйте, убивает все микробы, повышает аппетит! Зовут как?

Шатенка взяла бутылку и ответила:

- Меня - Лара, а её - Зифа.

"Имячко!" - подумал Глебик, - "завод имени Фрунзе". После выпитого, незнакомки похорошели и захорошели, и порывались идти искать галстук Баского, который сразу найти не смогли.

- Н-не надо! - остановил их Баской, - принципиально не ношу, и ботинки - не надо!

И он зашвырнул ботинки так далеко, как только смог.

- Богатый? - воскликнула Лариска, - за такие ботинки надо полгода вкалывать большим кайлом!

- Я принципиальный! - ответил Баской! - Не в ботинках счастье! Вы воинствующие обыватели!

- Сам такой! - ответила Зифа. - Айда, Лара! Ну их! Ума - на грош, а форса - на тысячу!

Незнакомки пошли к выходу из парка, а за ними поспешили Баской, в одних, носках, и Глебик, в дешевых матерчатых туфлях. Нагнали они девчат в проулке, где ветви образовали зеленый тоннель. Луна отбрасывала на землю причудливые тени. Баской потянул Зифу во тьму. Было слышно, как трещат кусты и Зифа восклицает:

- Ишь, вы какие!

Глебик поднял Лариску за талию. Прижав хрупкое тельце, чувствуя его потаенные выпуклости и выемки, чувствуешь себя великаном.

Из кустов объявились Мишка и Зифа, Баской сообщил:

- Зифка нас ночевать пригласила! Они нас, бедолаг, не заставят ночью через весь город плестись, они тут рядом живут, общага швейфабрики.

Так легко согласились? Может, ловушка какая? - заволновался Глебик. Из тьмы проявилась брусовая двухэтажка. Их тут собирали после землетрясения, упрощенные дома, без печек и удобств.

По узкой темной лестнице поднялись наверх.

В тесной комнате стояло три койки, возле каждой - по тумбочке, тусклая лампочка - под потолком, без абажура. И все.

- Катька в отпуске, одна койка пустует, - сказала Зифа, ночь как-нибудь перекантуетесь, валетом.

-Ты, давай, свет гаси! А уж мы разберемся! - нетерпеливо сказал Баской.

Потом, в темноте, Глебик слышал возню. Это Баской что-то там делал с Зифой на кровати. Глебик засомневался: лечь на пустую койку, или присесть на Ларискину с краешку? Ни штор, ни занавесок, в окна дышала густая тьма южной ночи. Привыкнув к темноте, Глебик разглядел Лариску, сидевшую на краешке койки. Шепнул ей:

Они с Зифой вместе, мы - тоже, да?

Она не ответила. И он не знал, что же делать? Лариска сама стащила с себя платье, шепнув:

-Жарко.

-Жарко! - согласился Глебик, снимая брюки и рубаху.

Они долго лежали рядом, сдерживая дыхание. Глебик понимал, что инициатива должна исходить от него. Подвинулся к ней, и они сплелись руками и ногами. И думалось, что вот он овладевает чьей-то дочерью, внучкой, правнучкой, была в этом мстительная радость. Но кому он мстил, и за что? Боялся сделать что-нибудь не так, показаться смешным. Мешало то, что в полутора метрах от них лежали Зифа и Мишка.

Он овладел добычей, худенькой и трепетной. От испуга и переживаний не испытал никакого удовольствия. Но от Лариски замечательно пахло. И он сказал ей об этом.

-Аромат свежего сена, - шепнула она, - одеколон "Рига", хочешь, тебя помажу? - протянула руку к тумбочке и щедро пролила на шевелюру Глебика щемящий запах. И он снова с ней слился, и, на сей раз, испытал блаженство.

И он думал: " Так вот оно! Вот отчего люди сходят с ума, ревнуют, стреляются, пьют яд, или творят великие дела и создают шедевры! Всё правда, книги об этом не врал".

Его мысли перебил Мишка, боровшийся неподалеку с Зифой, и повторявший:

-Пиздрон ушастый!

И мысли Глебика немедленно потекли по иному руслу:

"У девушек бывает кровь, у Лариски не было. Он у неё не первый. Он её совсем не знает, возможно, он только, что заразился ужасной болезнью. Может, это притон. А всё - Баской, зазвал..."

14. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

Тимьянцев явился в редакцию в белой сорочке с затейливыми запонками, в отутюженных брюках и в ярком галстуке. Столкнувшись в коридоре с Глебиком, он, вежливо и улыбочиво, кивнул, словно никогда не матерился и не обвинял Глебика в краже древней монеты.

Тимьянцев прошел в машинное бюро. Глебик из любопытства сунулся туда же. Там было интересно. Там сидели две редакционные машинистки и один машинист, Яков Беленький. Вообще-то, в силу своей национальности, в молодости вероятнее всего он был черненьким, но с годами стал совершенно лысеньким.

Яков Беленький печатал американским, слепым десятипальцевым методом. На клавиатуру вообще не смотрел, а на рукопись лишь изредка взглядывал, запоминая сразу несколько абзацев, а то и всю страницу. Пальцы с треском бежали по клавиатуре. Слева от Яшиного "Ундервуда" стояли тарелка с пирожными и чашечка с дымящимся кофе. Яша левой рукой брал пирожное, засовывал в рот, брал чашечку с кофе. А машинка продолжала строчить, как бы сама собой, это действовала правая Яшина рука. Но вот левая рука у него освобождалась для работы, а правой он поглаживал ногу сидевшей неподалеку машинистки, спрашивая при этом:

- Хогошенький капгончик, почем бгали?

Треск Яшиной машинки не стихал ни на минуту. Глебик знал, что Яша не допустит ни единой опечатки, исправит не только грамматические и синтаксические ошибки, но даже и стиль рукописи. Авторы не обижались. Каждый хотел, чтобы его рукопись перепечатывал именно машинист Яша. Рукописи нештатных авторов Яша печатал только за деньги. Ученые записывались к нему в очередь на перепечатку научных трудов.

Яшин прадед служил когда-то ремингтонистом у графа Льва Толстого, профессия была наследственной.

У Тимьянцева денег на перепечатку не было, он дарил машинисткам розы, говорил остроумные и нежные комплименты, необычайно галантно целовал им ручки. Этого не делал здесь никогда и никто. Машинистки цвели и печатали труды Тимьянцева бесплатно.

Многое о нем рассказал Глебик Глыбин. В блокадном Ленинграде Тимьянцев готовил военных картографов. Фашистская бомба разрушила его дом, погибла вся его семья: жена и две дочки. С тех пор он запил. Из армии его списали, прежние знакомые перестали с ним водиться.

Он переехал в Ашхабад, чтобы начать новую жизнь там, где его никто не знал. И здесь его приняли таким, каков есть. Его охотно печатали местные газеты и журналы. Он умно компилировал сенсационные факты, о разных исторических и географических событиях, извлеченные им из старинных зарубежных книг. Он хорошо знал пять европейских языков. Он привез из Ленинграда свою уникальную библиотеку. Стоило ему заглянуть в календарь памятных дат, и рождалась к очередной дате изумительно интересная статья. Он издавал популярные географические и исторические брошюры и учебники. Во время его лекций в академии наук залы были полными.

Но периодически Тимьянцев запивал. В такие периоды к нему не раз являлись ученые, работники музеев и библиотек с просьбой продать книги. Тимьянцев посылал всех трехэтажным матом, и пояснял, что друзей не продают.

Розы, которые он дарил машинисткам, и прочим сотрудницам редакций и издательств, Тимьянцев срезал, где придется, считая весь Ашхабад собственным садом. Ученого не раз ловили с краденными розами частные владельцы и садовники государственных садов, отводили в милицию, а иногда и били. Но он все это считал небольшими недоразумениями, на которые не стоит обращать внимания. Главное было в том, что женщины нередко встречали его ослепительными улыбками.

Глебик вздохнул и потихоньку вышел из машбюро и заглянул в секретариат. Там важный Эдик Вартанян составлял план очередного номера газеты. Сотрудники заходили, умоляли поместить свои статьи, не то устареют. Женщины обольщали или закатывали истерики, мужчины соблазняли коньяком, или стращали вышестоящими инстанциями. Эдик спокойно отвечал, что номер не резиновый.

Окончивший три вуза, с набриолиненной прической, Эдик был спокоен, как монумент. Если уж чересчур докучали, говорил, никогда не повышая голоса:

- Я занят, зайдите через годик, другой.

Глебик сказал Эдику:

- У меня действительно стоящий материал, будет жаль, если он устареет

- Стоящий устареть не может! - парировал Эдик, продолжая чертить на бумаге прямоугольники.

Глебик вышел из секретариата погрузневший. Он интуитивно чувствовал, что жизни зачем-то нужен не только блистательный, самоуверенный Эдик, но и мятущийся, неприкаянный Глебик.

От раздумий его отвлек вошедший в коридор, опухший и дышащий перегаром Баской:

- Поддал вчера. Не помню, где был, что именно делал. Понимаешь, смутно помню, что так стукнул вчера одну бабу, что она без памяти рухнула на землю, может, убил совсем...

- А кого стукнул-то, Зифу?

- Да нет, старую, толстую бабу!

- А где? На улице, в саду, в чайхане? И за что?

- В том-то и беда, что не помню. Вроде бы на улице, деревья какие-то были. Помню, что упала она. Дай трояк, опохмелиться надо.

- Если бы он у меня был.

Через минуту эту же историю Баской рассказал секретарше редактора Юлечке. Она дала ему рубль, и он побежал в буфет. А когда вернулся оттуда, его вызвали в кабинет к Татьяне Ивановне Бочаровой:

Убил, подлец, женщину?

Голова у Баского была в тумане, от редакторского крика он совсем сник, заморгал и тихо сказал:

- Убил, Татьяна Ивановна. Причина? Не помню. По халатности, наверно, ну не бандит же я.

- Вон из редакции!

Через минуту в редакционном коридоре на доске объявлений висел приказ, датированный позавчерашним числом:

"Литературного сотрудника редакции "Туркменского Ленинца" Баского Михаила Петровича за систематические прогулы, связанные с пьянством, и в связи с несоответствием занимаемой должности уволить из редакции.

Редактор Т. И. Бочарова.
25 сентября 1954 года".

Баской побрел занимать деньги и пьянствовать, а Бочарова собрала срочное собрание коллектива. Нервно тиская пальцами красный редакторский карандаш, Татьяна Ивановна окинула собравшихся трагическим взглядом:

- Товарищи! В то время, как комсомол Туркменистана, идя навстречу своему съезду, рапортует новыми успехами в учебе и в труде, некоторые сотрудники позорят звание журналиста, позорят редакцию! Некоторые не могут справиться с таким буржуазным пережитком, как пьянство! И это сотрудники комсомольской газеты, товарищи!

Она впиалась испепеляющим взглядом сначала в Глыбина, потом в фотокора Георгия Кутавцева, потом в корректора Гену Угляшкина. Первые двое встретили её взгляд спокойно, а корректор испуганно вжался в диван.

- У нас не коллектив, а черт знает что! - трагически воскликнула Бочарова. - Наш бывший сотрудник Баской в пьяном угаре убил женщину! Вот в какую пропасть мы скатились, товарищи!

Глыбин спросил:

- Откуда такие сведения, Татьяна Ивановна?

- Откуда? Да он сам сознался нашей Юлечке. И вид у него был такой, что страшно смотреть: волосы - дыбом, глаза блуждают.

- Минуточку! - сказал Глыбин, подходя к редакторскому столу, и беря телефонную трубку:

- Але! Управление? Говорит журналист Глыбин. Соедините меня с полковником Гасом по очень срочному и важному делу. Занят? А вы все-таки соедините, у меня же не личное дело, а государственное... Але! Арнольд Федорович? Глыбин говорит. Тут поступили неофициальные сведения о том, что наш сотрудник Баской якобы убил женщину. Хотелось бы внести ясность: наговоры это или... Так! Жду!..

Бочарова сидела бледная, словно её мелом вымазали. Глыбин невозмутимо смотрел в окно. Прошла минута. Глыбин снова заговорил:

- Так! За последнюю неделю никаких женщин в Ашхабаде не убивали? И по республике случаев не было? Ага! И мужчин тоже не убивали? Большое спасибо Арнольд Федорович! Всеяческих успехов сотрудникам вашего управления, Очень вам признателен!

Глыбин со звоном положил трубку на аппарат, и неторопливо уселся на свое место. А Бочарова вдруг зарыдала, размазывая краску с ресниц по щекам, и замахала руками:

- Уйдите все! Надоели! Замучили! Замордовали! Бедлам!

Приказ об увольнении Баского из редакции через минуту исчез, а минут через десять появился другой:

"Литературного сотрудника Баского за опоздания на работу, связанные с пьянством строго предупредить и лишить премии, присужденной ему за лучший очерк года о людях труда.

Редактор Т.И. Бочарова.

27 сентября 1954 года".

Глебик подумал: его бы за такое вышибли сразу, у Баского имя, а он - никто, никтожество! Эдик выбрасывает Глебиковы статьи в корзину, а стихи вообще не принимает, мол, у нас не литературная газета! Голова заболела, настроение испортилось.

Зашел к секретарше Юлечке, сказал, что идет собирать материал о передовиках-комсомольцах, а сам отправился в парк, который журналисты прозвали "Последний вздох". Парк этот соседствовал с редакцией, и в нем располагался туберкулезный диспансер. Эту зону люди старались обходить стороной, а Глебику так захотелось побродить в одиночестве! Именно в этом запущенном парке буйно переплетались экзотические растения, тропинки заросли, скамейки сломались и сгнили. Здесь можно было чувствовать себя, как в первобытном лесу. Огромные бабочки перепархивали с цветка на цветок. В тенистой чаще чуть слышно курлыкал маленький родничок.

"В таком саду, наверное, и повстречались Адам с Евой" - подумал Глебик, присел на останки скамьи и вспомнил Лариску. Там, в общаге, ему было не по себе утром. Думалось о том, что вот, переспал неизвестно с кем, что же из этого будет?

Чье общежитие? - спросил он тогда Лариску. Она сказала:

- Китаец женился. Провел брачную ночь, забыл, как по-русски сказать - жена, и говорит: знакомая, вставай! Так и ты!

- Причем тут китаец! Я серьезно спрашиваю.

- Это общага швейной фабрики! - вмешался Баской. - Я тут уже был однажды, но в другом подъезде.

Когда уходили, Глебик сказал Лариске:

- Я к тебе еще приду?

- Может, придешь, а, может, нет! - озадачила она его. - Гуляйте, нам на смену собираться нужно!

На улице Баской сказал:

- Ты со своей переспал, я слышал, а я с Зифкой всю ночь возился, и не дала, вот б!

Теперь Глебик думал о том, что всё это ерунда. Эта встреча, эта ночевка. Так, глупость, несерьезно. В нем неосознанно жил образ Марии-Модессы. В молодости она сводила мужчин с ума красотой, отец ее ревновал. И кто может хотя бы капельку быть похожим на неё, талантливую, ироничную, гордую, безоглядную? С удивительным слухом к музыке, с редким чувством красоты? Таких нет, нет, и быть не может! А что, Лариска? Только миг сладкой судороги, только случайно ворвавшийся в его жизнь запах свежего сена! Искусственный запах-то, ненастоящий.

Еще подумалось о том, что человек беззащитен и одинок на этой висящей ни на чем глыбе твердых, жидких и газообразных элементов, земле. Человек конечен. Тогда - зачем все это? Жизнь, судороги? Зачем - красота, остроумие, талант? А может, есть у тонкой нити жизни никому пока

непонятное продолжение? Можно, конечно, всё свалить на бога, на это великое инкогнито. Все учения, все озарения великих умов, равным счетом ничего не проясняют. Ведь землетрясения, отливы, приливы, отливы, механика, и не более того. Только музыка оставляет надежду на неслучайность мира. Не могла она возникнуть сама по себе. Музыка - позывные бога?

Глебик вздрогнул. Хрустнули кусты, и на залитой солнцем прогалине показался Тимьянцев. Вид его поражал, тем более, что совсем недавно Глебик видел в редакции Тимьянцев-джентльмена, это был Тимьянцев-дикарь, троглодит. Белая сорочка его стала бурой, пятнистой, один ее рукав был оборван. Брюки были измяты, расстегнуты, мокры, и воняли, на губах закипала молочная пена. На лице ученого Глебик прочитал гримасу Родогуны, Тимьянцев протянул к нему длинные пальцы, пытаясь ухватить за ухо, но не смог, оступился, и свалился в розовые кусты.

- Пигмей! Штамповщик косноязычия! Литературный выкидыш! Вор! - взвизгивал Тимьянцев, одновременно стремясь доплунуть до Глебика. Слюны не хватало, и Тимьянцев запустил огромным булыжником. Глебик едва успел уклониться, попало по спине, а если бы - в висок?

Глебик кинулся бежать, а след неслось:

- Сортирный поэт! Все сортирные поэты скоро будут на хрен вздеты!

Убежав от разъяренного ученого, Глебик еще более расстроился. Что бы такое сделать, чтобы все: Трубской, Бочарова, пижон-Эдик, Тимьянцев, Баской, Глыбин, и все, все вокруг изумились, восхитились, ахнули? Было ясно, что он ничего такого сделать не может. И это было обидно до слез.

Ничего хорошего за целый год после демобилизации не сделал, не создал. С трудом приживался в редакции, и на заочном отделении университета, тянул еле-еле. Не отчисляют только из уважения к редакции. А все от своей бесхарактерности. Из одной ячейки общества он попал - в другую, но как-то так получилось, что и здесь его сразу подмяли.

В раздумье побрел он к себе домой. Вспоминал все события прошедшего лета. В маленькой комнатухе, где жили Глебик и Баской, помещались кровать и раскладушка, была единственная табуретка, и стол, который стоял у единственного окна. Глебик спал на раскладушке, а Баской на кровати. И вся эта "мебель" принадлежала хозяину, деду Пахомычу. Жена его бабка Пелагея, не раз заглядывала в их комнатуху и ворчала при этом:

- Ядрена в корень, этого Глеба! Спит на раскладухе без подстилки, всю материю порветь и засалит! Матрас, купи, подушку, простыни! Мишка тот хоть на кровати спит, на голых досках, небось, доскам ничо не станет!

Глебик давно решил откладывать деньги с полочки и с аванса, с тем, чтобы купить постельные принадлежности, да еще хотелось купить галстук и туфли попримичнее. Да где там! В полочку всегда выяснялось, что нужно немедленно брать такси, мчаться за Трубским на улицу Мопра № 2, а затем двигать на том же такси куда-нибудь в пригород. Там Трубской и Глыбин должны были показать ему нечто такое, без чего молодому поэту ну, просто нельзя творить.

И действительно, показывали местность, где росли диковинные деревья или водились редкие животные змеи, вараны. Показывали водопад, грот, или древний мавзолей. И неподалеку от этих диковин обязательно находился духанчик, в котором готовили необыкновенно вкусное блюдо.

Трубской говорил:

- Вот здесь, у Курбана, люля-кебаб делают, какого нигде во всем Туркменистане не сыщешь!

- Люля без баб! - вздыхал Глебик и узнавал от Баского, что люля-кебаб без водки все равно, что скрипка без смычка.

В другие получечные дни Глебик встречал вдруг Маркса и Энгельса. Глебику хотелось во что бы то ни стало хоть раз обыграть кого-нибудь из них на бильярде, он уже изрядно поднаторел в этой интересной игре. Но у Маркса и Энгельса практики было все же больше, Глебик проигрывал всю полочку, еще и оставался должен.

Столь же быстро испарялись деньги и у Михаила Баского. Он любил рестораны и ресторанных женщин. Нередко ночью он оказывался в какой-нибудь "малине", после чего его карманы оказывались пустыми. Часто ему случалось драться. В подпитии он был задирой. Домой он возвращался под утро, падал на кровать, и, пробормотав: "пиздрон ушастый!", засыпал.

Раз утром он долго, и с искренним изумлением рассматривал рубаху и майку, растягивал их, подносил к окну, потом смотрел на живот и изумлялся:

Ничего не понимаю! Рубаха - насквозь, майка - насквозь, а живот целый!

Оставаясь без денег, они с Баским пытались их занять. Но у кого? Все их друзья и знакомые почему-то тоже всегда были без денег. Бывало, что поздно ночью они обнаруживали, что у них кончилось курево. И тогда они вспоминали, что обычно окурки выбрасывали в окно. И они лезли в окно, смотревшее на хозяйский огород, и шарили там меж грядок, находя бычки, и радуясь: " а это уже не бычок, а целый бык!"

Однажды бабка Пелагея пошла ночью "до ветру", заметила, что квартиранты ползают в световом квадрате окна по ее грядкам, радостно восклицая вполголоса. Ей стало ясно: башибузуки воруют кровные Савеловские огурцы. И она кинулась в свой дом будить Пахомыча, с криком:

- Фатеранты огурцы воруют!

Пахомыч очнулся и кинулся в огород с острыми вилами в руке, с криком:

- Заколю, охламоны!

Мог и заколоть - собственник! Пришлось сознаться, что они собирают собственные окурки. Пахомыч смотрел подозрительно:

- Ох, и ловкачи вы, студенты! Нарочно охнариков набросали между грядками. А тут у меня и огурцы, и демьянка, и бахча!

- Да ты что, Пахомыч!- пытался образумить его Баской, - у тебя же, поди, все арбузы сосчитаны и дыни.

-Бахча-то сосчитана, а огурцы? А морква? Бобы, горох? Совсем дурным считаете?

-Да ты посмотри! - убеждал Баской, - у меня в ладони окурки, и у него - тоже. Видишь?

- Значит, сожрали уже то, что сорвали. Да еще в избе, поди, понапрятали.

Пахомыч прошел в избу, долго искал там плоды со своего огорода, или огрызки от плодов. Заглянул в чемоданы, под раскладушку, под кровать, заглянул в печурку. Ничего не нашел. Больше искать было негде. Опечалился.

- Стало быть, не успели сорвать. Вовремя Пелагея вас застучала. Годите, сейчас вам железную банку из под томата принесу, двухлитровую, в неё будете охнарики свои складывать. А на территорию больше не смейте лазить! Усекли?

- Да ладно, Пахомыч, мы хорошие! - оправдывался Баской.

- Хорошие? Даже койки своей не имеете. Вся мебель в избе - моя, и всю расшатали. Аммордизация! Слыхали, студенты, такое слово? Вот.

- Не шуми, Пахомыч, разбогатеет, рассчитаемся.

- Вы разбогатеете, держи карман шире! Нет, чтобы работать, так писать вздумали. Писал - писака, читала - срака! Вшивота, вечно голодная...

Пахомыч ушел, а Глебик подумал о том, что последние его слова очень верные. Действительно, оголодав они немножко подкармливались от хозяйских несметных богатств. Самое воровское время - три утра. После трех они крались с ножницам в виноградной аллее, пересекавшей весь двор пополам. Оглядываясь на окна хозяйского дома, тянулись ножницами к виноградной лозе. Срезали кисти в разных местах. Возвращались в избу, жрали терпкий и сладкий виноград прямо с косточками, запивая сырой водой. И Баской говорил при этом:

-Умм! Тут тебе и калории, и фруктоза, и сахароза, и всякие там пектины, витамины.

После уборки винограда, Глебик и Мишка лишались криминальной подкормки. Зато Пахомыч и Пелагея после уборки урожая становились заметно добрее.

Савеловы летом топили печурку во дворе, используя щепки, мусор сухой верблюжий помет. А на зиму Пахомыч привозил с базара "адын ишак хороши сами дров". Саксаул предназначался для хозяйской кухонной печи. Разбивая ветви и корни "железного" дерева, Пахомыч приговаривал:

-Его не рубят, его не пилят, его не колют, его ломают, мать вашу за ноги!

В пору перезревших абрикосов, айвы, персика и сливы, Пахомыч загружал саксаулом кухонную печь, саксаул горел ровным жарким пламенем, как каменный уголь. В печь был вмазан котел, в прела кипела барда из перезревших фруктов. Пар бежал по трубкам, охлаждался и превращался в самогон.

Качество напитка проверяли Пахомыч, бабка Пелагея, и даже пятнадцатилетний их сын Петька. После каждой пробы дед и бабка становились все веселее, им хотелось с кем-то поделиться своими сомнениями. Бабка Пелагея приносила квартирантам стакан бурой жидкости:

- Испробуйте, то ли есть градус, какой, то ли нет?

Баской проявлял к эксперименту великий интерес, выпив принесенное, говорил:

- Не разобрал я Пелагею Ивановна! Может еще попробовать?

Через какое-то время из хозяйской кухни доносились песни. Репертуар был небольшой, но популярный. "Скакал казак через долину", "Цыганка гадала", и знаменитое: "Посияла огирочки!"

Самогон Савеловы называли вином. Из испытаний вина первым выпадал слабак Петька, затем сон сваливал Пелагею. Пахомычу одному пить было скучно, правой рукой он брал четверть самогона за горло, в левой руке держал изрядный шмат сала, и шел к квартирантам:

- Писаки, мать вашу за ногу! Нет, чтобы хозяина угостить, так самому их поить приходится!

Пили за хозяйский счет. Понимая, что такое везение не может быть вечным, Баской принес с базара в громадном мешке чудовищной величины арбуз, просверлил в нем дыру коловоротом. В отверстие через воронку он влил бутылку водки. И сказал Глебику:

- Учись, пока я живой. В декабре в отпуск пойду, поеду в отпуск, в родную Кандалакшу. На проводины у меня полтора ведра отличного виноградного вина!

- Правда, что ли? - удивился Глебик.

- Факт! Вся мякоть перебродит, и крепость будет хорошая! И пить приятно!

И наступил декабрь, на удивление холодный, в прошлом декабре в Ашхабаде даже жарко было.

Баской, как и собирался, отпросился в отпуск, получил отпускные и начал отдых с посещения ресторана. Вернулся под утро, шараясь по избе, опрокинул стол и табуретку, зачем-то перерыл свой чемодан. Вскрикивал свое любимое присловье так громко, что Глебик невольно проснулся. Сказал:

- Сам не спишь, и другим не даешь! Мне ведь, между прочим, на работу идти.

Баской присел на свою койку, обхватив руками голову:

- Нет, не могу вспомнить!

Он вскочил, подбежал к вешалке, стал лихорадочно выворачивать карманы висевших там пиджаков и плащей. Затем он заглянул под свою кровать, потом под Глебикову раскладушку. Меж плахами пола была щель и он долго ковырял в ней концом линейки. Потом уставился своими мутно-голубыми в лицо Глебика:

- Глебик ты никакие деньги в избе не находил?

- Нет, ответил Глебик, - а почему я должен был их здесь найти?

- Потому, что я их где-то здесь положил, а посторонних тут не было. Может, ты подшутить захотел?

- Ничего я не захотел! - закричал оскорбленный Глебик, - плевать я хотел на тебя и на твои деньги, понял?

- Глебик, если взял, так отдай! - жалобно заныл Баской, - мне же в Кандалакшу. Я понимаю, тебе трудно живется.

- Мне не трудно! Мне и в рожу тебе харкнуть не трудно! - крикнул Глебик, понимая, что теперь надо куда-то переезжать, искать другую квартиру. И вообще все гадко, мерзко так, что хуже быть не может.

- Мне плевать на тебя, и на твой отпуск! - завопил он голосом пароходной сирены. - Мне Бочарова, это сожительство навялила, она - редактор, я не мог её послушаться. А ты - сам пьешь, меня спаиваешь, да еще в вору записал. Иди, промой харю под краном, может, и вспомнишь, что.

Баской последовал совету. Вернулся, забегал по избе, вращая глазами:

- Нет, не помню! Червонец взял на выпивку. Остальное сунул, но куда? Под крыльцо?

Он выскочил из избы, но вскоре вернулся:

- Нет, под крыльцом нету!

И смотрел на Глебика странным взглядом.

- Может, в печку спрятал? - упавшим голосом спросил Глебик. Баской подскочил:

- Вот! Точно! Теперь вспомнил, в печку! - он кинулся к печурке.

- Не ищи, - тихо сказал Глебик, - нынче впервые так похолодало, что я с вечера протопить решил. Там все было забито бумагой и мусором, все прогорело, а тепла-то ни на грош не добавилось.

- Пиздрон ушастый! - завопил Баской. - Под мусор-то я деньги и спрятал! Триста пятьдесят рублей! Отпуск сгорел, Кандалакша! - Баской уставился на Глебика.

- Не надо меня глазами есть, - сказал Глебик, - я не генерал от инфантерии. И не хрен было по ресторанам шастать, когда у тебя дома арбузное вино есть... Я все отдам! - тихо добавил Глебик, - хотя и не представлял себе, где же он возьмет такую сумму? Почти всем знакомым он должен, никто ему теперь больше не даст.

Баской махнул рукой:

-Ладно! Схожу к Бочаровой. Пусть даст на дорогу до Кандалакши, а оттуда, мол, меня родители отправят. А потом дам ей из Кандалакши телеграмму, мол, ехать обратно - не на что. Она и пришлет перевод, куда она денется.

-А я, пока ты отдыхаешь, постараюсь собрать нужную сумму! - пообещал Глебик.

-Да где ж ты такие деньги возьмешь? Триста пятьдесят-то рублей? Ты ж за месяц всего сто двадцать зарабатываешь.

-Где возьму, - не твоя забота, - заносчиво ответил Глебик, - вернешься и получишь.

-Ну, хватит о золоте! - сказал Баской, - давай-ка арбузовку распочнем!

Они сунули в отверстие арбуза шланг, подсосали, и налили по литровой банке жидкости золотисто-розового цвета.

- Ну, вздрогнем! - сказал Баской.

И оба вздрогнули. Один - от радости, другой - от тоски.

15. МОРОЗ И СОЛНЦЕ, ДЕНЬ ЧУДЕСНЫЙ

Баской уехал. А в Ашхабаде вдруг ударил мороз. То есть, по-сибирски это и не мороз совсем, а очень теплая погода. Пятнадцать градусов ниже нуля. Но для Ашхабада это было слишком холодно. Во многих домах вовсе не было печей. Еду готовили обычно во дворе, при помощи таганков, и глинобитных печек.

Самой теплой одежкой на зиму считался плащ. Да и то после обеда солнце и в январе пригревало так, что плащ приходилось снимать и нести на согнутой руке.

Пятнадцать же градусов ниже нуля уложили половину населения города в больницы и лазареты.

В канун нового года пошел снег, крупными хлопьями. И сразу стало теплее. На площади имени Карла Маркса установили срубленную в горах высоченную тую. Она лишь отдаленно напоминала елку, ибо ветви её вовсе не украшены иглами и как бы выстрижены из тонкого зеленого картона.

Сибиряку Глебику любая погода ашхабадской зимой была в самый раз. Он бродил по площади даже без плаща, в одном пиджаке. Разглядывал предпраздничные плакаты. Был там и не совсем новогодний:

Этот день не за горами,
К цели Ленинской спеша,
Мы огромными шагами
Перегоним скоро США.

Лозунг не вязался с этой площадью, с туркменскими папахами. И с деревьями, которые даже в холода не скидывали листву. На площади как раз устанавливали шатер цирка шапито. И были на заборах большие афиши. Так прекрасно было читать их и мечтать! Группа туркменских джигитов, под управлением Давлета Ходжабаева. Он читал про него. Детдомовский паренек, тяжело больной. Пришел в цирк. Над ним посмеялись: ну, какой ты акробат, с хромой ногой? Но он все преодолел. Под выстрелы шамберьера, под дикие крики джигитов он вспрыгнет на коня и помчится по кругу, а по сути - вдаль, вперед, в вечность!

Преодоление. Вечная мечта человечества! И призрачную возможность, но все-таки возможность осуществления мечты показывает нам цирк. Там вспыхнут фонтаны цвета и музыки.

И китаец будет есть опилки и они будут гореть во рту, а он будет махать веером в ухо - поддувало! Там будут клоуны его детства! Дуровы! Правда, внуки тех, которых он видел в Томске. Внуки Юрия Дурова!

И шатер наконец-то построили. И билет был куплен. Шапито на площади было большое. Грянул оркестр, засияли лампы. Представление началось! И скакали джигиты, на ходу прыгая с лошади на лошадь, и поражая мишени из легких винтовок заряженных оглушительными патронами. Были в представлении медведи и слоны, были акробаты на трапеции.

Во втором отделении объявили девушку-каучук. Она выбежала, тоненькая, воздушная, сверкая искорками своего платица-лепестка. Вспорхнула на круглую оранжевую подставку, стала в ритме вальса, складываться и раскладываться, так, словно у неё сроду не было костей.

И улыбалась, улыбалась! И Глебик вдруг узнал в ней Лариску! Ту самую, из общежития швейной фабрики! Народ ладоши отбил! Хлопают хрупкому прекрасному тельцу. А Глебик это тело обнимал! Целовал!

После окончания циркового представления он долго стоял возле шапито, у заднего входа. Потом решил зайти внутрь, в конце концов у него есть редакционное удостоверение.

И сразу же увидел её, она о чем-то говорила с циркачем в черном трико. Глебик почувствовал ревность. Лариска заметила его и кивнула:

- Я сейчас!

Он подождал, дыша парным запахом цирковой конюшни. Что-то из детства, из Томского цирка. Он подошел к ним ближе и сказал, что видел и Дуровых, и акробатов Кадыр Гулям еще в детстве, в Томске.

- О! В Томске! - отозвался циркач, - дедушка рассказывал. Там до войны был цирк с удобной гостиницей прямо в цирке, и река рядом, После представления все артисты ловили рыбу. Он так рассказывал.

- Правильно рассказывал ваш дедушка! - сказал осмелевший Глебик, и взял Лариску под руку.

Он вышел с ней из цирка, они прошли возле наряженной серпантинами туи, и он сказал:

- Не ожидал! Почему же ты не сказала, что ты - циркачка!

- А я не циркачка!

- Как же?

- Просто все. В детдоме у нас была воспитательница одна, из цирковых людей. Мне же было всего четыре года, когда я потерялась.

- Как потерялась, где?

- На Украине. Бомбежка была. Мы шли с мамой и братиком к вагону. И бомба взорвалась. Очнулась я - ни мамы не братика. Вот и все. Больше я их никогда не видела. И даже теперь не помню - какие они были.

- Но ты же могла их поискать! Найти?

- Где?

- Где! Где! У тебя же паспорт есть?

- Есть!

- Вот! Там должно быть записано место твоего рождения.

- Записано: место рождения - город Донбасс! Я туда писала, не ответа, ни привета.

- Конечно, если ты адресовала в город Донбасс, то не будет привета! Потому что такого города на карте нет!

- Почему же нет, если написано?

Глебик подумал, что каучук она гнет хорошо, а в другом ей не додали. Но разве она виновата? Милая вообще-то девчонка.

- Ну, ты теперь со швейной фабрики в цирк переберешься?

- Зачем? Я пока в отпуске, у них поработаю. У них артистов не хватает, не все подъехали.

- Могла бы у них на постоянную работу определиться.

- Так они три месяца отбарабанят, и дальше со своим шатром двинутся, а я так не могу.

У меня папа и мама здесь похоронены. Кто за их могилкой станет ухаживать? У них кроме меня никого и не было. Они меня любили.

Глебик удивился:

- Ты случайно головой с трапеции в этом цирке не треснулась? Ты же только что сказала, что потеряла маму и брата во время бомбежки, и вдруг оказывается, что мама здесь похоронена, да еще вместе с папой!

Лариска наморщила лоб:

- Ну, я забыла тебе сказать, что детдом, в который я попала где-то на Украине, три раза переезжал. Сначала на Кавказ увезли, потом в Красноводск, а оттуда в Ашхабад, мне уже десять исполнилось, когда меня здесь бездетные старики удочерили. Вот. Я как паспорт получила, на швейную фабрику работать пошла. Мои старики жили небогато. Пенсия маленькая. Работали в колхозе где-то в России, да сбежали оттуда, стаж и потерялся.

- Тебе сколько лет было, когда они померли? Сначала-то кто из них помер?

Лариска вдруг заплакала. Рыдания её буквально сотрясали, Было удивительно - сколько слез из неё вытекает. Глебик был смущен:

- Извини я не хотел.

Она внезапно успокоилась:

- Ничего! Ты не виноват, Тяжело все. В землетрясение они погибли. Вот ты и вычисли- сколько не было. Они меня боготворили, мечтали свадьбу сыграть. Все насчет жениха спрашивали, есть он у меня, или нет. Мать приданое готовила. Фату шила, платье, свадебное! Вот, да ты же знаешь, в ту несчастную ночь многие погибли, полгорода, можно сказать. Я чудом спаслась. В кино была.

- Что? Кинотеатр не рухнул?

- Не рухнул, там рушиться нечему. Ты же знаешь наши здешние кинотеатры. Сиденья да экран, ни крыши ни стен. Но не в этом дело. Я уж из кино домой пришла. Мы уж поужинали. Отец-то сразу на топчан - к стене носом и захрапел, а всё матери картину эту, которую посмотрела, рассказывала. Долго рассказывала. Она позевывать стала. А я вышла из нашей землянки во двор, ноги под краном перед сном помыть. Этим и спаслась. Я заметила, что кобелек наш, Шарик, с цепи рвется, прямо из себя выходит, лает. Я еще на него цыкнула Ветер был сильный, и темно.

Я ноги помыла, к землянке подошла, двери в сени отворяю и тут ка-ак даст! Грохот, пыль - до неба. Сначала только свист ветра потом вой, рев, стоны.

Ну я - что? Отца с матерью хотела откопать. А чем? Ни лопаты, ничего во тьме кромешной, в пыли не найдешь. Ногтями ковыряю глину. Реву. Тут соседка, хватает меня за косы:

- Ты что, девка? Их не спасешь, себя похоронишь, Земля трескается, люди в трещины валятся. Айда на железнодорожную линию, на рельсы сядем, рельсы, небось, не провалятся.

Прибежали к линии на ней люди полуголые и совсем голые сидят, друг к другу жмутся и дрожат. Всю ночь там и просидели. А рассвело, я обратно к своему жилью пошла. И стала откапывать уже лопатой. Тут некоторые соседи, своих откопали и ко мне пришли помогать.

Полный день копали. И увидела я все. Клавдия Кондратьевна, как легла, так её и засыпало лицом кверху. А отец, видно, услышал грохот, подняться хотел, на одну руку оперся и ногу через мать ногу перенес, чтобы на пол прыгнуть, так и застыл навек в этой позе. Землянки наши, глина да пара перекладин. Засыпало.

- Ничего! - утешил Глебик Лариску, у тебя же еще настоящая мама есть, и брат есть. Я тебе их найду.

- Каждого чему-то учат, я тоже кое-что умею. Я вот буду делать запросы от редакции во все города Донбасса. В каждом городе - паспортный стол, и они обязаны мне будут ответить. Фамилия же твоя настоящая, Ты так её запомнила! Хорошо! Пусть по малолетству и буквы перепутала, все равно найдем. Я не швея, не каучук, но тоже акробат!

Она прильнула к нему, благодарная, видимо, он угадал её сокровенное.

Он оглянулся на ночной город. Большой, уютный, весь в садах. Темный. Мирно спящий. Даже возле елки уже никого не было. Какое обманчивое спокойствие! Какая прекрасная и какая коварная земля! Идешь и она в какой-то момент может развернуться и поглотить молодого, жаждущего любви и счастья. И сомкнется навсегда. Мощно и равнодушно.

Наверно, и Лариска подумала о том же, потому, что на его поцелуй, она ответила страстным поцелуем отчаянья! Все непрочно под черным небом, роняющим крупные медленные снежинки. Все обманчиво. Беда может прийти в любую минуту, когда ты даже о ней и не помышляешь. Все

может исчезнуть, как исчезли Ларискины близкие. Что же делать? Что же делать? Спасенье лишь в том, чтобы и целоваться, и целоваться до онемения губ.

16. ВЕСНА ЛЮДОЕДОВ

Каждая зима, как и каждая весна в Ашхабаде происходили по-разному. Обычно вода в арыках весною светлеет, земля, как дымкой одевается первоцветом урюка и персиков, словно умывшиеся красавицы свежи и чисты шелковицы. Умиротворение и покой.

Весна 1958 была особенной. Сначала прошли дожди, потом с неба сыпались черные крошки, может эта была пыль, но очень уж пылинки были крупные. Потом, когда в садах все зазеленело, зарозовело, щемяще и звеняще зацвело, налетели тучи зелено-желтоватых салатных москитов. И приходилось отряхиваться и отмахиваться от них ветками и платками. А главное - что-то невероятное стало твориться со зрением многих ашхабадцев: в глазах плавали радужные разноцветные круги и спирали.

Глебик думал о том, в каком странном, далеком краю живет. Но ведь мог бы жить гораздо дальше! Через Баского он недавно достал книжку о царях российских, книжка почти запретная из особого фонда. С тем большим интересом Глебик читал её. Между прочим, вычитал там, что Павел первый в 1801 послал конницу Платова через Туркмению в Индию. Цель была - разгромить англичан и сбросить их в океан. Платовцы прискакали уже в Ашхабад и готовились к переходу через горы. Но этого не захотело допустить всемирное масонство. Ночью преступники напали на Павла Первого. Не зря сын его Александр в ту ночь лег спать в сапогах.

Вот тогда-то и завернули Платовцев от границы с Персией. Зигзаг истории. Все мы вписываемся в эти зигзаги, так или иначе.

Душными вешними ночами Глебик ворочался в своей мазанке, скрипя топчаном, мешая спать Баскому, и все думал, думал. Почему он попал в этот край? Как дальше жить? Может, стать, змееловом? Они как-то раз с Карамором всерьез обсуждали эту тему. В зоопарк нередко являлись парни, приносившие в кожаных мешках редких ядовитых змей. Один из них был ученым-зоологом, другой местный житель. Рассказывали, что ядовитые змеи нередко их кусали. Но сделали себе прививки, а кроме того, они хорошо знали повадки змей. Годы потратили на изучение своего хитрого дела. Карамор говорил, мол, подсмотрим, разузнаем, сделаем прививки и начнем. Вот будем деньгу грести! Лопатой! Но дальше благих пожеланий дело не шло. Да и Анна Петровна сказала тогда:

Змееловы нашлись! Вы сперва хоть на мышах потренируйтесь!

На остановке у зоопарка Глебик увидел Маринку. Она сидела на скамье в легком кимоно, рука, поврежденная медведем, у нее засохла и была кривой, как ветка саксаула. На груди у Маринки висела табличка:

"Пострадала от землетрясения"

Прохожие клали в перевернутую Маринкину соломенную шляпку медяки и рубли. Увидев Глебика, Маринка зарделась:

- Я это не себе, я это Анне Петровне за квартиру. Она сказала и табличку написала. Вообще я в техникум - хочу...

На глазах у Маринки показались слезы. Глебик закивал, думая о том, что впору самому рядом с Маринкой сесть. Тут сочувствуют инвалидам, особенно тем, кто постарался во время землетрясения. Пережившие его люди, как бы заключили негласную конвенцию, которая действует везде и всегда. Действует много лучше и вернее, чем иные государственные договора. Всеобщий заговор сочувствия и самопожертвования.

Пройдут годы, и это пройдет. Забудется, сгладится. Трансформируется. Но он сохранит это в сердце. Здесь ему трудно жить, хотя вообще-то здесь жить легко. Парадокс. Но вся жтзнь состоит из парадоксов. Когда это получше усвоишь, станешь спокойнее. Но еще не вполне усвоил. Повторение - мать учения.

Вот и новый телефонный звонок от Маркса Меляева расстроил Глебика окончательно. Маркс опять приглашает в ресторан. Хорошо ему! Отец у него такой важный человек! Но как не пойти? Маркс впервые пригласил его зайти прямо к нему домой. Туда за правительственный забор, в те самые дома, где когда-то Глебик, с подачи футболиста Глыбина, выбил стекло ударом мяча. И Глебик невольно спросил Маркса по телефону:

- А пустят?

- Обязательно! Я уже сказал милиционеру. Покажешь ему редакционное удостоверение, скажешь, мол, к Меляевым, и всё!

Глебик знал, что Марксу нравится его просвещать, показывать свое превосходство. Мол, смотри, учись, завидуй. Он и завидовал той легкости, с какой Маркс тратит деньги, и с какой он занимает их Глебику. Кажется, Маркс даже и не понимал до конца, в какой ужас приходил Глебик, получая очередной кредит. Но Глебик ничего поделаться с собой не мог. Хотелось немножко шикануть. Ах, если бы его отец не погиб на войне! Он жил бы, может, лучше этого самого Маркса!

В укромном переулке переплелись ветки многих деревьев, дувал был высоченный, беленый. И за ним росли редкостной высоты деревья. И щемящий запах роз несся навстречу Глебику.

Да, милиционер уже знал, что придет некий Глебик. И все же смотрел он подозрительно, завсегдатаев знал наперечет. Глебик шагнул в заветную калиточку. Огляделся. В обширном дворе стояли среди виноградных лоз и плодовых деревьев четыре дома. Их стены были украшены цветными панно: символически был изображен сбор винограда, охота на ягуара, и скачки джигитов.

С крылечка одного из домов махал Глебику улыбающийся Маркс Меляев. Маркс взял Глебика под руку:

- Сейчас в дом зайдем. Думаешь, что там есть? Нет, не гадай, не угадаешь! Заходи, сам всё поймешь. Сам открывай дверь.

Стоило Глебику потянуть дверь за ручку, как внутри двери нечто невидимое заиграло гимн Советского Союза. Маркс вытянул руки по швам, Глебик сделал тоже. Маркс рассмеялся и прикрыл дверь. Она смолкла. Он вновь её приоткрыл, она вновь заиграла гимн.

- Проходи, не бойся! - сказал Маркс.

Они зашли, и на них дохнула приятная прохлада, холодок даже.

Маркс рассмеялся:

- Удивился, вижу. Называется кондиционер! В Ашхабаде нигде нет, а у нас есть! Так. Видишь холодильник? Открывай! Открывай, не бойся!

Глебик открыл дверцу, и она пропела:

"Красотки, красотки, красотки кабаре, вы созданы лишь для наслаждения!"

- Интересно, да? - опять рассмеялся Маркс. Отец нанял механика-еврея. По ведомости чабаном числятся. Какая разница? Лишь бы нашим гостям интересно было.

- А туалет, думаешь, - где? В доме? Как бы не так. Все удобства на улице. А вот вам серебряный ключик. Вон туда иди, тропа видишь, гранитными плитами выложена. А туалета не видишь? И не увидишь, Глебик! Под землей все! Почему? Я тебе скажу. Отцу туалет на Красной площади, недалеко от кремля понравился. Сверху не видно. Под землю спускаешься, а там - мрамор, стены сияют. В кабинках вода журчит. Ничего не воняет! И старушка сидит, пяточки собирает. Ага!

Ну и у нас, как в Москве! Все сплошь в мраморе, в кабинках вода журчит, и бумажка специальная на тумбочке лежит, пипифуй называется. Пипифакс? Ну, пусть, пипифакс! Какая разница! Но все, как в Москве. Только старушки, которая пяточки собирает, там нет.

Маркс хлопнул в ладоши, и тотчас появились женщина с блюдом, на котором разместились цветастые чайники и пиалы и блюдечки с конфетами, и маленькими подсоленными сушечками.

- Нет! Не домработница! Не держим, не господа! - пояснил Маркс с лукавой улыбочкой, - это папина родственница из аула. - Но стряпает хорошо, лучше всякой домработницы. Давай, подкрепимся чуть, ведь некрасиво идти в ресторан голодным, Правда? Да и рано еще в ресторан идти. Туда лучше всего идти между обедом и ужином. Такой хороший тон получается.

Что Глебику в этом доме понравилось, так это то, что в этом доме было много хороших книг. Стеллаж занимал две стены той комнаты, где они пили чай. Книги были дорогие и редкие. Глебик уж подумал о том, что хорошо бы попросить у Маркса какую-нибудь особо дефицитную книжку.

Но вдруг заметил расположенную на стеллаже скульптуру в виде пальцев, сложенных фигой. Эта громадная гипсовая фига была явно с умыслом расположена в центре стеллажа.

Глебик промолчал, но Маркс заметил его взгляд и объяснил:

- Папа специально скульптуру заказал. Приходят, просят, забывают возвратить. И он уж не помнит, кто брал, что и когда. Не формуляры же заводить? А скульптура эта представляет собой молчаливое красноречие. Не находишь?

- Нахожу! - сказал Глебик. В этот момент на переплете стихотворной книжки с названием "Чарджуй-река" он прочел имя автора: Дурды Дурдыев. И сказал Марксу:

- Я знаю одного туркмена из Чарджоу, его зовут Дурдышкой, и он всем представляется писателем. А вид у него уголовный какой-то. Может, самозванец?

- Он вправду поэт! - сказал Маркс Меляев. Это как раз его книжка. Но я тебе её не дам, так как мы с папой принцип фиги никогда не нарушаем. Стихи? Ну, на мой взгляд, средние. Но он по жизни поэт! Признаю. У него в кабинете стоит портрет Маргариты Фаридовой. Певицы. И он включает пластинку с записью песен Маргариты и слушает, и целует её портрет прямо в губы. Да так целует, что краска на месте губ отстала. Он, время от времени, нанимает художника, и тот подрисовывает Маргарите новые губы, подновляет.

- Вот это любовь! А мы - все прозаики. Купим бабе шампанского и считаем, что она перед нами в долгу. Разве это любовь? Только человек способен орать, когда его колют палкой, и молчать при виде возлюбленной, а ишак делает наоборот. Правильно я говорю?

Они отправились в ресторан "Фирюза", там было яблоку негде упасть. Но Маркс сюда позвонил еще час назад, и столик за пальмой в углу не занимали.

- Нас знают! - сказал Маркс, усаживаясь за столик.

- А другие два стула для кого? - спросил Глеб.

- Наивный вопрос, - ответил Маркс. - Сейчас заиграет инструментальный ансамбль, во главе с армянским евреем, окончившим Гнесинку. Что тогда будет? Люди выпьют. А когда они выпьют, что будет? Они станут приглашать дам. А эти дамы, зачем сюда приходят? Чтобы их пригласили потанцевать. А приглашение к танцу, это в переводе с культуры на язык бескультурия - приглашение в постель. Логично?

- Так уж сразу - в постель? - усомнился Глебик.

- Постель, в переносном смысле. Постелью может служить любой куст. Я однажды по недостатку времени, занимался с дамой в кабинке туалета.

- Это уже опошление идеи! - сказал Глебик. - В этот самый момент армянский еврей взмахнул смычком скрипки, и прекрасные звуки вальса понеслись по залу. Скрипка плакала, аккордеон благородно уговаривал её не страдать, барабан ритмично успокаивал обоих.

Глебик вглядывался в особ женского пола. Та вон пришла с двумя мужиками. Эта страшнее атомной войны. Четыре подруги за одним столиком явно залежались на какой-то базе и превратились в перезрелый, и даже подгнивший овощ. Маркс Меляев сказал:

-Ты водочки хлобыстни! Тогда дело пойдет лучше. Великий революционный поэт Владимир Маяковский не зря же написал, что сквозь призму водки, нам все - красотки!

Глебик выпил пару стопок, закусил шницелем и понял, что великий поэт был совершенно прав. Даже те четыре мегеры за одним столиком теперь гляделись почти симпатичными. Маркс же после Маяковского, сослался еще и на древних китайцев.

- Человек, его жизнь - единственная ценность на земле! Есть древняя китайская поговорка: "Не забывай, что даже жизнь столетнего - это всего 36 тысяч дней" Помни это, друг мой, предавайся радости при каждом удобном и неудобном случае!

Маркс ушел танцевать с брюнеткой, которая явилась в ресторан в умопомрачительном наряде, сверкая кольцами и диадемой. Глебик предположил, что это артистка. Уж никак не комсомольская работница, и тем более не - партийная. А для продавщицы она была слишком изящной.

- Разрешите? - услышал он уверенный голос, поднял глаза, и сердце его екнуло. Приглашала его поразительной красоты девушка. Она была крупнее его, но казалась все же воздушной. Все её существо дышало силой и здоровьем. Они легко закружились в вальсе. Спортсменка? Балерина? - гадал Глебик. Не мог угадать, а она ничего не говорила. Она ему нравилась! Это не Лариска, помятая жизнью, измотанная трудом, печалью. Это нечто иное!

- Сегодня ты танцуешь только со мной! - сказала она.

- Я тебе нравлюсь?

- Да, ты свеженький, пухленький! Сейчас кончится танец, ты пойдешь за наш стол, чтобы тебя не увели. У меня сегодня день рождения, ты мой подарок!

- Но с кем ты пришла? Кто за твоим столом?

- Мои родственники.

- То есть?

- Ну, дядьки мои! Да плюнь ты на них!

- Им может не понравиться, что ты меня пригласила. Тебе, поди, еще шестнадцати нет. Кстати меня зовут Глебом, а тебя как?

- Эвелиной зовут! Плюнь, говорю, на дядек! Это мой вечер! Если мне это хорошо, то им и подавно! Все! Пошли!

У ресторанного окна был длинный стол, который днем использовался для комплексных обедов. За ним с обеих сторон сидели мужчины, всего одна женщина. Все были пьяны, и разобрать, кто есть кто, не было никакой возможности. Что ж, он сидит рядом с такой принцессой. Пусть-ка Маркс посмотрит и позавидует!

Глебик с кем-то чокался, кому-то желал здоровья. Изредка оборачивался в сторону пальмы. Маркс сидел уже с двумя импозантными дамами и каким-то набриолиненным пажоном.

Эвелина вновь потащила Глебика на круг. Теперь было танго, и она то влипала в него своим тугим телом, то, отшатываясь, манила. Это было впервые, чтобы ему так нравилась девушка.

И снова шел к длинному столу, совсем забыв про Маркса. Только краем глаза видел знакомых. За одним из столиков восседал Трубской с самым большим членом Туркменистана - Курбаном Керимнепесом, и какими-то двумя незнакомыми Глебику туркменами. Из-за этого столика слышался раскатистый смех. В другом углу Глебик заметил Тимьянцева, он декламировал матерщинные поэмы, голос у него был актерский, читал он мастерски, мужики сгрудились возле его столика, слышались аплодисменты, одобрительные возгласы. За эти мини-концерты Тимьянцева обычно кормили и поили.

Но для Глебика была только Эвелина! Так приятно танцевать с ней. Кто она, какая её семья, какие у неё мечты, всё оставалась тайной. Стрелка на больших ресторанных часах переместилась на половину второго, это означало, что сейчас начнут выдворять клиентов, сначала вежливыми просьбами, а потом и при помощи милиции.

Эвелина шепнула:

- Идем к нам!

- Вы где живете? Далеко, близко?

- Увидишь! Какая тебе разница?

- Но как же? Я ни с кем у вас не знаком.

- А с кем тебе надо быть знакомым? Ты будешь со мной. Что - где? На веранде, в сарае! Какая тебе разница?

Ноги у Глебика заплетались. Слишком юная девушка, и какие-то молчаливые с ней мужики.

- Эвелина! Мне сегодня к двум надо поспеть на дежурство в типографию, - зачем-то соврал он. - Ты мне скажи адрес, я приду к тебе завтра. Ты мне очень, очень нравишься!

Её глаза презрительно сощурились:

- Или сегодня, или никогда! Ты понял? Или ты сейчас идешь с нами, или ты меня больше никогда не увидишь!

Глебик раздвоился. Один Глебик говорил: иди с ними, ты упускаешь такую девушку! Это - раз в жизни! Другой Глебик возражал: куда прешь, скотина! Почему она так настойчиво приглашает тебя неизвестно куда? А первый Глебик продолжал: вечно у тебя комплексы, осторожность! С тебя и брать-то ничего. Над тобой потом куры будут смеяться. В кои-то веки такую ладу встретил! Она лучше чернявой Нины, лучше всех, кого знал!

Люди потянулись к выходу. Проходя мимо, один из Эвелининых мужиков тихо сквозь зубы процедил:

-Что, Глеба? Страшно?

Глебик востепенулся. Действительно ли он так сказал? Да нет, он видимо, сказал "брашно", так по старине хмельное питье зовется. Но имя-то, откуда узнал? Услышал, да. А может, мужик и не говорил ничего? Показалось? Чего с пьяных глаз не померещится!

В толпе мелькнул напомаженный кок Маркса, Глебик метнулся к нему. Взял за рукав, задышал в ухо, ситуацию обрисовал.

- Брось, старик, дыши носом! - посоветовал Маркс. - Сейчас "Зим" найдем, домчу тебя до дома. Ты мне будешь должен на пять рублей больше, я запишу в книжечку. Это за вино, и за такси. Ночью таксисты берут по двойной таксе, зато комфорт! А то еще идти куда-то! Их много, нас мало. И мы стоим дороже! Это тебя я, Маркс, говорю!

И Маркс Меляев эффектно выкинул руку вперед. Рядом мягко затормозила мощная машина.

- Сперва отвезем сего гражданина на Ямбашскую, а потом доставишь меня до правительственного дома! - солидно сказал Маркс.

- Лечу, как архар! - ответил шофер, - и машина рванулась в ночь. Глебик оглянулся, ни Эвелины, никого. Сердце заныло.

Через неделю он случайно зашел в управление к Вальке Кончикову. У Вальки всегда были полные шкафы конфискованных папирос, изъятых кастетов, ножей. Иногда бывали и конфискованные напитки.

Вот и в этот раз Валька открыл перед Глебиком ящик письменного стола:

- Выбирай себе ножи по вкусу, картошку чистить или там арбузы резать. В хозяйстве сгодится!

- Да не надо! Ты же мне в прошлый раз давал!

- Ну, кастет возьми!

- Зачем? Я давно уж не дерусь, взросленький! А ты все отрезанные пиписки ищешь?

Глебик сказал так потому, что в прошлый его приход Валька действительно искал пиписку. Один майор вернулся без неё, жена подала заявление. Майор показал дом, возле которого на него напали неизвестные, и отсекли важнейший его орган острым ножом.

Валька сразу понял, что майор что-то недоговаривает. Что уж за хулиганы такие? Дом-то в центре, всю ночь фонари горят. Тут с боевым майором бороться, штаны с него снимать, каким наглым надо быть? И -причина?

Две недели Валька лазил по помойкам возле дома, весь в нечистотах, но нашел-таки майорскую пиписку. Её вполне могла сожрать собака, но пиписка была упакована в баночку от майонеза с крышечкой.

Валька и возликовал! На баночке-то "пальчики", так у сыщиков след называется. И всё прояснилось. Майор был в гостях у веселой дамочки лежал в постели без галифе и даже без трусов своих армейских шестьдесят второго размера. И пьян был до бессознательности. И под утро явились два дружка этой дамочки. Лихие парни. Оттянули они у засони его член, да и отхватили под корень. Велели ошалевшему от боли майору одеться, сунули ему в штаны полотенце, чтобы рану прижал. И дали бедняге пинка. По инерции он добежал до дома. И наврал три короба жене.

Валька заспиртовал майорскую пиписку. После смотреть на неё приходили все работники управления. Даже один проверяющий из Ташкента её рассматривал. И Вальку похвалил. Но новую звездочку пока все же не дали.

Теперь же Валька сказал:

- Нет! Теперь дело не пипиской пахнет! Теперь я такое жуткое дело раскрутил, что сам, может, стану скоро если не майором, то уж старшим лейтенантом - точно!

- А что за дело?

- Пойдем в парк, прогуляемся, устал я что-то сегодня, прокурился весь.

В парке Валька долго оглядывался, потом тихо сказал:

- Только между нами, дело-то секретное. Я его раскрутил, и чекистам передал. Понимаешь, - каннибалы объявились. Группа целая. И не то, чтобы им есть нечего. Двое инженерами работали, а двое - врачи. И вот заманивали дураков. Шашлыки делали, манты, чебуреки, и кушали. Девчонку красивую использовали, как приманку. И её тоже приучили человечину жрать, да и спали с ней заодно.

- Эвелиной зовут! - вырвалось у Глебика. Он рассказал Вальке про случай в ресторане. Валька уставился на него долгим взглядом:

- Точно! Она! Только никакая она не Эвелина, а самая элементарная Ольга. Кое-как семь классов одолела, в акушерское училище поступила. Ну, врачи её и втянули. Чекисты там раскручивают их, как секту западную, Ну, не нашего ума дело. А тебя бы сейчас, извини, уже бы высрали, если бы ты с ней отправился на ихнюю хазу! Но ты молчи. Это не для печати. Может, когда-нибудь, напишешь в художественной форме. Но, скорее всего, что - никогда! Не можем мы навевать мрачные мысли строителям светлого будущего.

Так ты заходи ко мне. Я уж и про стихи забыл, Жена моя туркменка из детдома, она, конечно, обруселая, но детей рождает по-туркменски, одного за другим. Её зовут Таты. Но я называю Таней. Заходи, познакомлю. Она у меня художница. Нет, не картины пишет, оформителем в клубе. Мечтает стать театральным художником.

- Зайду! - сказал Глебик. Попрощался, пошел садами. Такая красота вокруг. И такая гадость бывает среди красоты. И всё это жизнь.

Черт его носит по городам и весям. Есть люди, как родятся в своей деревне, так и живут в ней всю жизнь. И радости их естественны, и печали тоже. Ничего чрезвычайного, ничего особенного. Может, именно так и надо жить.

17. СОРОК ДВА - ПОД КОЗЫРЬКОМ

Если в Томске май, это в лучшем случае - набухание почек, а то еще и - снег у обочин дорог, и заморозки по утрам, то в Ашхабаде - это уже жара. Красной мякотью, семенем брызгает лето, потихоньку в калитку течет со двора. Ну, да солнце - гигантский арбуз и истекает алым соком. С утра на городском градуснике, установленном в тени под козырьком - 42 градуса! В пустыне можно закопать куриные яйца в песок, и через минуту они сварятся всмятку.

В Первомайский праздник Глебик вместе со всем городом прошел мимо правительственных трибун. Где-то на этой трибуне стоял и Маркс со своим папой. Глебик заметил там и Бербабаева, с его верным третьим глазом, и Трубского в белом костюме и противосолнцевых очках. Впрочем, все там на трибуне были в белых штанах и пиджаках, некоторые - с орденами на груди. Гремели оркестры, и кто-то невидимый по радио призывал к солидарности трудящихся.

Солидарность трудящихся? Город показывал себя, свой народ, поселившийся на краю пустыни, у подножия гор. Город показывал красоту народа, копающего здесь арыки, сажающего деревья, строящего дома, выращивающего арбузы и дыни, и рожающего детей.

Русские девочки шли в колоннах в длинных туркменских платьях и ковровых шальварах. На головах у них были девичьи туркменские головные уборы, в виде маленьких сверкающих шлемов. Их косы были уложены, как и у туркменских девочек - на груди. Это - символ невинности. Яркие, зеленые, голубые платья-кетени - море цветов.

Все пело, все звенело, радость была неподдельной. Вот они мы, смотрите: мы есть, живем, цветом! Бронзоволицые аксакалы в снежно-белых тельпеках 25 степенно шествовали среди цветников юности. Рядами ехали на одинаковых серых с голубоватым оттенком ахалтекинских скакунах стройные джигиты.

А Глебiku было так одиноко в толпе. В районе Ленинского сквера демонстранты выходили из строя, ставили к забору транспаранты, и атаковали ларьки с квасом, пивом и мороженым.

Возле одного из ларьков Глебик встретил Энгельса Кадырова. Тот был почему-то невесел. Энгельс был красив, как и Маркс, но, в отличие от последнего, был несколько флегматичен. Они поздоровались и решили выпить пива. И стали с кружками под развесистым деревом, распаренным, как банный веник.

-Духота! - сказал Глебик.

-Духота! - подтвердил Энгельс.

-Чем заниматься будем? - спросил Глебик, - может, поищем Маркса и двинем в бильярдную? И я, наконец, вам обоим набью баки! А что? Я натренировался, пора мне и отыгрываться.

-Я с Марксом играть не буду, я с ним вообще говорить никогда не буду!

- Отчего же? - удивился Глебик. - из истории известно, что у Маркса и Энгельса были некоторые теоретические разногласия, но это не мешало им дружить.

-Это совсем не разногласие, когда я приглашаю Маркса к себе домой, знакомлю с женой Катей, иду за пивом, возвращаюсь, а Маркс стоит на коленях и осыпает Катины ноги поцелуями. Даже платье её задрал!

Глебик стал успокаивать Энгельса:

-Но, возможно, Маркс не имел ввиду ничего дурного?

-Я знаю, что дамам принято целовать руки, но я не разу не слышал, чтобы этикет позволял целовать дамам ноги!

-Ну, не будем к нему слишком строги, минутный порыв...

-Тебе хорошо говорить, ты не женат.

-А зачем ты, туркмен, женился на русской?

- Странный вопрос, полюбил и женился. Мы с ней с детства за одной партой сидели.

Энгельс пил пиво, вздыхал. Указал на скамью в парке:

- Вот на этой скамье она и сидела!

-Твоя жена?

-Нет, чужая красивая русская женщина.

-И что?

-Это вечером было, я проходил мимо, она меня так пристально осмотрела, и потом спросила открытым текстом: "Ты бараться хочешь?" Я испугался сначала, и говорю: "Мне - что, охота какую-нибудь болезнь подцепить?" А она сказала, что она честная замужняя женщина, вполне здорова. И если я хочу её, то и ломаться нечего, надо за ней идти, её дом недалеко.

Вот! Я пошел за ней, темнело. И краем глаза видел мужик какой-то за нами идет. А она вполголоса повторяет: "Да не бойся, ты, дурашка, не бойся!"

Пришли к землянке на улице Подвойского. Мы с ней сразу внутрь зашли, она меня на кровать зовет, а я в окно выглянул, а мужик, что за нами шел, на завалинку присел. Тут она мне сказала, если я боюсь, так могу закрыть дверь на крючок, хотя и так никто не тронет.

Я заперся и целый час делал с ней, что хотел. Встал, оделся, надо выходить, опять боюсь. А она объяснила: муж её бездетный, врач установил. Им маленького надо. И муж ей позволил облюбовать в парке молодого красивого парня. Она меня и облюбовала.

Я ей тогда сказал, мол, с первого раза ребенок может не получиться. Она говорит, иди, если будет надо, я опять на ту скамью приду.

Ну, я вышел, муж её на завалинке, как паровоз, курил. На меня даже не оглянулся, только ухом слушал, как я ухожу!

Энгельс закончил свой рассказ, Глебик поймал себя на мысли, что завидует. Его-то, небось, та женщина не остановила бы!

- Красивая женщина, говоришь?

Энгельс тяжело вздохнул:

- Еще какая! Я теперь часто к этой скамье прихожу, а её всё нет и нет. Наверное, у неё ребенок с первого раза получился.

- Да, брат, Энгельс, к Марксу свою жену приревновал, а сам чем занимаешься?

- Что ты сравниваешь? У женщин все - внутри, а у нас все - снаружи! И потом, она же меня для благородного дела пригласила. Их семье помощь была нужна. Мне же помощь Маркса не требуется, сам справляюсь.

Глебику стало совсем тоскливо. Он вспомнил о Лариске, ну, да, сейчас она вернется в свою общагу с демонстрации и можно будет её пригласить в кино.

- Отложим бильярд до следующего раза! - сказал он Энгельсу, к тому времени как раз и с Марксом помиритесь!

- Вряд -ли! - не очень уверенно ответил Энгельс.

Глебик шагал в тени старых деревьев, но солнце так распарило листву! Дышать было нечем. Арыки пересохли. А на некоторых балконах дымились мангалы, и жарился шашлык. В некоторых дворах на керосинках стояли кастрюли с ароматными супами. На полянке возле одного крепкого дома толпились и чванились, как бы сошедшие с картины модерниста, индюки и индюшки. От

обилия красок и запахов можно было захлебнуться и задохнуться. А он шел в серую сиротскую общагу, где живут не самой счастливой и не самой интересной жизнью.

Может, он - принц, который уведет золушку-Лариску в хрустальный замок. Но замок у него пока лишь живет в воображении. В эфирных волнах, в облачке, в струйке воды в арыке.

Лариска оказалась дома. Поздоровалась, сказала, что сейчас оденется, и они пойдут гулять. Зифа и еще одна девушка лежали на своих застиранных байковых одеялах, в одних лифчиках и плавках.

-Жарко! - извинительно сказала Зифа.

- Ничего, я подожду на улице! - и Глебик запрыгал на одной ноге по лестнице.

Лариска вышла в платье-паутинке. Вся невесомая, и только теперь он разглядел, что глаза у неё слишком близки к переносице, маленькие синие бусинки. Губы, да, губы поцелуйные такие. Тут уж ничего не скажешь. А глаза не впечатляют.

Они прошли в сад при тубдиспансере, и Лариска сказала:

-Кто увидит, подумает, что пара чахоточных гуляет.

-Ну, уж ты скажешь! Чего в нас чахоточного?

-Ну ладно, кавалер! - со странной интонацией сказала она, - Доигрались?

-В каком смысле?

-В таком, что гони тридцатку на аборт!

Тон её был ему неприятен.

- Ну, зачем ты так говоришь? Я же, если ребенок, я же женюсь!

- То-то и оно! Если ребенок. А если нет, то и не женишься?

- Зачем ты так.

- Да ни зачем! Ребенок есть. А жениться на мне не надо, и чтобы от ребенка избавиться, гони тридцатку! Понял?

Он стал её убеждать, что он её никак и ничем не хочет обидеть, он готов...

Она его оборвала:

- Заткни фонтан! Обидеть, не обидеть! Кто на тебя обижается? Чканин телеграмму прислал, он отслужил и едет домой. Этот сосед наш. Мама очень хотела, чтобы я за Чканина вышла. У нас сговор был, меня пропили, ты понимаешь?

-

- Но ребенок-то от меня, не от Чканина.

- В том-то и штука. Чканин - мой первый был мужик, за него мне и замуж идти. А за тебя - нельзя. Чужой ты! Стихи сочиняешь. В газете. А я просто швея, а Чканин просто слесарь. Да выйди я за тебя, так ты всю жизнь будешь попрекать, что не девушку взял.

- Не буду!

- Это ты теперь говоришь! Я же вижу, что не очень тебе нравлюсь. Да какая дура может умному нравиться! Ты только помоги мне нутро очистить. Чтобы я Чканина встретила нормально. Я бы сама, да где денег взять, все подружки с хлеба на соль перебиваются.

Глебик сказал упавшим голосом:

- Ладно! Я завтра тридцатку принесу.

- Хорошо, жду! Да не забивай себе голову. Сама я подставилась, ты тут не причем. И нет мне ничего другого, кроме Чканина.

На другой день Глебик принес ей тридцатку, вызвал её на лестничную площадку, чувствуя себя последним подлецом.

Она взяла деньги, искренне обрадовалась:

- Ты больше сюда не приходи, мы незнакомы. Девки у нас друг друга не выдают. Все мы тут сироты, дети войны. А Миша Чканин все же владелец глинобитной мазанки, виноградничек у них маленький есть. Жить поживать, добра наживать. Мамину и папину могилку навещать буду.

- Слушай, я ведь начал поиски твоей настоящей мамы.

- Не надо! С матерью Чканина у меня уже и так будет две мамы, зачем мне третью? Да я ту, первую, давно уж забыла, так, что спасибо за все, и прощай!

Глебик решил написать в газету о старлее Вальке Кончикове. Показать героического человека из уголовного розыска. Он не спит, чтобы Ашхабад спал спокойно. Вообще-то, конечно, Валька спал, как все люди. И успел сотворить пятерых детишек. И вроде, все на него похожи. Но чтобы очерк получился, полагается изучить героя и дома, и на работе.

Глебик еще в мае познакомился с Валькиной женой. Позавидовал, такая оригинальная туркменочка. Интеллигентное лицо. Волосы собраны в длинные косы. Но волос такой мягкий, вьющийся, что обрамляет лицо затейливыми висюльками, завитками. Глаза жгучие, большие. Просто тонешь в их черноте, как в южной ночи. Из ахалов или теке26, не иначе.

Порадовался и тому, что Валька живет в настоящем кирпичном доме, Это вам не развалюха какая-нибудь. Действительно, человек достиг в жизни успеха. И я запечатлел при помощи фотоаппарат "Фэд", на фоне настенного ковра, и Вальку, и Таты-Татьяну, и трех девочек, и двух мальчиков.

Татьяна попросила принести потом фотографии, а Глебик пообещал сделать большой групповой портрет в рамке.

- Только не забудьте, пожалуйста! - попросила его ласковая Таты.

Он поклялся, что не забудет.

Старался написать хороший очерк. Все-таки вместе с Валькой в армии лямку тянули. Однокашники в полном смысле слова. В армии только кашей и кормят.

Конечно, в своем очерке Глебик не стал описывать эпизод с поисками майорской пиписки. Нельзя было даже заикаться в газете о современных каннибалах. Но Глебик написал о том, как один бандит зарезал женщину около железной дороги в районе Шелкомотальной фабрики. Негодяй этот тут же прыгнул на подножку поезда, промчался на нем в противоположный конец города, там спрыгнул, и сразу зашел к знакомым. Такое алиби. "Я в это время был в другом конце города!"

Но хитрый Валька Кончиков восстановил все действия бандита по часам до секунды. И доказал, что алиби его липовое. И бандит сознался во всем.

Глебик написал. Бочарова похвалила его очерк, и выписала премию, которая, впрочем, не могла помочь Глебику выйти из финансового тупика.

На премию Глебик купил рамку, вставил в неё семейный портрет Кончиковых, направился на квартиру к героическому милиционеру. Вальки Кончикова дома не оказалось, а Таты встретила его как-то странно. Отворачивалась, вроде бы и портрет её не обрадовал. Он заметил, что она сильно похудела.

- Что с тобой? Болела? - спросил он.

Таты повернулась к нему лицом, отняла платок от шеи, по которой тянулись красные крученые рубцы, и бугры.

- Тебе на меня смотреть страшно? - ответила вопросом на вопрос.

- Но я не понимаю: это какая-то местная болезнь? - спросил он, пораженный.

- Вот именно, местная.

- Но это же пройдет, заживет? Может, похлопотать, поискать медицинских специалистов?

- Спасибо, не надо. Я лечусь у лучших в городе врачей. Это связано с щитовидкой.

- А Валька когда придет?

- Он в длительной командировке, в Ташкенте.

А через день он встретил Вальку на проспекте Свободы. Спросил его, что же за болезнь у его Татьяны.

- Ты журналист, а тупой, - ответил сердито Валька, - она же самосжигание прямо на дому при детях устроила. Она хоть и детдомовская, а всё равно туркменка. Ну, застучала меня с одной. Осерчала. Русская бы скалкой отвозила, а эта дура керосином облилась. Хорошо, я как раз в дом зашел, накинул на неё одеяло. Потушил. Но ей хватило! Ты же видел, какие у неё шикарные косы были. Они запылали, как костер. Щеки, шею, все сожгла, пересадку кожи делали. Всю красоту испортила, не дура?

Теперь мне твой очерк не поможет. Меня в рядовые милиционеры разжаловали. Из партии грозятся исключить. А я ведь, как старался, карьеру делал! Все испортила, коза паршивая! Теперь вот иду в гостинице дежурить. Позор для бывшего оперативника!

- Ты от неё ушел? Это нечестно!

- Больно ты умный! Я бы не ушел, так ведь она на порог не пускает. Говорит, будешь приставать, снова керосином обольюсь. Понял? Ну, пока, некогда мне!

Москиты ли принесли зеленую пыльцу, или ветер с песком эту беду надул, но только что-то тревожно стало жить Глебику на свете. Тяжело. Обидно было за Вальку. Как трудно без поддержки родни, без знакомых, друзей выбиваться одному. Валька лез, выбился. И скинут со своей горы обратно в яму. А Глебик на гору даже вскарабкаться не может, всё где-то барахтается у подножия.

Только пережил случай с Таты. Через неделю встретил Зифу, и она сказала, что Лариска лежит в роддоме с большой потерей крови. Бабка-знахарка за тридцать рублей через дудку впрыснула Лариске куда-то там - состав, от которого её кровью пронесло, три дня при смерти была, да и теперь еле жива.

Он сходил, в палату не пустили, но её подвели к окну, он увидел живые мощи, и невольные слезы закипели в уголках глаз. И было стыдно и больно. Не хватало воздуха.

А еще чрез неделю повесился Тимьянцев. В своей избушке. Книги он завещал научной библиотеке. И написал в записке: "Ухожу добровольно, смысле географии это мало, что меняет, говорю, как специалист!"

Провожали его в последний путь большие люди. Писатели, журналисты, ученые. Глебик шел в этой толпе, чувствуя себя никчемным, лишним. Вот был человек больной, неуравновешенный, но он был личностью! А люди, которые идут рядом только делают вид, что огорчены. Искренне уважали Тимьянцева, только, пожалуй, Глыбин и Баской. Они понимали его нутром, как большие любители хорошей выпивки. Они и теперь были навеселе, благо, был повод.

- Все пройдем, как трава, только не надо достоинство терять! - заявил Глыбин.

- Покойный знал, что делал, и делал, что знал! - не менее глубокомысленно дополнил мысль Глыбина Баской.

И когда возле могилы Тимьянцева важные и очкастые люди заспорили, кому первому говорить речь, кто Тимьянцеву ближе по духу и по должности, Глебик тихо отошел в сторонку. Непоправимое было дико в своей обыденности. А запоздалые дифирамбы говорились не для Тимьянцева, а для самих себя. Ибо маститый пьяница и географ все равно ничего не слышал. Эти ученые, начальники как бы говорили теперь: "Смотрите, какой я! Как здорово изъясняюсь! Как афористично!" За этим они сюда и пришли, за похвалами самим себе, а на Тимьянцева им было абсолютно наплевать.

На обратном пути Глебика взяла под руку Алла Дюваль. И говорила, говорила. Надо жалеть людей, пока они живы. Она жалеет, она помогает. Она на киностудии пестует молодых, она сыграла три эпизодических роли, в очень интересных фильмах. Глебик, конечно, смотрел? Её называют иногда ашхабадской Раневской, таков её дар. Пусть Глебик приходит на студию. Она поможет. Ему закажут сценарий художественного фильма, Глебик очень скоро станет богатым и известным.

Глебик обещал зайти на студию, с ужасом оглядывая чудовищную талию Дювали. Она стала толще раза в три с тех пор, как он последний раз её видел. Нет, нет, такое меценатство его не прельщает!

Он потихоньку высвободил свой локоть из хищной лапы Дювали, и обратился к Глыбину:

- Слушай, а ты не передумал завтра взять меня в колонию?

- Обижаешь, старик! Еще неделю назад я сделал в управлении мест заключения два пропуска! Глыбин слов на ветер не бросает!

Глыбин добился разрешения написать о члене бандитской шайки Цымбасе.

Теперь он хвастал:

- Я доказал: нет запретных тем. Создам очерк о преступнике в назидание молодежи. Мы же не страусы, сующие голову в песок. Отрицательные примеры тоже воспитывают! А ты, салага, пойдешь со мной, и будешь учиться раскалывать бандитов!

На другой день они были в колонии. Жара была лютая. Они шли по бесконечному плацу вслед за майором, мимо рядов приземистых барачков, Нигде не было ни деревца, ни тени. У Глебика стучало в висках, он уж был не рад, что напросился идти с Глыбиным. Майор сказал, что надо будет преодолеть еще две проходных, только тогда они попадут в особый сектор.

Глебик увидел вдруг странное строение. Четыре огромных шахматных коня поддерживали односкатную крышу. И там под крышей была тень, там были столы, и за ними отдыхали люди в одинаковых робах.

- Это что? - поинтересовался Глебик.

- Клуб четырех коней, - пояснил майор, - зеки проводят тут час досуга.

- А может, мне необязательно - в особый сектор? - сказал Глебик, - это ж Глыбину надо побеседовать с Цымбасом, а не мне. Я бы тут вас обождал, потолковал бы с мужиками, если они не очень опасные.

Майор мельком взглянул на сидевших за столами, сказал кратко:

- Эти не опасные! Можете нас тут обождать, только отсюда никуда не уходите.

Глебик засомневался: правильно ли поступил? Очень не хотелось видеть Цымбаса, скота безрогого, чего зря нервы мотать? И жара, Скорее - в тень!

Он шел и видел, что с веранды за ним внимательно следят. На него прямо вроде бы никто не смотрел, но он понимал, что ни одно его движение не упущено. В зоне новые люди появляются редко. По одежде, по прическе, многое определили. И когда Глебик поднялся по ступенькам на веранду, ему услужливо освободили стул, и один пожилой зек с хитрованской улыбочкой спросил:

- С какой-нибудь проверочкой к нам прибыли, гражданин начальник?

Глебик всячески разубеждал, что он не начальник. Сказали: если из газеты, то как же - не начальник? Еще какой! Допытывались, про что, или про кого писать будет. Чтобы отвязаться, сказал им, что писать будет его старший товарищ, который с майором пошел, а он так, за компанию с ним.

- Значит, вроде стажера, получается! - сказал пожилой зек, - хорошее дело, чайку с нами выпейте, гражданин начальник! Федя! Налей начальнику покрепче, не пожалей заварки!

Глебику подали алюминиевую кружку с чаем и пару медовых пряников.

Он смутился:

- Что это вы, я сыт, не нужно!

- То разве еда! - убеждал его зек, просто чаек, жара же! Обезвоживание происходит.

Видя, что Глебик к чаю и пряникам не притрагивается, зек сказал:

- Обижаете, начальник! Может, насчет кружечки сомневаетесь? Посмотрите со всех сторон, хорошая кружечка, нет в ней нигде ямочки или дырочки!

Да, Глеб слышал, что в посуде "опущенных" пробивают дырочки, чтобы по ошибке никто не осквернился. Если из такой посуды поест, сам станешь "опущенным".

- Нет! - твердо сказал он. - Спасибо. Сыт, и пить не хочу. Я ведь вольный человек, чего же я вас объедаю стану?

Это людей в робах задело. Они заговорили наперебой:

- Да у нас в зоне все достать можно! Хоть шашлык, хоть шампанское! У нас и то достать можно, чего на воле нет!

Ах, как им хотелось доказать, что они других не хуже, что в зоне им так хорошо, что лучше некуда! Сидевшие напротив него зеки горячились. Это только кажется, что здесь командуют "попугаи". Нет, хозяева зоны не они! И можно выпивку достать и "травку", и все, что есть на воле.

Ему этот треп стал уже надоедать. Он даже не сразу заметил, что к нему подсел один колоритный, весь в наколках зек. Загорелое лицо пересекал глубокий шрам, васильковые глаза светились непонятным для Глебика интересом.

- Не узнаешь? - хриловато спросил зек. - Конечно, не узнаешь. Столько прошло. Ага! А ведь это ты меня учил - вальс по кресту! Двести граммов для куража, и руку девке - на талию! Вот я и танцую! До сих пор! Видишь, куда попал?

- Витька! - догадался Глебик, - Зинатулла? А тебя, вправду, не узнать. Вырос, возмужал, да и весь в таких страшных наколках. И загорел сильно.

- Ну-да, блатной, аж пломбу некуда поставить! - с горькой иронией сказал Витька, - эти - меня боятся, - кивнул на зеков за столом. Скажу, чтобы пятки чесали, кинутся чесать. Ну, и так далее! А ничего хорошего. Надоело все. И сидеть еще долго. Ты бы не мог там, где-то сказать, чтобы пораньше выпустили?

Он посмотрел в глаза Глебику и махнул рукой:

- Да нет! Не говори нигде, все равно не выпустят. Только тебе неприятность будет.

В этот момент Глебика окликнул Глыбин. Он с майором уже вернулся из особого сектора.

- Зовут! - растерянно сказал Глебик Зинатулле. Я подумаю, как тебе помочь. Передачу носить буду. Похлопочу. Ты давно из Караганды? Как там Матрена-Модесса?

- А! Надо тебе правду говорить, это будет лучше.

- Какую еще правду?

- Простую. Умерла она, ровно пять лет назад.

- Ты что? Сбесился? Я вчера от неё письмо получил. Пишет, что все у неё хорошо, и она отлично себя чувствует!

- Это тебе Султан письмо прислал!

- Как Султан, почему Султан? Я же мамин почерк знаю!

- Слушай. Когда тебя в армию забрали, она скоро сильно болела. Она кровью харкала, я боялся сильно, что туберкулез. Она говорила - это сердце болит. Я к врачу ходил, мне доктор объяснял, что есть такая болезнь сердца, когда кровью харкают. Ну, я лекарства покупал. А еще она переживала, что я воровать стал. А я привык, понимаешь, а отвыкнуть не могу. Товарищи были плохие, и тебя рядом не было.

Ну, и вот. Редко дома бывал. Деньги ей давал и надолго уходил. Приду, а она сидит и пишет. Что, говорю, Ивановна, пишешь? А она отвечает, мол, письмо Глебику пишу. Ну, я ей говорю: от меня привет не забудь передать. Ну, и вот, когда ей совсем худо стало, она мне говорит. Ты, говорит, Витя, возьми письма. Тут их пятьсот штук. Я умру, а ты их по одному в месяц посылай Глебику. Я там даты на всех письмах поставила. Вот ты и посылай. Пусть Глебик живет спокойно. А то он там, на юге устроился, а я его сорву. Узнает, что заболела, и все бросит! Ты обязательно посылай письма, Витя! Я тебе верю! Хитрая такая. И умерла вскоре. Похоронили возле Зелентреста. Там хорошо, деревьев много.

Ну, я - что? Знаю, что рано или поздно посадят. Корешам наказ дал. Меня посадят, пусть Султан посылает письма. Султана посадят, другой будет.

Ну, теперь никто не будет. Я Султану напишу, чтобы все письма сразу тебе переслал. Давай адрес, да незаметно. Чтобы никто не видел. Я тебе всё сказал, потому что так лучше. А то потом старый будешь, узнаешь, и сердце может не выдержать. Лучше теперь узнать!

Глыбин звал, надо было идти, оглянулся, а Витьки уже рядом нет, как сквозь землю провалился!

19. У СТЕНЫ ВЕЧНОСТИ

Отроги Копетдага, каменистые складки, журчание ледяного арыка, вода которого с крутой высоты бросается в бетонированный водоем, розовый туман брызг, дрожание ветел на краю хауза.

Презрительно смотрят горы, эти стены вечности, на маленького Глебика плескающегося в водоеме. Что горам - Глебик, или кто другой?

Глебик смотрел с возвышенности, видел весь Ашхабад и пустыню за ним, и дальние поселки, но не видел своего будущего.

Он вздохнул и пошел вниз, сначала тропками, потом по Гауданской дороге. Когда-то именно здесь проходил караванный путь Александра Македонского, отделенный от нас всего несколькими тысячелетиями. Теперь по следам сандалий Искандера шел безоружный Глебик. И что? Вот идет он, перед ним - страна роз, Гюлистан. Но разве он может быть счастлив, одинокий? Он, столько лет живущий без отца, без матери, без близких людей?

Нет больше Марии-Модессы. Ничего нет. И зря он с Глыбиным ходил в эту колонию. Все равно оказалось, что очерк про Цымбаса писать не придется. Глыбин убедился, что совсем никчемный это человечешко. Ну, зачем проклятый футболист взял с собой Глебика в колонию? Не ходил бы Глебик туда, так еще бы долго получал бы от Марии-Модессы её письма, добрые, юморные, вдохновляющие. И ему было бы намного легче жить. А теперь вот мучается.

Голову тисками сжало. Сухофруктов и то не успел ей отправить! Чем озабочен был? На хрен нужны эти очерки! На хрен - буквальсина и самого большого члена Курбана Керимнепеса! Нужно

было тебе очень на бильярде учиться играть, по ресторанам ходить, за Марксом и Энгельсом наблюдать, как они правильно отбивную кушают? Нужно было тебе, мерзавцу, по танцулькам бегать, по общагам шастать, по чужим постелям лазить? А Мария-Модесса в это время от предсмертной тоски, от одиночества с ума сходила! А ты даже ни разу не подумал, что она может умереть без тебя! И о том, каково ей умирать будет? Какое такое затмение на тебя нашло? Надо было сразу после армии лететь, бежать, ползти к матери! Знал же, что прихварывает, знал же, что - одна-одинешенька. И только чужие люди - вокруг неё. На что надеялся? И ничего не исправить теперь, никогда прощения не выпросить. Да и не у кого теперь прощения просить! Козел безрогий!

Воздух сладкий, но это чужой аромат. И он пробовал сказать об этом стихами, но получалось всегда плохо. Мысль изреченная - есть ложь!

Пестрые одежды, плоские крыши, шумные базары, жертвенный дым очагов. Старик на ишачке с горстью жевательного табака за нижней губой.

И, вздохнув, Глебик вошел в душный город.

На окраине на холме выстроились ряды мазанок, с небольшими двориками, с крохотными виноградными аллеями. А перед холмом простирался огромный луг. Здесь среди цыганских кибиток паслись стреноженные кони, горели костры.

- А щучинец! - услышал Глебик от одного из костров, ходи сюда, здороваться будем!

Глебик узнал Михая Шаркози.

Милый! Ты не хуже цыгана! Куда я не откочую, везде - ты!

В армии тут служил, да вот остался пока!

Хорошее дело! Женился? Детки есть?

Нет, пока не женат, учусь, работаю, некогда все.

- Вам русским всю жизнь даже пожить некогда. Все учитеесь! А я вот, дурак неученый, женился в двенадцать лет. У меня уже шестеро внуков взрослых, женатых. А правнуков, так и не сосчитать! Вон, смотри, Яшка Шаркози, проснулся, на прогулку, размяться вышел, смотри! Правнук!

Глебик посмотрел, куда указывал Михай. По холму шел длинный худой парнишка умопомрачительно кудрявый в сапогах с кисточками. Постучал в калитку крайнего двора и быстро заговорил:

- Тетенька! Мы не цыгане, мы молдаване, дай примус, больному ребеночку молочка вскипятить!

Калитка перед Яшкой захлопнулась. Он подошел к следующей:

- Дяденька! Мы не цыгане, мы венгерцы! Дай, пожалуйста, примус, больному младенчику молочка вскипятить!

Было слышно, как мужик заругался, пугая Яшку собакой. Яшка равнодушно пошел к следующему дому. Своей формулы он не менял, ему лень было даже думать. Глебик решил, что Яшке так никогда не достичь успеха, уж слишком прямолинейно и тупо действует. Но минут через пять Яшка уже спускался с холма с примусом в руке. Еще в каком-то дворе он сумел выпросить кусок сала и ночной горшок.

- А что, у вас, действительно, ребенок заболел? - спросил Глебик Михая.

- Что ты! Что ты! Мы не бодем. У нас цыганки абортуют не делают, рожают всех подряд. Детей не кутают, не лечат. Зато уж который выживает, тот всю жизнь здоровый живет! Смотри, у меня до сих пор все зубы целые, а мне давно за шестьдесят! - ослепительно улыбнулся Михай.

- А зачем ему примус?

- А ни зачем! Просто утренняя зарядка. Мог примус просить, а мог - и патефон!

- Патефон не дали бы!

- Почему не дали бы? Хочешь, я его пошлю, он радиолу выпросит?

- И потом не вернет?

- Ну, это - само собой, на что же просить, если возвращать? Я, конечно, твоих дел, парень, не знаю, но совет дам. Попробуй жить проще! Расслабься и дыши носом, понял?

- Ладно! - ответил Глебеик, - постараюсь так и жить. А вы еще долго на этой поляне будете располагаться?

- У нас, парень, расписания нет, но долго на одном месте быть - не любим! Это даже для здоровья вредно.

Глебик пожал руку Шаркози. И пошел кривыми закоулками к своей Ямбашской. Ему нравилось идти каждый раз иным путем, открывались новые картинки городского быта. Заросли мальв и роз, беседки-тайнички. Окошечко в дувале с железным засовом. Говорят, если постучать в него особенным способом, высунется костлявая загорелая рука. В эту руку надо сунуть червонец, тогда из окошечка к твоим ногам упадет пакетик с терьяком.²⁸ Глебику терьяк был не нужен, но его почему-то всегда подмывало постучать в такое окошко, чтобы увидеть, как оно действует.

Неожиданно в одном из проулков возле него затормозила голубая "Победа", дверца распахнулась. Выглянул Дурдышка, был он худой, и даже как бы прозрачный, а оспины на лице сияли ярче обычного:

- Ну, салам! Садись! Рад, очень рад, Глеба! Я тебя вспоминал.

-А чего тебя в Ашхабаде давно не было?

- А! Болел. Зато теперь всегда буду в Ашхабаде. Переехал, тут, понимаешь, диспансер, врачи, говорят, надо ближе быть.

-А диагноз?

-Да при чем тут диагноз? Что о болезнях толковать? Ты расскажи, как дела. Книжку думаешь издавать?

-Хороших стихов на книжку не набирается. Трубской пока издавать не советует.

-На что нам Трубской? Собирай немедленно всё, что есть, и тащи в издательство! Это тебе я, Дурдышка, говорю! Я там редактором устроился. Это длинная времянка во дворе Совета министров. Завтра с рукописью жду. Теперь вылезай!

Взбалмошный Дурдышка, ничего больше не объясняя, открыл дверцу машины и вытурил из неё Глебика. "Победа" газанула и умчалась в неизвестном направлении.

Потом Глебик не спал две ночи. Открыл чемодан, вытащил пачки измявшихся, залитых вином, и прожженных сигаретным пеплом листов. Он зачеркивал одни строки, вписывал другие. Баской соблазнял его виноградным вином, которое привез из колхоза. Тщетно!

Баскому было скучно, а может, даже завидно. Вот - у человека есть цель, книжку создает. Он мешал Глебику писать, предлагая разные матерщинные концовки к стихотворениям. А когда он выбивался из сил, то говорил:

- Морду от товарища воротишь? А между прочим, на Востоке есть пословица: если нет советчика, положи шапку на землю и хоть с ней посоветуйся.

Однажды Глебик, утомленный поисками небывалых рифм и сравнений, уснул уже на рассвете. Ему снились полузабытые томские дворы и закоулки. Пух тополей, теньканье родников, одурающий запах черемухи. Грохот ворвался в его сон и чей-то голос прокричал:

- Землетрясение!

Глебик вскочил и прыгнул в окно, вытянув руки вперед, как при нырке. Смех Баского вернул Глебика к действительности. Не было землетрясения. Негодник Баской швырнул жестную ванну на пол рядом с раскладушкой Глебика.

В результате своего рекордного прыжка, Глебик упал в хозяйкин розарий, помял самые ценные экземпляры!

- Студент? Ты знаешь почему теперь розы на рынке? - кричала бабка Пелагея Савелова, грозя иссохшимся указательным пальцем - или плати, или освобождай фатеру! И как это я вас на фатере терплю? Говорила же - если с мылом будете умываться, то платите сверху еще по десятке в месяц. Мыльные помой мне на усадьбе почву гнобят! Вы говорили, что будете умываться без мыла. А сами? Платите, как без мыла, а моетесь с мылом. Дык еще все розы переломали?

Глебик кое-как успокоил бабку Пелагею, пообещав оплатить поломанные розы по базарной цене. А Баскому сказал:

- Шуточки у тебя! Ослоумные!

Глебик, действительно, побаивался землетрясения. Небольшие толчки сотрясали Ашхабад до сих пор. Всегда это было совершенно неожиданно. Посуда на полке задрезжит, глянешь на лампочку - качается. Непрочность этой земли иногда забывалась совсем за делами, заботами. Но где-то в подсознании светился всегда неощущаемый до поры огонечек тревоги. Маленькая такая точка, в миллион раз меньше сигаретного огонька.

На третий день работы над стихами возле усадьбы на Ямбашской яростно завопил клаксон "Победы". Глебик выглянул в калитку, из машины высунулся Дурдышка и визгливо закричал:

- Почему ты нищий! Потому что ты ишак! Только ишак не держит слово, а человек всегда держит! Я тебе говорил прийти в издательство, ты не пришел!

- Так не готово было!

- Готово, не готово, сказано прийти, надо прийти! Давай рукопись!

Глебик принес кучу размахившихся листов. Дурдышка схватил их и стал яростно пихать в свой пузатый портфель.

- Как книгу назвал?

Глебик никак книгу не назвал. Он вообще не считал эту кучу разрозненных листков книгой. Но на всякий случай он гордо сказал:

- Я назвал свой сборник "Солнце в листе".

- Ну, палаван! 29- похвалил его Дурдышка, - богатырь, одним словом. Значит, народ - листва, а ты среди этой листвы сияешь, как солнце? Да?

- Да нет, я ничего такого не думал, просто в Ашхабаде много солнца, много и листвы. Вот и все.

Нет, так не пойдет! Это - поэтический сборник. Это - метафора, хрен ты собачий! И солнце тут не просто - солнце, и листва не просто - листва. Назовем твою книгу... "Красные тюльпаны". Как? Не нравится? Почему? Скромно и здорово. И, кроме того, идеологически правильно. Цвет тюльпанов, цвет революции. Ну, хоп!

Дурдышка умчался. "Ну, деловой!" Подумал о нем Глебик. Он не очень-то верил в выход книжки. Там же - редколлегия. Забракуют, мало ли что - Дурдышка.

Сентябрь - замечательная пора Ашхабада. Тепло, но не жарко. Базары завалены дарами садов и полей. На глинобитных дувалах вялятся кисти винограда и дынная мякоть. Сладостный аромат разливается по закоулкам.

Лариска переехала в маленький глинобитный рай к Чканину. И теперь при встрече с Глебиком опускает глаза и спешит поскорее уйти. Но от Зифы он узнал, что у неё с Чканиным что-то не ладится. Вроде бы, она никогда не сможет родить ребенка. И когда Глебик думает об этом, ему кажется, что он наглотался живых лягушек.

Дурдышка обещал издать книжку к новому году. Но сейчас его в издательстве нет. Заболел. Адреса его домашнего Глебик не знает.

Три жарких месяца Глебик писал диссертацию для одного доцента. Речь шла о влиянии русской поэзии на туркменскую. Доцент обещал хорошо заплатить. Глебик думал рассчитаться с долгами. Доцент набросал лишь тезисы, по которым надо было ориентироваться. Стучал на машинке, как дятел, с трудом разбирая в рукописи каракули доцента, и удивляясь его тупости и амбициозности. Когда пришла пора забирать диссертацию, доцент сказал:

- Сначала я должен посмотреть, почитать, посоветоваться с друзьями.

Глебик, чувствуя некий подвох, нервно сказал, что только за перепечатку работы он уплатил машинистке тридцать рублей. Вот только эти деньги он и получил с доцента. А обещала эта седая сволочь дать триста рублей!

После Глебик не раз звонил наглему, а тот отвечал одно: работа для защиты не годится. И каково было негодование Глебика, когда он узнал, что диссертация прошла! Но спорить, и доказывать было бесполезно. Бывалые подсказали, что деньги надо было брать вперед.

Глебик бродил укромными закоулками один, в последнее время у него стало сильно болеть сердце. Врачи ставили разные диагнозы, выписывали то одно, то другое. А одна армянка сказала:

- Милый! Ты где родился? В Сибири? Так чего ты хочешь? Если ты не переедешь, так тебя хоть золотом напои - не поправишься!

Однажды в своих бесцельных блужданиях той осени Глебик забрел в сад "Последний вздох". Сад был еще более запущен. Из окна больничного корпуса Глебика кто-то окликнул.

Он недоуменно глядел в окно, как вдруг рядом возник Дурдышка. Протянул Глебику свою совсем уж невесомую руку. Глебику показалось, что на его ладонь лег сухой листок. Дурдышка невероятно исхудал. Только по глазам его и можно было узнать. И говорил тихо:

- Ты не волнуйся! Книжка твоя выйдет и без меня, она уже подписана в печать главным редактором. Я тебя не раз видел в окно, не звал. Теперь позвал, прощаться.

- Что ты, что ты! Ты обязательно поправишься!

- Невозможно! Азраил30 уже перепилил своим зазубренным ножом нить моей жизни! Да ты не грусти, друг, я много выпил вина, много познал женщин. Пусть это были продажные женщины, какая разница? Нам с тобой, друг, жизнь очень мало улыбнулась. Так разве не имели мы право хоть немножечко ей подмигнуть?

- А, говорят, ты любил певицу, и целовал её портрет.

- О! И тебе рассказали? Я любил не певицу, а её талант.

- У тебя нет семьи?

- Почему нет? У меня две жены, одна - с законным браком, другая, как племянница числится. И есть у меня пятеро детей. Я же туркмен все же, хоть и детдомовский, я ж писатель, у меня были деньги - калым платить. Но я тебе не семейное положение объяснять хотел. Я вчера велел снять с книжки пятьсот рублей. Возьми. Трать. Как хочешь. Выпей в ресторане водки или вина, красивую официантку поймай, или другую бабу! Нет, я не тебе помогаю. Поживи на эти пятьсот рублей вместо меня, понял? Ну, не хочешь, не пей! Шашлык ешь за меня! На бильярде сыграй за меня, ну, придумай сам!

- Что ты! Не возьму я, у тебя же дети!

- Да не волнуйся, все у них есть! А если чего не хватит, литфонд не оставит, Бербабаев поможет, я же туркмен все-таки! Ты, извини, я пойду лягу! - сказал он совсем слабым голосом.

Как ни старался Глебик отдать ему обратно деньги, Дурдышка их не взял. А через день газеты поместили некрологи. И с портрета Дурдышка смотрел улыбочиво, жизнерадостно. И была в этом великая фальшь.

А Глебик бродил по закоулкам, прощался с Ашхабадом, а со странных деревьев при порывах ветра, кружась, летели костяные пропеллеры. И было много тайного и непонятного в мире. И никто не мог это хоть как-нибудь объяснить. И нельзя было ничего исправить, вернуть. Смутно догадывался Глебик, что есть лишь один способ вернуть, нет не все, лишь частицу, лишь некое отражение того, что было.

СОДЕРЖАНИЕ:

- 1.ЩУКА РАЗМЕРОМ С КИТА
2. ВИННЫЙ КАМЕНЬ
3. КАРА ЗНАЧИТ - ЧЕРНЫЙ
4. КРУГ И ТОЧКА
5. НЕГА, ПРОХЛАДА И ИЗОБИЛИЕ
6. БАЗАР-МАЗАР
7. СТРУНА ФОНТАНА
8. ЗООПАРК
9. ВРАТА ПОЗНАНИЯ
10. БОЙ НА ХОЛМАХ
11. БУХГАЛЬСИН
12. ДЕВУШКА С ВЕСЛОМ
13. У ЧЛЕНОВ
14. ТАНЦВЕРАНДА
15. МЕЛОЧИ ЖИЗНИ
16. МОРОЗ И СОЛНЦЕ, ДЕНЬ ЧУДЕСНЫЙ
17. ВЕСНА ЛЮДОЕДОВ
18. СОРОК ДВА - ПОД КОЗЫРЬКОМ
19. ХИТРЫЕ КАКИЕ!
20. У СТЕНЫ ВЕЧНОСТИ

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Кизяк делается из глины, соломы, и конского, коровьего или верблжьего помета.
- 2 Кутарды - конец
- 3 Татар-малай - татарский паренек
- 4 Хипес - это когда женщина "завлекает" мужчину, затем, чтобы ограбить его при помощи какого либо жульничества или дурмана, либо с помощью суровых сообщников.
- 5 Это всё - редакционные термины. Речь идет о размещении статей в газете. На каждой газетной странице есть и "подвал", и "чердак". Постороннему такие речи слушать страшно.
- 6Кеши- поселок на окраине Ашхабада
- 7 Дура - револьвер или другое огнестельное оружие
- 8 Лажа - пустое, ошибочное дело, лажанулись - ошиблись.
- 9Ага - обращение к старшему
- 10Сан, балун, минедар - изъявления благодарности, которые Глебик выучил сразу по прибытию в Туркмению
- 11 Калам - перо, карандаш.
12. Дестаны, месневи - стихотворная форма
13. Башлык - председатель колхоза.
14. Коурма - жареное баранье мясо.
- 15Хурджины - переметные сумы, часто бывают украшены искусным орнаментом
- 16Кетмень - круглая туркменская лопата.
- 17 Чайчи - так зовут чайханщиков, мастеров приготовления чая.
18. Уртак - друг. (Узбекский).
- 19Харам - нечто нехорошее, запретное, противоречащее мусульманской этике.
- 20 Вежливое приветствие. Мол, как живете-можете?
- 21Зиндан-тюрьма.
- 22Тельпек - высокая белая папаха, защищает от солнца, крупные завитки шерсти создают завихрение воздуха при ходьбе и езде, вентилируют лицо.
- 23Ахалы, теке - туркменские племена, проживающие в предгорьях Копетдага
- 24 "Опущенные" - униженные мужеложством, низшая каста в зоне
- 25 Терьяк - по-особенному приготовленный опиум, шарики терьяка глотают, и тогда грезят, видят юных красвиц и прохладные долины с родниками. Терьяк - забава стариков.

26 Палаван - силач, борец.
27 Азраил - ангел смерти